

РАБОТНИЦА

№ 9. 1974

Издательство «Правда»

Здравствуй, сентябрь! Первым осенним днем мы празднуем один из самых светлых праздников года. И самых удивительных: повторяясь из года в год, он каждый раз — открытие. Для первоклассников он «открывает» школу и с ней — первые обязанности человека. Вчерашних школьников он превращает в студентов. Тех, кто выбрал ПТУ, знакомит с будущей профессией. Многих взрослых людей возвращает к прерванному учению.

Для всех и каждого новый учебный год — шаг вперед, шаг из сегодня в завтра. В этот день при виде школ, затопленных детьми и цветами, остановится даже и тот, для кого и школа и вуз уже за плечами, и, отстраняя от себя привычные заботы дня, спросит себя: «А я? Ведь никогда не поздно...»

По статистике, в нашей стране учится каждый третий. Дорога к знаниям открыта перед каждым, было бы желание! Мы празднуем сентябрь — начало большого труда и для тех, кто учится, и для тех, кто учит.

Поздравляем с праздником учителей и учеников! Больших и маленьких!

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НАРОДА

Депутаты Верховного Совета СССР — гости нашей редакции. Фото И. Константинова.

Они пришли в редакцию «Работницы» в один из тех июльских дней, когда в Москве собралась сессия Верховного Совета СССР, первая сессия недавно избранного девятого созыва высшего органа власти нашей державы.

Каждый из нас, советских людей, в Москве, на Чукотке, в Донбассе или в Ашхабаде, во всех городах, колхозных селах, рабочих поселках, на дальних арктических и антарктических станциях, на советских кораблях, бороздящих морские просторы в далеких широтах, отдал свой голос кому-то из них, кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Полномочные представители народа в органах государственной власти. Именно так названы они в Законе о статусе депутатов Советов.

Знакомимся с депутатами, и приходят на память слова поэта-песенника В. И. Лебедева-Кумача:

У нас в Советы людей выбирают
По работе, по чести, по уму.

Поэт называл состав Верховного органа Советской власти коллективным портретом страны. Действительно, в составе депутатов люди почти всех национальностей, представлены все социальные группы советского общества. Народовластие осуществляется в нашей стране в самом полном, в самом глубоком смысле.

В составе Верховного Совета девятого созыва 769 депутатов, или более половины, — рабочие и колхозники.

На заре Советской власти, в феврале 1920 года, обращаясь к рабочим и работницам в связи с выборами в Моссовет, Владимир Ильич Ленин писал: «...надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством. Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин. Выбирайте же больше женщин-работниц в Советы...» С тех пор, как Ленин призвал выбирать в Советы больше женщин, коммунисток и беспартийных, «лишь бы была честная работница, умеющая вести толковую и добросовестную работу...», тысячи женщин прошли школу депутатской деятельности в Советах. И сегодня среди депутатов Советов, от республиканских до поселковых, более миллиона женщин — 47 процентов от общего числа. В нынешний состав Верховного Совета СССР избрано 475 женщин — это треть всех депутатов.

Известно, что в нашей стране депутатская деятельность не профессия. Избранники народа остаются теми же рабочими, колхозниками, инженерами, учеными. Свои депутатские обязанности они несут как почетный общественный долг, совершенно бесплатно. В этом ведь и есть гарантия того, что всей своей деятельностью органы Советской власти неразрывно связаны с народом, осуществляют его волю.

И на встрече в редакции депутаты говорили о тех задачах, которые выдвинуты перед страной в предвыборном Обращении Цен-

трального Комитета КПСС к народу, в речах перед избирателями Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева и других руководителей партии и правительства. И, конечно же, каждая делилась опытом работы своих коллективов, размышляла о проблемах, еще не решенных.

Клавдия Пантелеевна Воронова — главный мелиоратор колхоза «Путь к коммунизму», Астраханской области. Совсем недавно само такое словосочетание — «главный мелиоратор колхоза» — было редкостью. Последние годы отмечены массовым походом на засуху, мелиорация земель — сегодняшняя быль и завтрашний день для многих колхозов и совхозов.

— Наша область — это полупустыни. Злой «астраханец» — кто не слышал об этом сумасшедшем ветре, засыпавшем песком наши поля и сады? — отступает перед волей человека. В нашем колхозе только за последние годы площадь поливных земель выросла в пять раз. Резко выросли и урожай. Теперь мелиоратор с высшим образованием — самый необходимый в колхозе человек.

О преобразовании всей жизни горячо и интересно говорила Ольга Павловна Чуева, директор совхоза «Пламя революции» из Тувинской АССР.

— Тува — далекий край, заброшенный в горное поднебесье. И самая молодая из советских республик. Край, где совсем недавно и летом и в зимнюю стужу кочевали пастухи со стадами и все хозяйство, весь быт еще крепко держался дедовского кочевого уклада.

В короткий срок неузнаваемо изменилась жизнь народа. Совхоз, которым руководит О. П. Чуева, вполне современное и передовое хозяйство, оснащенное машинной техникой. Работа сельского труженика все больше сближается с условиями труда рабочего в промышленном производстве. И характерно: женщины Тувинского края чуть ли не первыми осваивают новую технику, во всяком случае, не уступают мужчинам.

— Сегодня успехи всех производственных коллективов зависят от того, как быстро и хорошо осваивают профессию, входят в коллектив молодые рабочие и работницы, — говорила Зулейха Исмаил кызы Гусейнова, председатель Азербайджанского республиканского совета профсоюзов. — Большая часть работающих — молодежь. Воспитанию молодежи в духе коммунистического отношения к труду отдают много сил и партийные организации, и комсомол, и рабочие коллективы. Наставничество — важное звено в воспитательной работе. У нас в республике тысячи людей стали наставниками. Недавно совет профсоюзов проверил работу наставников. Оказалось, наставничество лучше развито в женских коллективах. Возможно, потому, что способность учить, воспитывать дана женщине самой природой.

Второй раз избирается депутатом Верховного Совета страны работница Чарджоуского шелкового комбината Джумагуль Бешимова. Она рассказала, как выполняет депутатские обязанности, наказы избирателей.

— Прием избирателей веду каждую неделю. Приходилось не раз обращаться и к министрам и к другим ответственным людям. И не было случая, чтобы они задержали ответ более чем на три дня, как положено. Отчитывалась перед избирателями дважды. Задач у нас много, задач государственных. А наказ избирателей всегда в голове держишь, как программу. И самой работать нужно лучше. Куда годится, если депутат из передовых да в отставку попадет?..

На первой сессии Верховного Совета нынешнего созыва образованы руководящие органы Советского государства.

Одним из заместителей Председателя Совета Национальностей избрали Диляру Ташпулатову, прядильщицу Наманганского комбината шелковых и костюмных тканей. Впервые Диляра стала депутатом, когда ей исполнилось 24 года. Но она была уже опытной прядильщицей — преподавала в ПТУ. Ее ударная работа отмечена орденом Трудового Красного Знамени. 2400 веретен обслуживает Диляра, а по норме положено полторы тысячи. Она выступила с почином «Две пятилетки в одну» и работает теперь в счет 1977 года.

Второй раз послали избиратели Диляру Ташпулатову своим депутатом в Верховный Совет страны.

О своей депутатской работе Диляра рассказала:

— Раньше у нас в Намангане была маленькая прядильно-ткацкая фабрика «Пятилетка». Там, кстати, я начала работать. А наш комбинат шелковых и костюмных тканей построили всего шесть лет назад. Построили специально, чтобы было где работать женщинам. Но сначала они на комбинат не очень шли. Почему? Трудно было добираться: предприятие далеко от города. Я и подумала: как ни агитируй женщин, не пойдут они к нам, пока транспорт не наладим, чтоб подвозили их на работу. Подробности рассказывать не буду, только добились мы: получили транспорт. Десять автобусов ходят по определенному маршруту, привозят работниц на комбинат, а после смены доставляют домой.

Дела Ташпулатовой на виду у людей. Вместе с горсоветом она хлопотала о благоустройстве городка текстильщиков, который вырос рядом с комбинатом. В домах — горячая вода, газ. В городке современная школа, Дом быта, торговый центр, четыре детских сада.

Заместителем Председателя другой палаты Верховного Совета СССР — Совета Союза — избрана белорусская колхозница Александра Леонтьевна Давидчик. Чем же заслужила такое доверие эта молодая женщина? В своей Гродненской области прославилась Давидчик как лучший животновод. Известна в колхозе как добрый и отзывчивый товарищ. Первое место заняла она в соревновании молодых животноводов области. По 1063 поросенка в год выращивает Александра Леонтьевна, хотя в плане у нее стоит цифра 800.

И среди тех, кто избран первой сессией Верховного Совета в Президиум высшего органа Советской власти, мы видим женщин. Это прославленный космонавт, Герой Советского Союза, председатель Комитета советских женщин Валентина Владимировна Николаева-Терешкова. Это Зоя Павловна Пухова. Еще недавно рядовая работница одной из текстильных фабрик Иванова, запевала замечательного движения за быстрое освоение новой техники, она без отрыва от производства окончила институт и теперь стала директором фабрики. В составе Президиума Верховного Совета СССР — Лина Григорьевна Тынель, председатель исполкома Чукотского окружного Совета депутатов трудящихся, и фрезеровщица Уральского автомобильного завода Челябинской области Нина Александровна Новоселова.

Верховный Совет СССР девятого созыва приступил к исполнению своих обязанностей. Ему предстоит утвердить план новой, десятой пятилетки, план, который займет особое место в перспективах нашего развития, потому что он готовится вместе с генеральным планом развития народного хозяйства страны на 1976—1990 годы и станет его составной частью. А сейчас на повестке дня — успешное завершение текущей пятилетки. И все думы, трудовые усилия, народная инициатива отдаются этой задаче. На встрече в редакции депутат Ида Павловна Калинин, директор Научно-исследовательского института садоводства Сибири из Алтайского края, хорошо выразила общие мысли:

— Как преобразуется жизнь, особенно у нас в Сибири, крае новостроек, крае громадных созидательных работ, вряд ли нужно говорить. Мы все об этом знаем. Но результаты преобразующей силы народа видны не только на великих стройках. Наш институт совсем недавно был небольшой опытной станцией. И еще недавно в суровом Алтайском крае редко можно было встретить фруктовое дерево. А сейчас попробуй найти село без садов. Мы гордимся тем, что молодой наш институт помог поднять цветущим садам в сибирских селах и городах. Задача депутата — делать все для того, чтобы жизнь становилась краше. Только этим мы оправдаем мандат доверия, выданный нам народом.

Л. СТИШКОВСКАЯ

З а полетом в космос — труд. Изнуряющий, жестокий труд, и в этом я в очередной раз убедился, когда в Центре управления полетом следил за событиями на пилотируемой орбитальной станции «Салют-3».

Когда до посадки остается три витка, «Земля» старается не беспокоить космонавтов: для них наступил один из самых ответственных этапов полета. Надо тщательно проверить корабль, работу его систем, подготовиться к встрече с земным притяжением. В эти часы ожидания нам, журналистам, удается взять интервью у ученых и специалистов, которые помогали космонавтам в их двухнедельной экспедиции в космос.

УЧЕНЫЙ. Думаю, потребуется несколько месяцев, чтобы проанализировать полученные с орбитальной станции «Салют-3» результаты. Причем придется поработать и геологам, и метеорологам, и физикам, и географам — десяткам специалистов в самых разнообразных отраслях науки.

Орбитальная станция — вземной научно-исследовательский институт, в котором действуют самые разнообразные «лаборатории». Я сказал бы, что этот НИИ на орбите выполняет больше прикладных исследований, чем теоретических. Результаты наблюдений и экспериментов помогают ученым уже сегодня решать практические задачи. Чтобы не быть голословным, приведу один пример. На борту «Салюта-3» в течение всего полета шли наблюдения за состоянием атмосферы, с помощью достаточно сложной аппаратуры определялась, в частности, ее запыленность.

ДОМ НАД ПЛАНЕТОЙ

В последние годы замечено, что климат на планете изменяется. В нашем северном полушарии среднегодовые температуры снижаются, то есть с каждым годом становится все холоднее. В чем причина? Некоторые люди уверены, что именно старты ракет «прорубают» в атмосфере «окна», откуда на планету «льется» космический холод. Можно лишь посмеяться над столь наивным, антинаучным представлением, но тем не менее факт изменения климата существует. Сейчас рождаются различные гипотезы, наиболее вероятна одна из них: в результате сильной запыленности атмосферы количество солнечной радиации, поступающей к поверхности Земли, уменьшается. А сколько пыли в атмосфере? Узнать это невозможно без наблюдений с борта орбитальных станций и космических кораблей. Вот почему на «Салюте-3» Павел Попович и Юрий Артюхин вели регулярные исследования воздушного «одеяла» нашей планеты. Думаю, наука в ближайшие годы сможет подсказать, как именно надо бороться с запыленностью, каким образом охранять окружающую среду.

Неоднократно в течение двух космических недель Павел Попович и Юрий Артюхин проводили фотосъемку участков земной поверхности нашей страны. Серия экспериментов была проведена по заказу географов и гляциологов. Точное определение размеров ледников, которые, к примеру, питают реки Средней Азии, позволяет прогнозировать количество влаги, поступающей к хлопковым полям. Данные гляциологов необходимы для ирригаторов, которые должны знать, сколько именно воды придет с гор в такой-то месяц. Когда мы говорим о решении народнохозяйственных задач с помощью космических средств, имеются в виду такие наблюдения с орбит, которые можно сразу же использовать в научных прогнозах.

Это относится и к геологии. Экипаж «Салюта-3» проводил съемку плато Устюрт, некоторых районов Памира, Северного Кавказа и Средней Азии. Космические фотографии помогают геологам распознать структуры, из которых сложены недра Земли. Крупные природные образования невозможно различить с самолета, но из космоса они видны прекрасно, и поэтому при каждом полете космонавты ведут геологическую съемку.

Метеонаблюдения также входят в научную программу «Салюта-3». Во время полета П. Попович и Ю. Артюхин приняли участие в уникальном комплексном эксперименте над Атлантическим океаном.

Здесь ведут наблюдения за погодой суда многих стран мира. Поднимаются в воздух летающие лаборатории, запускаются шары-зонды. Далеко в космосе над Атлантикой регулярно появляются спутники системы «Метеор». Осуществляется грандиозный международный научный эксперимент «Тропэкс».

Состояние погоды на планете во многом зависит от Мирового океана. Именно здесь возникают циклоны и антициклоны, смерчи

Юрий Артюхин и Павел Попович после тренировки. Полет еще впереди.

А этот снимок сделан уже после полета. Звездный городок встречает героев космоса.

Фото А. Моклецова (АПН).

и бури. Генератор погоды — океан — пока еще мало изучен. «Тропэкс» — один из шагов, которые предпринимают ученые многих стран, чтобы познать тайны рождения погоды.

Экипаж орбитальной станции «Салют-3», пролетая над Атлантикой, вел наблюдения за облачным покровом. Для анализа результатов эксперимента «Тропэкс» в распоряжении метеорологов и физиков окажутся и снимки, сделанные «Метеором» и космонавтами.

— Я назвал лишь несколько исследований, — сказал в заключение ученый, — которые проведены на «Салюте-3». Этого достаточно, чтобы представить — профессия космонавта органически включает в себя несколько специальностей. Глубокие знания, прекрасная подготовка к полету, самоотверженность при проведении экспериментов — именно эти черты присущи экипажу «Салюта-3».

КОНСТРУКТОР. Станция «Салют-3» отличается от своих предшественниц. Техника не стоит на месте, и Поповичу и Артюхину надо было провести серию технических экспериментов. Нам, конструкторам, необходимо знать, насколько четко ориентируется станция, каково «взаимоотношение» различных систем и узлов в условиях космического полета. А проблемы подчас возникают неожиданные.

Есть на борту станции «беговая дорожка». На ней космонавты тренируются, чтобы организм не «забыл», как действует земная тяжесть. «Беговая дорожка» словно возвращает их на Землю. И поэтому несколько часов в сутки она действует. Однако когда космонавт «шагает» по дорожке, станция слегка раскачивается. Ориентация от строго определенного положения в пространстве, которое задано ей, чуть-чуть нарушается. Двигателям ориентации приходится на непродолжительное время включаться и возвращать станцию в исходное состояние. Короче говоря, космонавт

тренируется, а двигатели расходуют «рабочее тело». Необходимо найти оптимальное решение — при наименьших затратах топлива добиться наивысшей эффективности в тренировках экипажа. Оказалось, что и для космонавтов и для станции наиболее рациональный режим — большие шаги, почти бег.

Космонавты тщательно познакомились с «Салютом-3», ее конструкциями, системами и узлами еще во время наземных подготовок. Они знали свой «космический дом» досконально, и это позволило провести блестяще весь цикл технических испытаний на орбите. Так что Павлу Поповичу и Юрию Артюхину пришлось быть и инженерами и испытателями, а не только научными сотрудниками...

ВРАЧ. Профессия космонавта — это и глубокие знания космической биологии и медицины. Каждый организм переносит условия невесомости по-разному. Во время всего полета велось тщательное медицинское наблюдение за состоянием космонавтов, их работоспособностью. Кажущаяся легкость невесомости вообще очень коварна: она изматывает организм, работоспособность понижается.

Попович и Артюхин начали готовиться к посадке сразу же после старта. Мы ни на секунду не забывали, что невесомость может вызвать такие изменения в организме, которые вредно скажутся после приземления. И поэтому медицинский контроль так скрупулезен и тщателен. Сейчас, за два часа до посадки, мы, медики, говорим: космонавты легко перенесут встречу с земным тяготением, никаких осложнений не будет. Комплекс для физических упражнений на борту «Салюта-3» позволил экипажу хорошо подготовиться к завершающему этапу полета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ. Экипаж «Салюта-3» прекрасно провел весь полет. Если говорить об «идеальном экипаже», то Павел Попович и Юрий Артюхин создали именно такой. Лед и пламень соединились. Они прекрасно дополняли друг друга. Эмоциональность Поповича и рациональность Артюхина, высокий профессионализм и преданность делу, глубокие знания и мастерство обоих — эти качества характерны для космического коллектива «Салюта-3». С Павлом Поповичем и Юрием Артюхиным было работать легко и приятно, даже в те минуты, когда и от экипажа и от всех наземных служб требовалось полное самообладание, выдержка, напряжение всех сил.

...Полет первого экипажа «Салюта-3» завершился. Как все предыдущие полеты, он проложил путь к орбитальным станциям новым экспедициям.

В. ГУБАРЕВ

Центр управления полетом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал
Основан 8 марта 1914 года

СЕНТЯБРЬ 1974 • МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

пастор сидел в глубоком, прямом жестком кресле и смотрел, как она входит.

— Извините,— сказала Мария, здороваясь.— Я стучалась, но никто не отвечал.

— Да, я слышал. Так это вы?.. Наверное, вы хотели спросить насчет уборки? Церковь заперта. Это не ваша вина, если вы не будете убирать.

— И не ваша. Ведь вы тут сидите,— сказала Мария.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Да, тут. Я уже не запираю дверей, вот все, что я могу сделать. Каждый должен умереть, не так ли, милая женщина?.. Я просто должен подождать своей очереди... Было время, я боялся одного — что в последнюю минуту все-таки испугаюсь. Теперь я больше даже этого не боюсь.

Было видно, что он и вправду ничего не боится. Он очень похудел, этот прежде такой сытый, такой приветливо-деловитый пастор. Он стоял на своем смиренном пути, даже признал свои слабости перед уборщицей.

Он не был самодоволен. Но как человек, спокойно уверенный в себе, своей правоте, он не мог быть недоволен собой, и это взбесило Марию.

— А за других вы тоже не боитесь? — от напора душившей ее злобы кротким голосом спросила она. — За тех, кто в церкви заперт?..

— Я молюсь за них... Это — ужасное дело. Всеми помыслами...

— У вас ведь ключи. У вас все ключи от церкви есть.

— Да. Ключи. Целая связка ключей... Но кому она может помочь? Двери охраняют часовые. Чем могут помочь какие-то ключи?

— С той стороны есть вход в ризницу — она не охраняется. Ключом можно открыть эту дверь, и люди уйдут.

— Их сейчас же увидят и убьют, там слабые женщины и старики. Их жестоко убьют всех до одного.

— Может быть, да, может быть, нет.

— Нет, нет, это преступление — пытаться их выпустить из церкви. Ведь их просто уведут дальше, и многие могут спастись, останутся жить...

— Нет.

— Откуда вы это можете знать, Мария?

— Я говорю вам то, что знаю, — нет... Вы бы отдали ключи, если б за нами пришли... для этого?

— Не знаю... Не могу сказать... Кому отдать? Нет... Я не имею права вмешиваться... Нет, я не могу принять участие в каком-то заговоре, который может погубить людей. Пускай придут и возьмут — я не могу противиться. Я не боюсь за свою жизнь. Я готов. Я готов.

— Я вижу, — сказала Мария. — За себя вы не боитесь, а я боюсь. За себя и за свою девочку еще больше боюсь. Вот в чем дело. Но я, может быть, взяла бы у вас ключи, если бы вы мне дали.

— Вы бедная, отчаявшаяся женщина, вы запутались, и это не ваша вина, вовсе нет!

— А я боюсь, даже до тошноты боюсь. За себя. За этих людей так боюсь, как будто я сама там заперта. Одна я там заперта и томлюсь с моей девочкой, а другая я — боюсь идти и попробовать отпереть эту дверь... Хорошо вам, что вы такой бесстрашный!..

Он сидел и молчал удивленным молчанием, глядя, как за ней захлопывается одна из незапертых дверей...

Манька спала, видно, давно уже заснула, разоспалась так, что ничего и не почувствовала, когда Мария, осторожно подсунув под нее руки, подняла и переложила к самому краешку, накрыла своим пальто. Поспешно заперла дверь на задвижку; одеяло она разложила на освободившемся месте и стала на него сваливать, торопливо расправляя, приминая, Манькины и свои кофточки, рубашонки, платки...

Надо бежать! В ту сторону, за родник в лес, все равно куда — тут оставаться нельзя. Придет опять тот солдат со своими разговорами выведывать — он у Маньки, наверное, все выведывал, что ему нужно.

Луна дошла до березы во дворе, и столб дымчатого света пятнами уперся в стену, потом переполз на пол, луна сейчас, наверное, светила на крышу церкви... в глаза умирающих раненых и на кисти белой сирени...

Она заснула намертво, ничего не слыша, не чувствуя, а проснулась оттого, что Манька, стоя около нее, сердито толкала в плечо, дверь была приоткрыта, и от луны, что висела за открытой дверью, в комнату было светло.

Черный долговязый солдат переступил порог, прикрыл за собой дверь. Все тот же проклятый Людиг... Опять он.

— Спит, как глухая, ничего не слышит, — сварливо говорила Манька.

Марии показалось в первую минуту, что уже утро. Или уже другая ночь, раз опять луна? Она совсем утратила ощущение вре-

мени, не сразу вспомнила, кто она. Где? Как сюда солдат вошел? Манька ему дверь отперла?

— Ну-ун, ничего нет? — тихо спросил солдат. — Может быть? Может быть, нет? А?

— Нет. Откуда у меня может быть? Я же сказала.

— Зоо?... протянул солдат. — Может быть, НИЕТ!.. Это так?

— Так, так...

— Означает капут? Этот публикум, так? Весь это люди там! Означает капут.

— Да куда же они денутся, если даже выйдут?

— Ах! Может быть, да?

— Я попробую... Я ничего не знаю. Может быть.

— Может быть, это хорошо.

Заладил свое «может быть», точно весь русский язык в него втиснул.

Он подал ей отломанную, тяжелую ветку цветущей сирени.

— Вы не быстро гулять, цветочек нюхать. Так?... Я тоже — само гулять буду... Немножко так... — Он как бы отодвинул себя к сторонке, рукой показывая, как это он будет «гулять».

Мария торопливо оправила платье, повязала платок, отобрала у Маньки гнувшуюся от тяжести гроздей сиреневую ветку, которую та обнюхивала с разных сторон.

— Сиди тихо, — строго сказала, стараясь даже не смотреть на дочку, и занулась. — А тот, ваш другой?... С такой... — Она показала тяжелый, похожий на бороду подбородок. — Того нет?... Он не увидит?... Солдат сразу понял и отрицательно помотал головой. Наверное, и сам его в уме держал и боялся.

Они вышли разными калитками. Мария чувствовала, не оглядываясь, что немец идет за ней в отдалении, не теряя из виду.

Вдалеке на шоссе урчали проезжавшие машины. Пронесся, все заглушая, истошный, прерывистый рев коровы, кого-то зовущей на помощь, и тишина, когда он оборвался, была еще страшной.

Сирень, облитая лунным светом, пахла тоской, тревогой и страхом. Мария шла неосвещенной, темной стороной улочки, но и тут рядом сирень, дождавшись прохлады, источала запах, от которого становилось душно.

Не стучась, она отворила дверь, прошла через кухню. Пастор лежал на узком, не для лежания, маленьком диванчике, но, когда она входила, он, услышав ее шаги, поднялся и сел. Узнав Марию, он даже вскочил на ноги.

— Это вы? Слава богу, вы пришли, скорее говорите, что надо сделать, я иду, я готов.

«Опять он готов!»

— Вы сказали... — начала Мария.

— Я ничего не говорил, — перебил он. — Вы здесь говорили с мертвым человеком... Я только что вернулся. Издалека. Там плачут дети. Они плачут, и кашляют, и тихонько жалуются... Я был в темнице, и вы посетили меня! Нет, не посетили! Это про меня! Это я не посетил. Я сидел и готовил одного себя... Идемте.

«ЛЮДИГ»

Ф. КНОРРЕ

Рассказ *

Рисунок О. ВУКОЛОВА.

— Вы не в себе, — сказала Мария. — Вы только ключ мне, а вам никуда не надо.

— Нет-нет! Не отговаривайте. Я пойду: «Они в тюрьме, а я!..»

— Где у вас ключ?

Ключи, целая связка разных, звенящих в руках, как колокольчики, ключей висела на гвоздике за книжным шкафом...

Он так и собрался, звеня всей связкой, выйти на улицу и шествовать к церкви. Мария встряхнула его за плечи раз, другой — и он не удивился, только перестал говорить.

Она стала ему объяснять властно, требовательно, нетерпеливо, что нужен всего-навсего один-единственный ключ, но чтоб он был именно тот, от маленькой двери в ризницу с тыльной стороны церкви. Он бессмысленно перебирал ключи, пальцы не слушались, и он плохо понимал, что ищет.

Мария потащила его на кухню, он шел послушно, спотыкаясь о пороги. На кухне пришлось зажечь лампочку — с улицы могли увидеть свет сквозь ветки, но думать было уже некогда.

Все ключи, стащив с кольца, Мария разложила на столе, и он узнал наконец свой ключ.

Пять раз она переспросила, заглядывая в глаза, тот ли. Глаза стали у него осмысленные, можно было поверить — тот. Она зажала ключ в руке и потушила лампу.

— Мы идем вместе!

— Вы все испортили, сидите тут, — строго сказала Мария.

— Пожалуйста, можно я пойду с вами, — умолял он, искренне и беспомощно, по-детски. — Не оставляйте меня.

— Сидите! — сказала Мария, даже не удивляясь, почему это она так разговаривает и почему он слушается.

Но он все-таки потащился за ней до самой калитки. Ему очень нужно было идти, он хотел идти, а без нее не знал, что делать, этот всю жизнь учивший и наставлявший со своего высока пастьер растерянно искал чьей-нибудь руки, которая повела бы его куда нужно.

Солдат прохаживался в ожидании в самом конце переулка. Услышав ее шаги, он быстро обернулся и пошел далеко вперед, показывая дорогу. Так они, не выходя на площадь, обогнули ее кругом и вошли в тень первых редких деревьев городского сада, где-то за городом переходившего в перелесок и в настоящий лес.

Черная тень от церкви покрывала открытую площадку, где среди низких кустов рядами лежали длинные серые каменные плиты рыцарских надгробий.

За четкой границей чернильно-черной тени лежала широкая, светлая, как днем, полоса луга, поросшего обесцвеченной от лунного света травой.

Минуту они стояли, чутко прислушиваясь, чего-то выжидая или просто не решаясь. Солдат взял ее за запястье, поднял руку и оттолкнул, с досадой цокнув языком. Ветки сирени не было, она где-то ее потеряла.

Мария разжала и протянула ему другую ладонь, с ключом. Ладонь была мокрой, с такой силой она всю дорогу сжимала в ней ключ.

Солдат взял ключ и опять не двинулся с места.

Возник и стал нарастать, приближаясь, звук тяжело пыхающего дизельного мотора. Солдат с усилием оторвал свою руку от березового стволика, в который она как будто сама собой вцепилась, оттолкнулся и, как в холодную воду, шагнул на залитый светом луг.

Он шел очень медленно, переправляясь через эту полосу света, и, добравшись до края тени, как до берега, подбежал к сводчатой нише с дверью, нагнулся, припал к ней и замер надолго.

Дизельное пыхтение вдруг как ножом обрезало, и в тишине стало слышно робкое поквакивание лягушек, шелест листьев, приближающееся зудение комариного писка у самого лица, но громче других был звук железа, трущегося о железо... нетерпеливое пощелкивание. Едва слышное погромыхивание и скрежет ключа в скважине звучали теперь, кажется, на весь город так, что Мария еле удерживалась, чтоб не броситься бежать отсюда, пока не поздно.

Вдруг все там смолкло, и она увидела, что немец большими шагами идет к ней обратно по ярко освещенному лугу.

Тяжело дыша от злобы, он тыкал ей в руку ключ, непрерывно ругаясь по-немецки:

— Свиная собака (или собачья свинья?), идиот, осел, — все это она пропускала мимо ушей, полупонимая, — чертов ключ от какого-то грязного свиного свиношника!.. — Она поняла наконец: ключ не подошел к замку.

Она толкнула немца в плечо, заставляя обернуться. Показала пальцем. Он оборвал ругательства на полуслове.

Появившись из-за угла, обходя здание церкви, шли пятеро фашистских солдат, нет, не солдат, а полевых жандармов, их легко было узнать по блестящим нагрудным бляхам. Фельджданармы! Этим и солдаты ненавидели и боялись.

Мария со своим фрицем стояли, не шевелясь, в жиденькой, пятнистой тени, отступя всего четыре-пять шагов от открытого места. Не дыша, боясь шума собственного дыхания и гула стучащих сердец.

Жандармы, оглядываясь по сторонам, прошагали молча, негромко ступая мимо церкви, и вышли в улицу, все так же неторопливо поглядывая по сторонам.

Мария рванулась с места, но солдат поймал ее за руку, дернул назад, удержал:

— Гуляйт. Гуляйт!

Она пошла неторопливо, насильно удерживая шаг, хотя внутри у нее точно котел перекипал, готовый взорваться от невыносимого давления, толкая ее бежать.

У пастора опять пришлось зажигать свет и снова пересматривать ключи. Пастор долго, удивленно и вдумчиво разглядывал ключ, покачивая его на ладони, потом протянул руку и мягким, нежным движением, будто выпуская пойманную рыбку на свободу, выронил его в помойное ведро.

— Вы взяли вовсе не тот ключ, бедная женщина, совсем не тот.

Как будто она не переспрашивала его пять раз — тот или не тот, как будто не он сам вручил его ей, этот никчемный ключ.

— Да вы можете найти или нет? — с отчаянием, стараясь пробиться сквозь его горестную, раскаянную отчужденность, воскликнула Мария, раскладывая перед ним на столе ключи. — Да опомнитесь вы! Ключ! Ключ! От двери. От малой двери!..

Он указал торжественно и поучительно на помойное ведро.

— Это и есть ключ! Да, он тридцать лет исправно отпирал ту дверь. Но больше он ее не отпирает, это правда. Это и есть суровая истина. Пришлось поставить новый замок. А к новому замку нужен новый ключ. Изменились времена, а с ними...

— Вот мучение! Господи!.. Вернитесь вы с облаков сюда, в кухню!

— Да, да... Вы правы... на кухню! — Опомившись, он вдруг быстро выхватил и подал почти новый, светлый ключ.

(Продолжение на стр. 16.)

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ „ЖЕНАТА ДНЕС“

Гостить у друзей всегда приятно. С чувством радости гостим и мы у вас, дорогие советские сестры, читательницы журнала «Работница». Гостим мы по случаю предстоящего славного юбилея — 30-й годовщины социалистической революции, положившей конец монархо-фашистскому и капиталистическому господству в Болгарии.

В тот памятный день наш народ с помощью Советской Армии открыл новую страницу в своей тринадцативековой истории и уверенно пошел к светлому будущему.

Представимся: в гостях у «Работницы» журнал «Жената днес», издаваемый Комитетом болгарских женщин. Многие из вас читали наш журнал или слышали о нем: он выходит и на русском языке.

Журнал «Жената днес» — почти ровесник свободы: в будущем году исполнится тридцать лет со дня выхода его первого номера. Это один из самых популярных журналов в Болгарии: у него больше миллиона читателей, женщин и мужчин. Быть достойным новой болгарской женщины — строителя социализма, быть ей настоящим другом, советчиком и помощником — вот к чему постоянно стремится «Жената днес».

А теперь, дорогие подруги, разрешите издали протянуть вам с большой любовью и нежностью руку дружбы.

ЛИЛЯ С ПЬЕДЕСТАЛА, ЛИЛЯ ИЗ ПЕСНИ

Софка Петрова.

Каждый день, идя на работу и возвращаясь с работы домой, я прохожу мимо стройной фигуры девушки, стоящей на сером гранитном пьедестале на засаженном цветами софийском бульваре Бирюзова. У нее коротко подстриженные волосы, схваченные сбоку заколкой, в левой руке книга — символ науки, неутоленной жажды знаний. Девушка из гранита стоит на бульваре, встречая и провожая прохожих, хрупкая и сильная, красивая и молодая, такая, какой она осталась в памяти народа, такая, какой ушла в бессмертие в свои двадцать шесть лет, в расцвете молодости.

Вначале, когда я стала ходить этой дорогой, я часто задавала себе вопрос, останавливаются ли перед гранитным изваянием беззаботные и веселые мальчишки и девчонки в коротких юбочках, толпой стекающиеся к дверям находящейся в нескольких метрах отсюда гимназии, которая носит имя этой девушки — Лиляны Димитровой? Знают ли подробности ее яркой жизни, знают

ли о ее великом самопожертвовании во имя их счастья? Мне до сих пор стыдно своих подозрений: каждый день в ногах у гранитной девушки появляются цветы — букет, или одинокая роза, или просто зеленая веточка...

А работницам фабрики имени Лиляны Димитровой незримое присутствие героини всегда напоминает о чем-то большом и светлом. Она часть их сегодняшней жизни.

Кто же такая Лиляна Димитрова? Член ЦК комсомола, одна из обаятельнейших героинь революционной болгарской молодежи, погибшая 27 июля 1944 года в перестрелке с фашистской полицией в городе Пловдиве. Тридцать с лишним лет назад студентка-юрист Лиляна Димитрова по заданию партии поступила работницей в Слатинские текстильные мастерские. В ту суровую пору работницы были известны своей сдержанностью, недоверчивостью — такой сделала их жизнь, и подступиться к ним было трудно. Но Лиляна за какие-то считанные месяцы завоевала доверие работниц, сплотила их.

Она рассказывала им о свободной жизни советских работниц, их сестер по классу, и сумела поднять работниц на забастовку.

Когда в 1948 году семь частных вязальных мастерских, разбросанных по всей Софии, объединились в одну фабрику, ей присвоили дорогое имя Лиляны. Теперь это вполне современное предприятие, оборудованное высокопроизводительными машинами, управляемыми с помощью электронных устройств.

Я пришла на фабрику имени Лиляны Димитровой в день, когда работницы обдумывали, как бы поторжественней вручить ключи новоселам дома, построенного на средства фабрики. 69 семей получили в этом доме двух- и трехкомнатные квартиры с паровым отоплением и горячей водой. А на фабрике уже поговаривают о строительстве новых домов.

Двести новых образцов изделий выпустила фабрика для внутреннего рынка и на экспорт в этом году. Во втором квартале число новых изделий, предназначенных для Советской страны, достигло почти 70. Немало вещей будет отправлено в другие братские социалистические страны, а также во Францию, Ливию, ФРГ. Когда я спросила, поступают ли жалобы на качество товаров, на меня посмотрели с упреком. Раз я задаю такой вопрос, значит, ничего не знаю о коллективе фабрики имени Лиляны Димитровой! Брак — да еще в таком году, в юбилейном... Упрек был справедливым, и я позавидовала их самочувствию. Они гордятся тем, что их фабрика считается ведущим в стране предприятием по производству верхнего трикотажа, тем, что не отстают от капризной моды, что быстро осваивают новую синтетическую пряжу, что в модельерной рождаются все более красивые, удобные и изящные вещи.

Всего, что я увидела и услышала на фабрике, не перечислишь. Здесь работают 800 женщин. Во всем коллективе лишь 60 мужчин. И директор тут женщина, и главный бухгалтер, и парторг, и председатель профкомитета, и секретарь комсомола, и руководители цехов. И все, от работниц до руководителей, учатся — на курсах, в техникумах, в институтах, в промышленно-учебном центре, организованном на фабрике. Закончил пятилетнее обучение третий выпуск (каждый из них состоит из 25—30 человек) в текстильном техникуме. Семь человек учатся в вузах, некоторые уже получили высшее образование и заняли соответствующее место на производстве. Можно сказать, что нет такой работницы, которая не прошла бы через экономические

курсы. Экономические знания нужны всем — каждый цех работает на самостоятельном хозяйстве.

В коллективе 41 женщина-рационализатор. Предложения 32 из них уже внедрены в производство, их экономический эффект составляет 162 тысячи левов. Но не одними деньгами измеряются результаты их труда. Ведь некоторые из этих женщин поступили на фабрику молоденькими девчонками, необразованными, ничего не умеющими, и здесь получили высокую квалификацию.

Прекрасное самочувствие без оснований не бывает. Люди работают в хороших условиях, в удобной спецодежде. На фабрике есть душевые, комнаты личной гигиены, парикмахерская. Питаются работницы в столовой. Многие берут оттуда пищу на дом: так хорошо готовят. Беременные женщины работают только в дневную смену. И каждая из них получает бесплатный завтрак. Малыши воспитываются в яслях и детском саду при фабрике. В июле почти весь коллектив уходит

в отпуск. Так удобнее — сразу организовать отдых для всех, а за это время провести технический осмотр машин и, если нужно, отремонтировать их.

В этом году уже побывали на море 220 работниц, в большинстве своем с семьями, 32 работницы получили путевки на дру-

гие курорты. А когда они снова приступят к работе, во дворе фабрики появятся палатки. Утром на фабрику вместе с мамами приходят дети от семи до десяти лет. Их встречает назначенный комитетом профсоюза воспитатель, который организует игры, водит детей купаться в расположенный по соседству бассейн, устраивает походы. Пообедав в столовой, ребята отправляются спать в палатки, а по окончании смены уходят с родителями домой. Третий год работает при фабрике такой городской лагерь.

Лиля, Лиля, представляла ли ты себе в мечтах все то, что дало работницам радость, повысило их чувство самоуважения, научило стремиться к высокой цели!

Софка Петрова — живая история этого коллектива. К станку она встала четырнадцати лет, гнула спину еще на хозяина. Софка была первой работницей, посланной фабрикой после победы народа учиться в техникум, в старый город текстильщиков Сливен. Сейчас она начальник лаборатории, удостоена многих наград. Жизнь Софки заполнена и большой общественной работой — парторг, постоянный пропагандист вот уже двадцать лет. Горячая поклонница искусства, она руководит коллективом художественной самодеятельности. Надо иметь большое сердце, чтобы так щедро раздавать себя людям.

Будь Лиляна жива, ей было бы сейчас столько же лет, сколько и Софке. Она отдала жизнь ради того, чтобы Софка и другие, такие же, как она, болгарки, узнали радость свободного труда, обрели чувство высокого человеческого достоинства.

Недавно Софка сложила песню о Лиляне. Ее стали петь на мотив марша текстильщиков, который пели в первые дни свободы, дни ликования...

Н. АБАДЖИЕВА

ДРУЖБА КРЕПКАЯ И НА ВЕКА

У нас в Болгарии говорят, что наша дружба с Советским Союзом крепкая и на века. Дважды — в 1878 и 1944 годах — русские и советские братья во имя свободы болгарского народа проливали кровь.

И еще у нас говорят, что дружба с Советским Союзом нам так же жизненно необходима, как солнце и воздух всякому живому существу.

И это не просто слова.

В 1934 году возникло первое в стране болгаро-советское общество. Лишь тот, кто жил в условиях фашистского террора, знает, что выступать в те годы за болгаро-советскую дружбу означало рисковать многим, даже жизнью. И все-таки тысячи коммунистов и беспартийных шли на это, зная, что дружба с Советским Союзом жизненно необходима нашему народу.

Памятник Лиляне Димитровой в Софии.

9 сентября мы отмечаем великую дату — 30 лет нашей социалистической революции, 30 лет со дня освобождения Болгарии от капитализма и фашизма. За эти годы исторические корни болгаро-советской дружбы налились новыми живительными соками, которые дали жизнь росткам светлого будущего. Дружба обогатилась новым содержанием.

Вернемся мысленно на 30 лет назад. Доведенная до нищенской суммы продажными фашистскими правительствами, Болгария, ставшая после освобождения народной республикой, была тогда не в состоянии ни создавать необходимый ей национальный доход, ни выделять средства на индустриализацию. На помощь нам пришел Советский Союз. На предоставленные им кредиты мы построили 225 предприятий и в том числе 150 машиностроительных. Они-то и определили индустриальный облик Болгарии. Не менее важно для нас и то, что средства, затраченные на строительство этих предприятий, мы выплачиваем Советскому Союзу выпускаемой ими продукцией. Таким образом, наша родина на взаимовыгодных условиях участвует в международном социалистическом разделении труда. Болгарская экономика все теснее интегрирует с мощной экономикой Советского Союза.

Сооруженные с советской помощью предприятия дают стране почти 70 процентов производства электроэнергии, 90 процентов свинца, 50 процентов азотных туков и серной кислоты. И в текущей пятилетке Советский Союз помогает Болгарии строить новые электростанции, предприятия черной и цветной металлургии, химической, нефтехимической и целлюлозно-бумажной промышленности. Все это не красивые слова, а красивая действительность.

Велика помощь Советской страны и в подготовке нашей научно-технической интеллигенции. До конца 1973 года в Советском Союзе высшее образование получили 7 тысяч болгарских юношей и девушек, примерно тысяча из них — кандидаты и доктора наук.

Уз болгаро-советской дружбы много — исторические, политические, экономические, они по-человечески теплые, исполненные крепкой обоюдной любви и уважения. Прошлое, настоящее и будущее, мысли и чувства, интересы и стремления — все это сближает наши народы. И ничто их не разединит. Мы бесконечно благодарны Советскому Союзу за то, что его помощь бескорыстна, что наша дружба равноправна. Это дружба народов, идущих одной дорогой к одной общей цели — коммунистическому будущему человечества.

Б. ШАМЛИЕВ

ЧТО ДУМАЕТ СОФКА ХРИСТОВА

Из окна цеха узлов Софийского завода радиоприемников имени Климента Ворошилова видны длинная цепь Стара-Планины и круто вздымающаяся вверх Витоша. Синева этих гор, притягивающих к себе взгляд, создает чувство простора в цехе, хотя рабочих сейчас почти вдвое больше обычного: на заводе проходят практику студенты электротехникума имени А. С. Попова.

Уже двенадцать, обед. Ребята, высокие и красивые, один за другим подходят к Софке Христовой и просят разрешения уйти. Они выполнили свое задание на день.

Она провожает их ласковым взглядом и говорит мне:

— Какие ребята, а? Любо-дорого смотреть! А какое чувство ответственности! Знаете, они очень загружены в техникуме и, может быть, поэтому умеют распределять время, дисциплинированы.

Софка Христова кивает небольшого роста девушке с глазами-вишенками, которая тоже уходит, выполнив дневное задание, и продолжает:

— Вот об учениках средней политехнической школы, которые были у нас на практике, не могу сказать того же. Не привыкли к труду некоторые гимназисты. Особенно девушки. Они словно не на работу приходили, а на выставку мод: что ни день, то новые наряды. Где уж тут думать о трудовой дисциплине!

Софка двадцать два года работает на заводе и шестнадцать из них — бригадиром. За это время бригады, которыми она руководила, пять раз завоевывали звание бригады коммунистического труда. А в первом квартале текущего года цех узлов вышел на первое место в соревновании.

— Ох, и повеселились же мы на премию, которую нам выдали! Коллективную вылазку в горы устроили.

И Софка радостно щурит голубые глаза. Кто не любит отдохнуть на лоне природы? Глядя на ее молодое лицо, я никак не могу поверить, что у нее за плечами такой долгий трудовой путь, начавшийся у слесарного станка. Сейчас в цехе узлов она руководит 67 женщинами.

Софка Христова — свидетель и участник всех постепенных и порой незаметных, но значительных перемен в сознании и поведении людей. И поэтому ее тревожат сорняки, еще прорастающие кое-где в нашей жизни.

По профессиональной привычке (ведь я журналистка из женского журнала) спрашиваю, на кого можно больше рассчитывать в работе — на мужчин или на женщин. Она не задумываясь отвечает:

— На женщин. Они более дисциплинированы и, я бы сказала, более сознательны. Иногда приходится оставаться после работы, чтобы выполнить срочный заказ. Приятного в этом мало, но когда нужно, женщины готовы пожертвовать свободным временем. А мужчин обычно приходится уговаривать.

— Как вы считаете, работающие женщины — хорошие матери или нет?

Я нарочно задаю этот острый вопрос. Он явно задевает Софку, уважаемого всеми бригадира, награжденного в этом году золотым народным орденом Труда. Дочь Христовой проходит сейчас практику на заводе вместе с другими учащимися техникума.

— Не буду говорить обо всех, скажу только о Гене Георгиевой, матери троих детей. Гене нелегко пришлось в жизни, чего только не испытала, но я ни разу не видела ее угрюмой, подавленной, у нее никогда не опускались руки. В работе она пример для всех. И такая мать, что ее нельзя не уважать. Я убеждена: у работающей женщины совершенно иной авторитет в семье. И я не понимаю молодых женщин, которые после рождения ребенка бросают работу. У них же сейчас почти годовой оплачиваемый отпуск, большие возможности устроить ребенка в ясли или детский сад! К сожалению, не все мы приучаем детей к труду, порой балуем их. Все думаем: сами жили трудно, так пусть хоть им будет легче. Помню, как я пешком бегала семнадцать километров из Позарджика в село, чтобы помочь родным нанизывать табачный лист. А пешком потому, что мне давали денег только на проезд в Пловдив и обратно. В Пловдиве я училась в заводском машиностроительном училище.

Какие качества ценит Софка больше всего в женщинах?

— Во-первых, чувство ответственности. У такой работницы и рабочее место в порядке, и дисциплина дисциплиной, и продукцию она дает без брака... Хочу сказать: важны и удобное рабочее место, и хорошее освещение, и тишина. Дело у нас тонкое, оно требует сосредоточенности и напряжения. Но зато какое счастье сознавать, что люди довольны твоей работой! До сих пор помню несколько телеграмм из Советского Союза, в которых нас благодарили за хорошее качество продукции. Как мы радовались тому, что советские товарищи оценили наш труд! Хотелось бы и впредь слышать добрые отзывы. Не уроним нашу вошиловскую марку.

П. ДУХТЕВА

В. ДИМИТРОВ-МАЙСТОРА, народный художник Болгарии. ПЯТЬ ДЕВУШЕК.

Блага ДИМИТРОВА

Быть женщиной

Быть женщиной — так больно...
Девчонкой станешь — больно,
любимой станешь — больно,
а матерью — как больно!
Но непереносимей
боль женщины иной,
что не узнала этих болей
всех до одной...

Дора ГАБЕ

Помедли, солнце

Помедли, солнце,
я не готова
ко встрече ночи —
еще не завершен мой день
и с совестью не кончен спор,
ей права не дано на отдых.
Я только-только научилась говорить
с деревьями, с камнями,
еще я не наполнила свой день
их мудростью.

А ты велишь мне отдыхать
и исчезаешь так спокойно
и торжественно
с багряными вершинами Витоши
и селами в обнове зарева,
с иллюзиями о грядущем дне.
Помедли, дай мне время
понять, как можно засыпать
в тревожном этом мире,
когда бессонница, что совесть,
а совесть — это день?
Помедли, солнце!

НАЗОВУ «ОДНОПОЛ»

И. В. ДРЯГИНА.

Фото Н. Маторина.

СОРТ- ЧАНКА»

Т. РЯБИКИНА

Для начала — киношная повинность. И не спорьте, не возражайте. Есть-пить будем потом. И все дела после. Ирина, ты за? Тогда освобождай стол от книг. Они у тебя размножаются делением, что ли?

Когда бы вы ни пришли в этот дом, медвежеватого-большого хозяин встретит вас предупреждением о «повинности». И вы отложите на потом дела, которые привели вас сюда. Потому что, если можно не считаться с увлечением человека, нельзя не считаться с его страстью.

А здесь кино — именно страсть. И Льва Михайловича Лобачева, сотрудника энергетического института, и его жены Ирины Викторовны Дрягиной, доктора сельскохозяйственных наук, преподавателя МГУ. Чтобы вы представили себе серьезность страсти, пример: вечером, завершив работу в своем институте, Лобачев отправляется к друзьям на дачу (автобус — метро — электричка), дожидается там темноты, потом едет домой (электричка — автобус); утром выходит из дома в шесть и повторяет до работы тот же маршрут в обратном порядке (автобус — электричка, электричка — метро — автобус). Если вы общаетесь с московским транспортом, тем более летним, тем более в часы «пик», вам не надо объяснять, чего стоят подобные ежедневные «прогулки».

Чего же ради Лобачев обрекает себя на них? А на даче в Мичуринце снимается очередной фильм. У старинной, еще фронтовой подруги Серафимы Амосовой-Тараненко выпросила Дрягина кусок дачного участка (не хватало ей для опытов университетских плантаций в Чашникове и в Ботаническом саду). «Бери, пожалуйста», — согласилась подруга, — еще спасибо тебе скажем за красоту». И на даче у Тараненко расцвели диковинные ирисы, на которые захаживали глянуть соседи. Вот эти-то ирисы — «герои» очередного фильма Лобачева. Съемка идет круглосуточно, единичными кадрами, через определенные интервалы времени. И с наступлением темноты надо к «импульсатору» подключать вспышку, а утром ее отключать. Передоверять же свои заботы Лобачев не любит.

Но вот стол расчищен, на стене развернут экран... После титров «Распускание ириса. Производство киностудии Дрягиной—Лобачева» мы видим стебель в набухших розоватых бутонах. Один из бутонов пыжится, прямо-таки ощущаешь его живое, пружинное усилие. Миг высвобождения! Плавным, грациозным взмахом выгибаются нижние лепестки. А в углу кадра будильник, чтоб зритель мог сопоставить скорость времени действительную и экранную. День в кино пролетает за считанные мгновения.

Трюки кино? Но мало ли чудес сумели подсмотреть с помощью кино и продемонстрировать нам популяризаторы науки! Нет, этот фильм снимается не для трюков. Селекционер, как бы ни был он одержим, все равно не может наблюдать за растением круглосуточно. Кино же позволяет получить сжатую, яркую характеристику «поведения» растения. Краткая, эфемерная жизнь цветка задерживается на пленке — и ученый может сопоставить ее с развитием другого растения, третьего, то есть практически в любой момент как бы вновь заглянуть на опытный участок.

Надеюсь, Лев Михайлович не обидится, если я скажу, что фильмы его пока несовершенны. И монтаж — а эту обязанность азартно выполняет Ирина Викторовна — оставляет в фильмах явные длинноты. Да и во время демонстрации в аппаратуре что-то время от времени заедает, и только неиссякаемая выдержка Льва Михайловича не позволяет рассеяться зрительскому интересу. «Сейчас будет порядок. Включите-ка свет. Пошла нормально. Ну-ка еще раз включите...»

В неполадках ли дело? Будь я в каком-то жюри, я бы признала эти фильмы самыми совершенными. Потому что они рождены любовью.

Ирина Викторовна готовила диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук. Диссертация называлась так: «Опыт и перспектива использования ионизирующей радиации в селекции садовых растений». Не правда ли, интересно это сочетание: радиация и селекция? Для нас, неспециалистов, слово «радиация» невольно вызывает ассоциации тревожные. Хоть и знаешь про разнообразные полезные применения мирного атома, а вспоминаешь, к примеру, какую толстенную бетонную крепость наращивали на твоих глазах вокруг промоздкой камеры реактора строившейся Кольской АЭС... Защита от облучения! А тут использование его.

Долгое время считалось, что усиление радиации непременно губительно для растений, оно угнетает их, вызывает массу уродств-химер: раздвигание листьев, искажение формы плодов и т. д. Но, исследуя реакцию растений на самые различные дозы облучения (ультрафиолетовыми лучами, рентгеном, гамма-лучами или быстрыми нейтронами), ученые пришли к выводу: в определенных случаях селекционер может взять радиацию в союзники. Ведь ионизирующая радиация в силах воздействовать на сам механизм наследственности. И если биолога что-то не устраивает в генах и хромосомах клетки, именно радиация может их несколько переписать. Возникнут мутации, то есть отклонения, которые по наследству будут передаваться и следующим поколениям. Вот только дело за «малым» — из огромной массы возможных получить отклонение нужное, ухватиться за ниточку искомого признака.

Наука, которой посвятила себя Ирина Викторовна Дрягина, — радиобиология — очень молода, но крайне перспективна. Практики ждут от нее помощи в решении разнообразнейших проблем селекции, причем помощи поскорее. Но ответы затруднены сроками естественного роста растений. За сколько лет, к примеру, вырастет яблоня из облученного семечка, даст первые плоды?

Опыты с яблоней Дрягина начинала под руководством своего учителя, известного селекционера, профессора МГУ Сергея Ивановича Исаева. Прежде облучали лишь черенки, почки. А что дает облучение пыльцы, семян? Как будут развиваться растения при хроническом облучении на гамма-поле? В какой период растения наиболее чувствительны к радиации?

Задаешь вопрос, а ответ ждешь годами. Правда, ответы были получены чрезвычайно интересные. Определенные дозы облучения гибридных семян «северного синапа» с «осенним полосатым» ускорили развитие яблони так, что она начала плодоносить гораздо раньше, уже на шестой год! Сумели получить деревья с ускоренным цветением и плодоношением. Надо ли говорить, как это важно для районов с суровым климатом.

Но как долго приходится ждать от яблони ответа! Вот цветы — те «отчитываются» гораздо быстрее. Разнообразие мутаций! Среди массы их удобнее отбирать нужные, сопоставлять, сравнивать. И именно поэтому, не оставляя многолетних опытов с яблоней, Ирина Викторовна столько внимания уделила цветам. Она упорно нащупывала закономерности. Какие дозы облучения и как меняют форму и окраску цветка? Как выглядит строение новых соцветий, меняется ли состав хлорофилла в листьях? Усиливаются ли у потомства отцовские признаки? Повышается ли стойкость к заболеваниям?

Десятки вопросов. Новые и новые опыты. В одной из брошюр И. В. Дрягиной я прочла: «На основании экспериментальных исследований воздействия ионизирующей радиации на 140 тысяч клубнелуковиц гладиолусов и ирисов, а также на основании изучения обширной литературы в лаборатории биологии, генетики и селекции садовых растений МГУ разработаны основные направления по рациональному мутагенезу при работе с садовыми культурами, предложена схема, обобщающая результаты этих исследований». Сказано скромно, но вы представляете себе, что это значит — тысячи клубнелуковиц, тысячи семян и тщательные наблюдения за **каждым** растением из этих тысяч?

...Впервые я увидела Ирину Викторовну как раз за такой работой. В углу старинного, еще петровских времен Ботанического сада тянулись к солнцу ирисы. Любой — как произведение искусства. Глаз невозможно оторвать от «нежности», похожей на балерину в голубоватой пачке, от «гвардейского» с солнечно-желтыми бархатными полосами на нижних лепестках, от розово-красного «50 лет ВЛКСМ».

Дрягина в широкополой войлочной шляпе. Руки перемазаны землей — при разговоре машинально нагнулась и размяла в ладони комок земли, показала студентке-практикантке, как надо рыхлить. «Посидите в тени, — попросила меня Дрягина. — Мы должны кое-что записать». И вместе со своим помощником, кандидатом биологических наук Геннадием Казариновым, она медленно двинулась вдоль рядов, наклоняясь к каждому цветку, рассматривая его со всех сторон, измеряя его рост, заглядывая в

привязанную к стеблю бирку и записывая что-то в блокнот. Ни дать ни взять врач на обходе. Казалось, Дрягина даже вслушивается: нет ли у растения жалоб.

Ежедневный, кропотливый труд селекционера... А результаты поисков спрессованы в схеме, которую я видела в докторской диссертации. Схема позволит исследователям, идущим следом, не повторять каких-то ошибок, не тратьте драгоценные годы на поиски уже найденных закономерностей.

Дрягина и ее коллеги пришли к выводу: радиобиологические методы эффективны лишь в сочетании с методами классической селекции: отбором, скрещиванием и т. д.

Однако вернемся к истории «киностудии Дрягиной — Лобачева». Ирина Викторовна готовила диссертацию, и муж взялся помочь ей, сделать цветные фотографии.

— К цветам я вообще-то равнодушен, — признается он. — Но это же ее цветы. Добился приличного уровня... Я на нехватку упрямоты не жалуясь. На студенческую скамью сел почти в тридцать пять, раньше из армии не демобилизовывали. Так и тут, думаю, не боги горшки обжигают... Видели в диссертации снимки? А потом мечта появилась — кино. Помню, пошел я с Ириной на традиционную встречу ее авиаполка, второго мая они встречаются у Большого театра. Я щелкаю, а вокруг зрителей полно, камеры стрекочут — и телевидение и иностранцы. Редкость — женский авиаполк. Со всей страны съезжаются. Меня и заело, что у нас на память останутся только фотографии.

Так возникла киностудия, фильмы которой помогают сейчас в работе и Ирине Викторовне, и ее коллегам, и ее студентам. Кстати сказать, приспособления для любительской непрерывной кадровой съемки, которое бы действовало безотказно при любой погоде, Лобачев найти не смог. Его просто не существовало. Тогда он взялся мастерить его сам.

Но ведь не ради лавров изобретателя Лев Михайлович рылся в технических библиотеках, искал, пробовал? «Это же ее цветы...»

Чувство людей немолодых... Может, вернее говорить о привычке, об отшлифованных годами мелочах быта, обкатанных, точной морской гальке, — ни зацепить, ни ранить? Нет, я не о том. О счастье единственности: он для тебя один такой, и ты для него неповторима.

Как часто, к сожалению, не дается такое равновесие людям, вроде бы созданным друг для друга. Присмотришься к их отношениям — не жизнь, а напряженный перелест самолюбия.

На днях прочла высказывание художника Марка Шагала: «Человека, влюбленного в свою жену, выдают глаза. Настоящее чувство не скроешь». Прочла — и представила Лобачева с его давней боксерской привычкой втягивать голову в широкие плечи. Мы втроем ездил в поселок Семибратово, в Ярославскую область. Ребята местной школы вот уже несколько лет собирают материалы об истории 46-го Гвардейского ордена Боевого Красного Знамени и Суворова Таманского женского авиаполка. Следопыты прошли походами по местам боев. Встречались со многими летчицами, штурманами. А теперь пригласили в гости Дрягину. Собираемся на встречу. «А вы после Ирины Викторовны тоже выступите?» — спрашивают Лобачева. Лобачев в этот миг, постанывая (жарища!), под непреклонным взглядом жены влезает в официальный пиджак с планками наград. «Чем я удивлю ребят? — говорит он. — Я ж мужчина, я обязан был идти на фронт. Вот если бы я имел возможность и не пошел — было б удивительно». И застегивает пиджак медленно, все еще надеясь на милость. «Не тяни, Лев, — строго говорит Ирина Викторовна. — Без пиджака нельзя. Получится, ты просто при мне, что ли? Ребятам обидно: приехал из Москвы какой-то дачник в тенниске». «Да они же не меня приглашали, а комиссара эскадрильи». «А ты не летчик? Не прибедайся, Лев, не отлынивай».

Добродушная, будничная перепадка. Но читается в ней — основным фоном — гордость людей друг за друга, привычная забота о самолюбии близкого.

Я знала: они знакомы еще с довоенного аэроклуба. И была убеждена: прожили вместе счастливо всю послевоенную жизнь. Нет, все было сложнее: его призвали в армию, а потом началась война, Лобачев воевал под Ленинградом, узнал, что Ира ушла добровольцем в полк, сформированный Мариной Расковой. Он разыскал ее, писал ей, в одном из писем признался в любви. Ирина же ответила, что очень ценит его дружбу... Она закончила войну в Германии, он — на Дальнем Востоке. Он не знал даже, осталась ли она в живых. Потом, после войны, он служил на Севере, а ее после окончания Тимирязевки направили на Сочинскую станцию. И только в шестьдесят шестом, прочитав случайную книгу А. Магида о женском авиаполке, Лобачев узнал, что Ира Дрягина в Москве. Нашел через справочное ее адрес.

— Открывает дверь — солидная, в очках. Помню, первое, что я спросил: «Ирка, да почему ты в очках?» Она говорит: «Здравствуй, Левка. А ты совсем не изменился...»

И словно вновь вернулись они в свой Саратовский аэроклуб, в те солнечные, голубые утра, когда поднимаешься в три часа,

идешь через безлюдный, сонный город, а на поле ждут тебя такие любимые «По-2», обидно обзываемые «тихоходами».

Их кумирами были Чкалов и Каманин, Гризодубова и Раскова. Могла ли тогда представить Ирина, студентка сельхозинститута, что через несколько месяцев легендарная Марина Раскова, газетный портрет которой висел над ее письменным столом, будет беседовать с ней, рвущейся на фронт? Могла ли она представить, что с этого самого Саратовского аэродрома в сорок третьем она взлетит на самолете, лично ей подаренном родным институтом?

Тогда в довоенном аэроклубе ее неожиданно назначили старшиной отряда. Под началом — около сотни парней. Шагают строем, одну песню спели, вторую. Дрягина запекает — без издевки, просто по инерции: «Идем, идем, веселые подруги». И вместе со всеми про «наш хозяйский, добрый, женский глаз» басит здоровенный Лев Лобачев.

Когда разбивались по звеньям, попала в одно звено с младшим братом.

«Сейчас изберем старшину звена», — сказал инструктор.

«А к нам старшина отряда попала. Дрягина».

«Дрягина? — Палец ползет по списку. — И Дрягин есть? Он и будет старшиной».

Вечерами плакалась матери: «Мам, Витька извел придирами. Никого так не гоняет».

Виктору не посчастливилось дожить до победы. Его «ИЛ-2» был сбит в 1943-м под Смоленском. В честь брата она назвала единственного своего сына...

Я спросила Ирину Викторовну про первый день войны.

— Утром сдала экзамен. Сдавала за второй курс досрочно, чтобы освободиться для полетов. Я уже была инструктором...

Не раз я слушала от разных людей рассказы про двадцать второе. И почти все без исключения рассказывают о запланированной на тот воскресный день радости. «Двадцать второго мы собирались идти в загс». «Двадцать второго должны были уехать к морю впервые в жизни, чемоданы стояли собранные...» Вероятно, кое-что в рассказах и приукрашивается. Понятно же! Людям хочется подчеркнуть пропасть контраста: вот так мы жили до войны, вот чего достигли, вот что планировали — и на все это замахнулись фашисты. И, вспоминая двадцать второе, люди наверняка заново постигают, какой же ценой все мы, весь народ вернули мир своей земле.

Ирина Викторовна призналась мне: очень долго после войны она не могла спокойно смотреть на праздничные салюты. Ее угнетала даже безобидная световая реклама. И сейчас вспыхнувший в ночи луч прожектора — словно свежая ссадина. Вот так же ловили фашисты в скрещении прожекторов их тихоходные, но грозные для врага «По-2». Очень красивы ночью веера летящих в тебя пуль и снарядов. Тому, кто не испытал, даже и представить невозможно зловещее это разноцветье. А самолет нагружен бомбами, и ты знаешь, как жарко, ослепительной звездой загорается самолет с перкалевой обшивкой. В первое время они и парашют не брали: в кабине с ним не повернешься, да и лишней груз, а хотелось взять побольше бомб.

Возвращаясь, экипажи докладывали: «Взорван фашистский склад боеприпасов... Разбит эшелон... Уничтожено скопление техники... Подождены бензоцистерны». Грозным, умелым воином стал их «По-2», недаром же фашисты прозвали летчик «ночными ведьмами».

Но неотвратимо рос и счет горьких потерь...

Комиссар эскадрильи, Дрягина не обязана была летать, у нее хватало работы и на земле. Но, как коммунист, она не могла не делить с подругами смертельного риска. На счету Дрягиной — сто пять боевых вылетов.

...Однажды после бомбометания они со штурманом неожиданно обнаружили, что одна из бомб не отцепилась. Что делать? Попытались вернуться на цель, покрутиться, сбить бомбу потоком воздуха. Их обстреливали. Иссякало горючее. Возвращаться на аэродром? А если бомба оторвется над аэродромом? Никогда в жизни не забудет Дрягина тех тягостных минут. Летели на самой малой скорости, с предельной осторожностью. Сели с краю.

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над сплещим миром летчик
Уходит в облака.
Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье...

Ирина Викторовна любит эти стихи Пастернака. У нее вообще цепкая память. В полку издавался рукописный журнал, так она многое из него помнит наизусть. «Это писала Женя Руднева, а это — Галя Докутович».

Память о тех огненных днях подкашивает ее и названия новых сортов. Ирисам и гладиолусам, которые удалось ей вывести, она дала имена «Марина Раскова», «Галя Докутович», «Женя Руднева», «гвардеец», «однопольчанка»...

ЦЕХ НОМЕР ОДИН

О. ВИЛЬЧЕК

Рассказ о школе
рабочей молодежи

Село Красное, что под Костромой, просторно раскинулось на крутом волжском берегу. Бурный кружевной след оставляют спящие по реке моторки. Кружевной вязью ложится на землю тень деревьев. Тончайшей нитью — медной, серебряной, золотой — застывает кружево на изделиях красносельских ювелиров. От прадедов, знаменитых на Руси, унаследовано это мастерство. Из древних промыслов выросла в селе сначала артель, потом — фабрика, позже — завод, ставший теперь головным предприятием ювелирного объединения.

Разбегаются, ветвятся от центрального шоссе дороги, тропинки. Несколько дорожек, самых главных для поселка, выложены плиткой. Одна из них и привела меня на улицу Коммуны — в Красносельскую школу рабочей молодежи.

Взаимоотношения «детской» школы можно представить в виде такого треугольника: ученики — учителя — родители. Здесь, во взрослой школе, несколько иначе: ученики (у доброй половины которых свои дети) — учителя — производство. Как же завязать они друг от друга?

Ученики. Всего их 240. Разный возраст (от 15 до 45 лет). Разные профессии. Разные характеры. Разными путями пришли они в школу.

Окончила девчонка восьмилетку. Предложили работу на птицефабрике — согласилась. Через год сказала себе: нравится мне здесь, хорошо бы стать зоотехником-птицеводом. А путь в институт, как известно, лежит через среднюю школу. Так пришла в «вечерку» Тоня Поленова.

Николай Георгиевич Галкин. Рабочий, до тонкостей знающий свое ювелирное дело, — к нему за советом и мастера идут. Не сразу решился переступить порог школы. «Понимал, даже не понимал, а чувствовал постоянно, как не хватает мне общего образования. Но ведь пятый десяток разменял, дети в институт — на смех отца не поднимут ли? Однако надели на меня со всех сторон: учителя школьные приходят уговаривают, директор вызвал — целый час убеждал. Дай, думаю, попробую...»

Без особого желания приходят сюда подростки, те, кого еле-еле дотянули до 8-го класса в массовой школе. Представьте,

сидится «трудный» мальчишка за одну парту с тем же Галкиным — солидным, основательным. Видит он, с каким вниманием дядя Коля слушает учительницу, такую молоденькую, что в самый раз ее подзавести... И остановится мальчишка под укоризненным взглядом взрослого — не отца, не учителя, такого же, как он, ученика. Уравновешеннее, спокойнее становятся здесь шумливые подростки, молодеют взрослые.

Есть в Красном и целые «ученические династии». Окончила школу Галя Пастухова — убедила поступить сюда сестру Нонну, а там и брат Евгений потянулся. Кто лучше выпускника, прошедшего через трудности вечерней школы и увидевшего результаты своих занятий, сумеет убедить тех, с кем он дружит, работает, в необходимости знаний? И приходит в деревянный этот дом на улице Коммуны новый будущий ученик. Посидит сначала на широкой скамье перед крыльцом, заглянет в комнату, где идут занятия кружка, попьет чай со всеобщей утешительницей, самым добрым и самым ворчливым человеком в школе — техничкой Елизаветой Александровной Батуриной — и долго будет бродить по коридору, удивляясь, как много могут стены рассказать: о писателях-костромичах, о маршрутах походов, озадачить вопросами викторины, помочь подготовиться к зачету. Вот смотрят с фотографий выпускники школы. Среди них Юрий Павлович Гуляев, начальник цеха Красносельского ювелирного завода, Александр Иванович Зыков, секретарь заводского парткома, Нина Карповна Захарова, директор Костромского ювелирного завода, Галина Александровна Щербатова, заведующая отделом районной газеты, Шура Суханова, бригадир комсомольско-молодежной бригады, Нина Смирнова, методист Дома пионеров, студентка-заочница пединститута.

Может, когда-то и этот новичок напишет в своем выпускном сочинении так же, как написала Тоня Поленова: «Для меня наша «вечерка» стала вторым домом. Многие изменили за три года учебы, тверже стало стремление учиться дальше. И кем бы ни стали я и мои одноклассники — в биографии наши впишется: «Окончил Красносельскую школу рабочей молодежи».

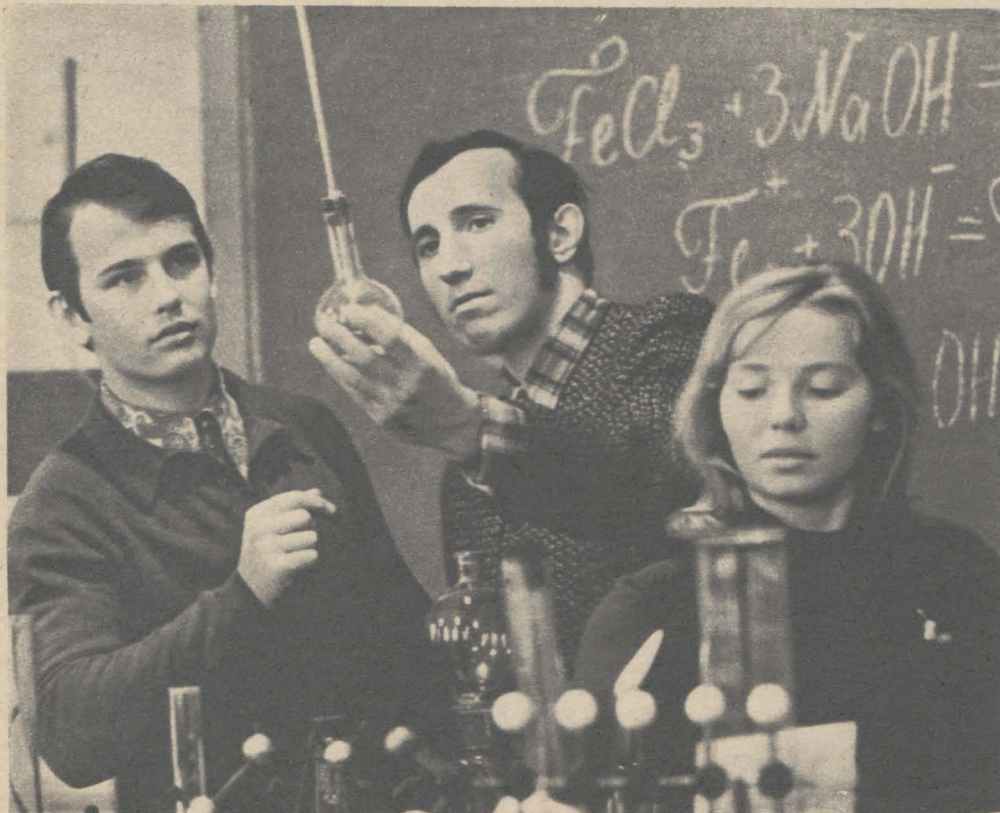
В школе есть классы, в которых учащиеся не только получают общее образование, но и изучают основы производства, повышают квалификацию или получают специальность. Это классы мастеров.

Инспектор по вечерним школам Костромского облоно Алексей Александрович Лапин объяснил мне, что такие классы существуют давно. За счет незначительного сокращения программ по общеобразовательным предметам школа дает учащимся специальные знания. Все школы имеют на это право, но не все этим правом пользуются. Хлопотно: надо подобрать преподавателей спецпредметов, найти деньги для оплаты их труда. В Красном администрация завода охотно пошла на то, чтобы открыть класс мастеров-ювелиров. А потом удалось убедить в необходимости класса медсестер («Разве в яслях не ваши дети, не дети ваших рабочих? Или медсестры вам не нужны?» — говорили учителя на заседании завкома). Учителя спецпредметов — и ювелиры и медики — получают зарплату в заводской кассе.

В классе мастеров-ювелиров учатся рабочие ювелирного завода. Изучение общеобразовательных дисциплин — физики, химии, математики — помогает им глубже понять технологию труда, теоретически осознать производственные процессы. А спецпредметы дают знания основ производства, его организации, экономики. Выпускники защищают дипломный проект. В

На уроке химии в вечерней школе № 27 Бауманского района Москвы.

Фото Е. Сусуникашвили.

актовом зале за длинным столом комиссия: представители всех ювелирных специальностей, мастера, художники, экономисты, инженеры. Они задают учащимся разнообразные вопросы — деловые, проблемные: что надо делать, чтобы удешевить скань, какие виды стали применяются для штампов?

И по тому, как уверенно отвечают выпускники, как разбираются они в сложных производственных вопросах, понимаешь, что верно решается здесь проблема воспитания нового рабочего, о котором говорил на XVII съезде комсомола Л. И. Брежнев: «Растет производственный нового типа, в нем все гармоничнее сочетается физический и умственный труд. Это человек с широким профессиональным кругозором и мастерством, с глубоким знанием политехнических основ современного производства».

Класс медсестер.

АННА СЕРГЕЕВНА МАКАРЕНКО, ВРАЧ: «Вместе с аттестатом зрелости наши выпускницы получают удостоверение, дающее им право работать в больницах, поликлиниках, яслях, детских садах».

НИНА МИХАЙЛОВНА ПАСТУХОВА, ВОСПИТАТЕЛЬ ДЕТСКОГО САДА: «Медицинское образование очень пригодится в работе. Сейчас с нас строгий спрос: условия труда улучшились, зарплата повысилась, значит, и работать лучше надо. Теперь увереннее себя чувствую, что ни говорите, опыт опытом, а знания нужны».

А вот что сказал мне **ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ПОДОБИН, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ЮВЕЛИРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ:**

«Жизнь создает множество ситуаций, которые доказывают человеку: знания нужны, просто необходимы. Ребятам-подросткам мы и на работу принимаем с условием, что будут продолжать учиться, вручаем им путевку в школу, следим за успехами. Учишься — тебя быстрее переведут на новое оборудование и быстрее присвоят разряд. Мы установили перечень должностей, которые рабочий без среднего образования занимать не может. Направляем лучших выпускников школы учиться в институты, завод выплачивает им стипендию.

Учишься со старанием и работаешь хорошо — завод тебя поддержит и материально. Учишься получаешь повышенную прогрессию, а самые старательные еще и десятипроцентную надбавку и 13-й зарплате. В Ленинские дни в торжественной обстановке вручаем мы премии лучшим учащимся школы. И — что тоже стало правилом — на выпускном вечере те, кто успешно окончил 11 классов, награждаются грамотами, ценными подарками».

Учителей общеобразовательных предметов в школе пятеро. В общем, обычные учителя. Со своими достоинствами и недостатками, удачами и промахами. Но главное, что объединяет их, — это безоглядная преданность школе.

Задолго до 1 сентября учителей можно встретить в цехах завода, в типографии и на комбинате бытового обслуживания, в детском саду и на почте. С каждым возможным кандидатом на звание ученика их школы ведут они беседы.

На ювелирном заводе много рабочих, которые хотели бы получить образование, но не с кем по вечерам оставлять детей. Что ж, решают учителя, пора вводить очно-заочную форму обучения — консультации мы можем проводить прямо на заводе в перерыв, сразу после смены.

Трудно, даже невозможно ежедневно ездить на занятия в Красное колхозникам из окрестных сел, значит, нужен класс, где занятия будут не каждую неделю, а в определенные сроки — «сессии». Учеба будет заочной.

Но скомплектовать класс — это еще не

все. Главное — не допустить отсева. И приходят учителя на цеховые и комсомольские собрания выяснять, почему пропущены уроки. И ложатся на стол тех администраторов, которых не проймешь уговорами и объяснениями, официальные бумаги, напоминаящие о постановлениях правительства, обязывающих руководство предприятий создать обучающимся без отрыва от производства необходимые условия для занятий.

Учителя стараются сделать все, чтобы обучение в их школе не отставало от современных методов. Кабинеты обеспечены новейшими наглядными пособиями. Много здесь всякой техники — эпидиаскопов, кодоскопов, киноаппаратов и магнитофонов. После рабочего дня ученики приходят в классы усталые, внимание их рассеяно. Нужно построить урок так, чтобы с первой минуты захватить, разбудить желание мыслить. И принесит учитель с собой учебники («вдруг кто забыл»), и подбирает пластинки («я-то прочитаю стихотворение, но ведь артист Юрский, например, сделает это лучше»).

Приходилось не раз слышать о какой воспитательной, внеклассной работе в ШРМ может идти речь, когда ученики такие разные — и по возрасту, и по профессии, и по интересам? Все они занятые люди, разве проведешь с ними какие-то «внеклассные мероприятия»!

В Красном придерживаются иного мнения. Часты в этой школе вечера и диспуты, лекции и концерты. Именно это помогает учителям сделать школу своеобразным культурным центром поселка. Походы следопытов — учеников и учителей Красносельской ШРМ — давняя и добрая традиция.

Поиск провел отряды следопытов через Смоленск и Брест, через Польшу — по пути Ярославской Коммунистической дивизии, в рядах которой воввали более ста их земляков. Обездили всю Полтавщину, разыскивая могилу героя-земляка Льва Поршнева, побывали в Москве, Волгограде... На поездки эти руководство завода, профсоюз всегда находят нужные средства. А время? Что ж, на такое дело не жаль своего трудового отпуска.

...Медленно, но неуклонно ползет вверх кривая роста числа учащихся в Красносельской школе рабочей молодежи: 1968 год — 91, 1970 год — 156, 1972 год — 208, 1974 год — 240. Год от года выше успеваемость. Сегодня она равна 98 процентам.

Я уехала из Красного за неделю до выпускного вечера. И вскоре получила письмо от завуча школы Альбины Павловны Сорокиной. «Право, жаль, что не дождалась вы выпускного. Все было — цветы, благодарности, речи... Слезы тоже были. Представьте, все такие торжественные, нарядные. Многие пришли с женами, мужьями, детьми. И гуляли после вечера по поселку, как и положено выпускникам, до самого утра. Были на вечере гости: из райкома партии, из рono, с завода. И, конечно, был на нашем празднике Леонид Иванович...»

Леонид Иванович Подобин, он и в будний день частый гость в школе рабочей молодежи, да и не гость, а полноправный член школьного коллектива.

Цехов на заводе девять. Как-то раз на совещании Подобин назвал ШРМ десятым цехом. «Неверно номер поставили, Леонид Иванович, — возразили ему. — До десятого и руки не дойдут, от него и отмахнуться можно — это, мол, дело десятое... А школа для нас, да и для вас, — цех номер один».

ЖИЗНЬ- ФАКЕЛ

Идеал человека, образец коммуниста... В юности каждый из нас, задумываясь над собственным будущим, готовя себя к служению обществу, непременно обращается к примеру чей-то жизни.

Для меня таким человеком с ранней юности была и остается по сей день Вера Клементьевна Слуцкая. Вот уже полвека собираю я материалы, рассказывающие об удивительной жизни, отданной борьбе без остатка. В архивах с волнением вычитывался в пожелтевшие протоколы допросов парской охранки, вновь и вновь поражаясь самообладанию и мужеству юной революционерки (в первый раз Веру Слуцкую арестовали, когда ей было семнадцать лет). Аресты, ссылки, скитания по разным городам России, эмиграция... Член РСДРП с 1902 года, участница революции 1905—1907 годов, депутат Петроградской городской думы, член Петроградского комитета партии большевиков, секретарь Василеостровского райкома партии... Не было периода в деятельности партии, в котором не принимала бы самого активного участия эта внешне хрупкая женщина.

«...Всегда почему-то в... неизменной круглой шляпе, смуглая, небольшого роста... она казалась подростком... но мы хорошо знали силу ее пламенного слова!» — так запечатлел Веру Клементьевну в своей памяти рабочий С. Соколов.

Мне посчастливилось встретиться со многими ветеранами революции, лично знавшими В. К. Слуцкую. В заветной папке накапливались все новые и новые документы, выписки из газет и журналов тех лет, подлинники писем большевички к друзьям по борьбе и родным... К сожалению, размер журнальной статьи позволяет познакомить читателя лишь с малой долей материалов. Ограничимся всего одним годом — последним годом неделой жизни В. К. Слуцкой.

...Декабрь 1916 года. К Слуцкой, отбывавшей ссылку в Любани, едет с письмом молоденькая Лиза Осьминская. Через много

лет старейший член партии Елизавета Викторовна Осьминская расскажет про этот эпизод... Домик в снегу, табличка «Зубной врач В. К. Слуцкая», Лиза стучит, ее впускают, она называет пароль. Пока взволнованная Вера Клементьевна нетерпеливо распечатывает письмо, гостя осматривает скромную комнату. На стене портреты Некрасова, Чернышевского, Герцена, на этажерке книги. Но вот письмо прочитано. «Спасибо за добрые вести! — радостно обнимает Слуцкая девушку. — А косы все-таки спрячьте, у вас приметные косы, не надо привлекать внимания шпииков».

Отбывавшая ссылку там же, в Любани, К. Н. Самойлова вспоминает: «Вера была натурой экспансивной, порывистой... много читала, писала... в высшей степени преданный работник, чуткий и отзывчивый друг и человек... Как-то на вокзале Вера увидела пленных, голодных австрийцев, она купила хлеб и раздала солдатам... Надо было видеть ту злобу обывателей, которые видели это. Некоторые из них стали угрожать Вере. Вера с негодованием ответила: «Австрийские солдаты не враги наши, а братья, втянутые в эту войну, и я буду помогать им...»

Грянула Февральская революция. Слуцкая немедленно возвращается в бурлящий Петроград, развивает деятельность на предприятиях по вовлечению рабочих в политическую жизнь, входит в состав Петроградского комитета партии большевиков.

«...Необходимо приступить к организации женщин-работниц, — докладывала Слуцкая на заседании Исполнительной Комиссии ПК, — движение желательно... направить в русло политической организации...» Постановили: «Поручить тов. Вере составить проект организации Бюро Работниц при ПК и в «Правде» поместить заметку об организации этого бюро».

Бюро работниц было создано. В конце апреля 1917 года «Правда» опубликовала обращение «Ко всем работницам Петрограда». Оно призывало возобновить изда-

ние журнала «Работница», закрытого царским правительством в начале империалистической войны, выпускать листовки по охране женского труда и материнства.

Дела захлестывают, не оставляют ни минутки для отдыха. Веру Клементьевну избирают в районный Совет рабочих и солдатских депутатов Васильевского острова и в городскую думу.

26 июня открылся VI съезд партии. Слуцкая выступала на нем дважды: по поручению рабочих Трубочного завода она приветствовала делегатов и выразила уверенность, что работа съезда пройдет в духе указаний Ленина, нацеливших партию на вооруженное восстание; затем она выступала при обсуждении вопроса «О союзах молодежи».

Проводя совещание Василеостровского райкома партии, Вера Слуцкая сосредоточила главное внимание на подготовке вооруженного восстания. Было зачитано письмо В. И. Ленина «Большевики должны взять власть».

2 октября Вера Клементьевна делает доклад «О текущем моменте» на собрании рабочих фабрики акционерного общества «Воронин, Лютш и Чешер» (впоследствии это предприятие было переименовано в фабрику имени Веры Слуцкой).

15 октября на заседании Петербургского Комитета РСДРП (б), где обсуждался вопрос о вооруженном восстании, Слуцкая сообщила, что на Васильевском острове идет боевая подготовка красногвардейцев на всех фабриках и заводах.

Валентина Федоровна Алексеева, член партии с 1914 года, рассказывала: «Не помню точно, когда я познакомилась с Верой Клементьевной. Она неоднократно давала мне поручения по линии связи с Петроградским Комитетом, встречалась с нею и на Апрельской конференции, где я была одним из секретарей. Из ее рук я получила пропуск в Смольный... В. К. Слуцкую встречала на заседаниях и неоднократно слушала ее пламенные, зажигательные речи... Она осталась у меня в памяти как человек несгибаемой воли, огромной убежденности и резкой ненависти к врагу».

26 октября Слуцкая слушала выступление В. И. Ленина на II съезде Советов. Это был первый день Нового Мира. Но силы реакции не думали складывать оружие. Краснов угрожал Петрограду. Вооруженные рабочие отряды уходили к Пулкову. Вера Клементьевна была среди тех, кто раздавал оружие бойцам Красной гвардии. Кто мог знать, что ей осталось жить считанные часы?

30 октября Вера в сопровождении нескольких товарищей отправилась на фронт, к месту боев. Начался артобстрел, ударила пушка из вражеского бронепоезда, осколок попал в голову Слуцкой...

Большевистская «Правда» писала: «Члены партии большевиков, партийные коллективы... в тяжком горе... в лице Веры Клементьевны Слуцкой потеряли неутомимого и преданного работника, кровью запечатлевшего верность свою делу пролетариата и революции... Вечная память борцу».

...Проходишь сегодня по «аллее Слуцкой», останавливаешься у серого гранитного обелиска, где золотом вычерчены даты недолгой, но столь яркой жизни. Бродишь по Невскому проспекту, останавливаясь у домов, где жила или где бывала Вера Клементьевна, заглядываешь в подъезды, где скрывалась она от шпииков...

И каждый раз охватывает меня волнение.

Поистине жизнь — факел!

С. РИПС

ЧЕСТЬ ИМЕНИ

В 1922 году, в пятую годовщину Октябрьской революции, 500 заводам и фабрикам Петрограда были присвоены имена революционеров, павших в боях за Советскую власть. Большевики Петрограда считали, что таков самый лучший способ сохранить эти имена навечно в памяти народной и приумножить их боевую славу трудовой.

Имя Веры Клементьевны Слуцкой было присвоено текстильно-отделочной фабрике на Васильевском острове — фабрике, с работницами которой у Веры Слуцкой была особенно тесная связь. С тех пор вот уже 52 года фабрика с честью носит это имя. На знамени фабрики рядом с именем Веры Слуцкой засияли ордена Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции.

О том, чем живет коллектив сейчас, в дни столетия Веры Слуцкой, нашему корреспонденту А. ЛЕВИНОЙ рассказали работники фабрики.

* * *

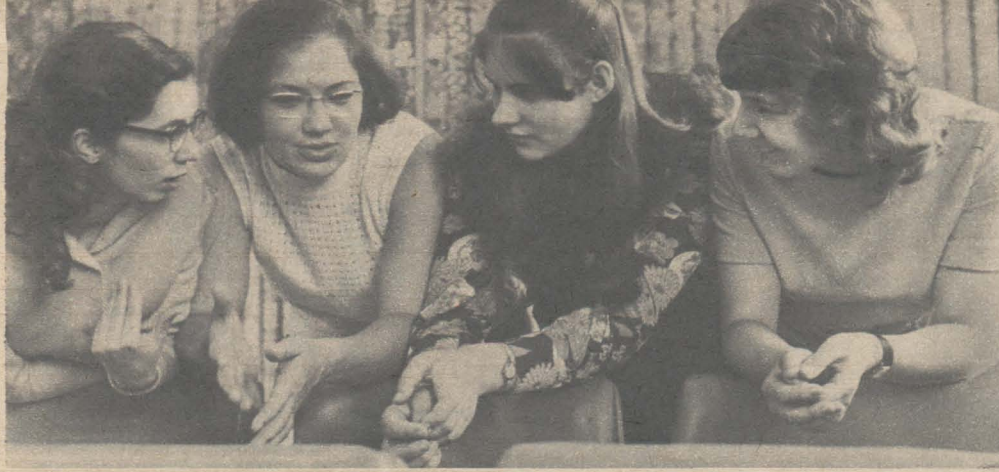
Воздушные, яркие маркизеты, тончайшие батисты, серебристые вуали, яркие, с забавными рисунками детские фланели, прозрачная «Нежность», затейливая кружевная «Мечта», тисненые серебристые сатины — все это можно увидеть на прилавке Ленинградского Дома тканей, рядом со стендом «Здесь продаются ткани фабрики имени Веры Слуцкой».

Продавцы едва успевают отвечать: — Декоративная «соломка» завтра будет в красной гамме?

— А немнущийся штапель с лавсаном у вас есть?

Ткани фабрики не залеживаются на прилавках, не попадают в «уцененные товары», хотя выпускается их немало — более 200 миллионов метров в год.

Недавно, когда в Ленинграде проходил Всесоюзный семинар текстильщиков, опыт фабрики имени Веры Слуцкой по техническому перевооружению производства и вы-

Еще несколько минут до смены... Молодые работницы фабрики (слева направо): Галина Самарина, Тамара Купренко, Анастасия Тараканова и Ольга Топорова.

Фото А. Бахарева.

пуску тканей высоких видов отделки был поставлен в пример всем остальным предприятиям отрасли.

Как удалось добиться успеха, рассказывает директор фабрики Валентина Дмитриевна Иванова:

— Не случайно названия многих видов отделок, которые мы теперь внедрили, содержат отрицательные приставки — «не» и «без» — «несминаемая», «несмываемый апрет», «безусадочная» и т. д. До недавнего времени ткани выпускались и смываемые, и усадочные — особенно ткани, содержащие штапельное волокно. А все потому, что отделка тканей производилась по неполному технологическому циклу.

За последние три года мы нашу старую фабрику — ей 150 лет! — реконструировали почти полностью. Было установлено новейшее отделочное оборудование, построен цех несминаемой отделки, установлены и в короткий срок освоены новые, поточные линии. Внедрено более двухсот дополнительных технологических операций.

С 1973 года все ткани бытового назначения выпускаем с улучшенной отделкой — придаем им несминаемость, безусадочность, серебристую шелковистость, устойчивое тиснение. Шесть наших тканей, в том числе «Оленька» и «Юбилейная», «Мечта», получили государственный Знак качества, а все остальные — первую категорию качества.

В сотрудничестве с текстильщиками мы наладили выпуск тканей большей ширины, это позволило на том же самом оборудовании дать немало сверхплановых метров.

По объему реализации и выпуску тканей фабрика превысила уровень плана 1975 года. Сверх плана до конца пятилетки выпустим еще 1,5 миллиона метров тканей высокой отделки.

Конечно, мы никогда не смогли бы в такие короткие сроки освоить новые линии и агрегаты, если бы не творческое сотрудничество инженеров и рабочих. Новая сложная техника потребовала более высокого уровня знаний от человека, стоящего, как принято говорить, на рабочем месте. За пульты управления новыми линиями встали хорошо подготовленные работницы — выпускницы ГПУ и даже техникумов. Больше ста техников стоят на рабочих местах.

...Во всю длину цеха тянется линия отбеливания тканей «Амдес» — аппараты, переходы, резервуары с растворами, приборы — целый комплекс агрегатов. Ткани становятся белоснежными не за 5 суток, как в прежних котлах, а текут непрерывным потоком без прикосновения рук человека со скоростью 60 метров в минуту. На капитанском мостике, у пульта управления линии, выпускница Ивановского химико-технологи-

ческого техникума Валентина Тупицына. Она рассказывает:

— Изменилось само понятие «рабочее место». Чтоб управлять такой линией, техническое образование просто необходимо. Ведь я сама должна определить концентрацию растворов для отбеливания, проверить соотношение реагентов, сама регулировать режимы работы аппаратов. Счет при этом идет на минуты и на граммы. Мы предлагаем и опробуем новые режимы, причем на каждую ткань надо выработать свой. Я знаю, что и у других выпускников нашего техникума, например, и у Иры Ратьковой, которая осваивала линию несминаемой отделки, работа творческая, не лишенная поиска, исследования. И я не только нахожу здесь применение своим знаниям, но вижу: надо учиться дальше.

...«Предлагается — шаг номер 787 — для новой ткани «Лужайка». В руках заведующей художественной мастерской фабрики Н. Н. Менкович кусок картона с рисунком будущей ткани. Посмотришь, и впрямь лужайка — словно само лето взмахнуло зеленым крылом.

А в зале художники, швейники, представители торговли — большой художественный совет объединения «Лентекстиль», совет, который собирается раз в полгода и перед членами которого держат экзамен рисунки и образцы новых тканей. Экзамен строгий. В расчет берется все: и современность рисунка, и его удобство для швейников, и адрес ткани — молодежная, детская или «для всех». Для всех — это опасно. Для всех — это может быть ни для кого.

Спорят ожесточенно. Одобрить рисунок — значит взять на себя ответственность за судьбу тысяч метров будущей ткани. В итоге 16 рисунков из 69 отклоняются вовсе. И все же художники фабрики могут гордиться: 22 рисунка, в том числе и новая «Лужайка», приняты на «отлично». Но это образцы. А какими они выйдут из цеха — в миллионах метров?

...В красном уголке красильного цеха девчата-комсомолки сдают Ленинский зачет. Первый вопрос: «А как у тебя с качеством?»

У машиниста Тамары Смураги совесть спокойна: «Мы свое обязательство по качеству выполнили. Но Ленин говорил, что в соревновании важна сравнимость результатов, а у нас не всегда помнят о сравнимости. Мы соревнуемся с бригадой Малышева с Московской ситценабивной. Так у них только понижение сорта учитывается, а у нас все — и переделка и лоскут. Надо, чтоб одинаковые условия соблюдались».

А у самокладчицы Нины Басковой не принимают Ленинский зачет: не выполнила

обязательства по сортности. «После ремонта машины осталась окалина, а я проглядела, хватилась, когда тысячи метров испорчены. Урок на всю жизнь».

Ответственность за качество ткани здесь чувствуют все — от художника до самокладчицы.

Вот как говорит об этом секретарь парткома Капитолина Ивановна Львова:

— Наша фабрика — последняя в цепочке «Лентекстиля». 94 процента тканей Ленинграда уходит с нашей маркой.

Стоит нам промахнуться — и загубим труд тысяч хлопкоробов, ткачей, химиков. Мы на выходе, с нас спрос. Мы в ответе и перед миллионами покупателей, для которых ткани создаем. И только при ответственном отношении всего коллектива можно наладить выпуск не образцов, а всей ткани отличного качества.

...15 часов 20 минут. Кончилась рабочая смена. Работницы устремляются к новому бытовому корпусу. Минута — и серый рабочий халатик остался в открытом шкафчике раздевалки, еще минута — и освежающая струя душа смывает усталость, еще минута — и работница вступает на порог светлого, голубого зала (здесь никаких шкафов — на специальных кронштейнах под голубыми чехлами на плечиках хранится ее платье). Можно после смены идти хоть в театр, хоть в парк — наряду работницы не угрожает соседство в одном шкафу со спецовкой, пахнущей краской.

Новый бытовой корпус построен по плану социального развития фабрики.

О том, как выполняется этот план, рассказывает председатель фабкома Валентина Тихоновна Марфенок:

— План социального развития фабрики предусматривает повышение культуры производства как важнейшее средство превращения труда в процесс, доставляющий работнику радость. И мы стараемся, чтоб это было так. Приведу самый свежий пример: среди рабочих служб главного механика была распространена анкета — в ней спрашивалось, что нужно сделать для улучшения организации труда. Получено более ста ответов. Среди них: «вывесить на рабочих местах электросхемы всех аппаратов», «изменить расположение верстаков, чтоб детали были под рукой» и т. д. Сейчас анкеты изучаются. Фабком проверит потом, какие меры приняты в отделе по предложениям работниц. Интересно проходит «День первой зарплаты молодой работницы». Активно работает наш общественный отдел кадров — ни одного человека не отпустят, пока не узнают, чем вызвано его «собственное желание» уйти с фабрики. Внимание к предложениям работниц — закон нашей жизни.

В Смольном, на рабочем столе В. И. Ленина, под стеклом лежит номер «Правды» от 2 ноября 1917 года. Сквозь стекло легко читаются строки, посвященные памяти В. К. Слуцкой: «Пусть перелетит в вас ее не знающая покоя энергия и пусть той же верой, верой в торжество великих свободлюбивых идеалов человечества загорятся ваши глаза».

В здании фабрики установлена скульптура Веры Слуцкой. Целый день рядом с нею — живые голоса, кипение фабричных новостей. И улыбка на ее лице кажется возникшей оттого, что она чувствует, как наполнено бьет пульс жизни предприятия, о котором текстильщики говорят, привычно опуская слово «фабрика»: «Вера Слуцкая» впереди.

Уругвай небольшая — около трех миллионов жителей — страна на Атлантическом побережье Латинской Америки. В Монтевидео, административном, промышленном и культурном центре страны, сосредоточено более трети всего населения. Монтевидео — это еще и крупнейший порт и главная часть модного курорта, протянувшегося вдоль знаменитых песчаных пляжей Атлантики. А дальше, в глубь страны — пампа, громадные поместья богатых скотоводов и жалкие лачуги гаучо — пастухов, всю жизнь вынужденных пасти чужие стада. Животноводство и переработка его продукции — основа экономики Уругвая. Промышленность — это прежде всего мясохладобойни и текстильные фабрики.

Рабочий класс Уругвая своей отважной борьбой за лучшие условия жизни и против засилья иностранных монополий вписал немало ярких страниц в историю международного рабочего движения. Главными силами в этой борьбе стали Национальный конгресс трудящихся Уругвая и Широкий народный фронт передовых сил, в который входят коммунистическая партия и другие демократические, прогрессивные организации и патриотически настроенные круги уругвайской общественности.

27 июня прошлого года в стране произведен государственный переворот и установлена жестокая военная диктатура, распущен парламент. Коммунистическая партия, социалистическая партия, союз коммунистической молодежи и ряд других прогрессивных политических партий и организаций объявлены вне закона. Задушена демократическая печать. Запрещен институт уругвайско-советской дружбы.

В тюремные застенки брошены тысячи людей. Арестован народный лидер, патриот и демократ, руководитель Широкого фронта генерал Либер Сереньи. А 8 мая этого года был арестован и первый секретарь ЦК Коммунистической партии Уругвая товарищ Родней Арисменди.

Жизнь товарища Арисменди — это образец беззаветного служения трудовому народу. Подлинный марксист-ленинец, он пользуется любовью и уважением народных масс не только у себя на родине, но снискал большой авторитет в мировом революционном движении.

В нашу редакцию пришло письмо члена ЦК Компартии Уругвая Хулии Аревало. Вот что она пишет: «Шумно провозглашенный диктаторским режимом осенью 1973 года план экономического развития страны терпит провал. Диктатура открыла настежь двери иностранному капиталу, а народ бедствует. Дороговизна достигла астрономических цифр. Тарифы на электроэнергию и воду за один только 1973 год выросли на 60 процентов, цены на хлеб, молоко, мясо, транспорт повысились от 30 до 100 процентов. Реальная заработная плата равняется лишь половине того, что получали рабочие в 1968 году. Провал так называемой «новой политики» в экономике диктаторские власти Уругвая стремятся скрыть, разжигая гнусную антикоммунистическую истерию, задушить диким террором и репрессиями, убийствами народных борцов. Но, несмотря на

все репрессии и террор, народ борется ежедневно, ежечасно! Проходят митинги и собрания, демонстрации. На стенах самых высоких зданий Монтевидео появляются надписи с воззваниями и требованиями прекратить террор, освободить Родней Арисменди, Либеру Сереньи и других патриотов. 1 мая в Монтевидео состоялись две крупные демонстрации трудящихся, которые закончились жестокими столкновениями с полицией, 500 манифестантов арестованы.

Коммунистическая партия Уругвая, находясь в подполье, выпускает свою газету, выходят газеты, издаваемые Широким фронтом и профсоюзными организациями.

В этой великой битве нашего народа женщины играют видную роль. Причем в схватках с полицией женщины отлича-

ются подвергают ужасному обращению. Молодые никогда больше не смогут ходить, иные становятся слепыми или теряют рассудок под пытками... Мне не хватает слов, чтобы описать весь тот ужас, в котором мы живем. Мы настолько ни в чем не уверены, что, выходя из дома, оставляем семье записку, указывая час, когда мы ушли, и место, куда мы идем. Если мы не вернулись в положенный срок, значит, скорее всего арестованы.

Генерал Сереньи — заложник... Условия, в которых его держат в заключении, становятся все хуже. Он мне сказал, что вынесет, как и большинство других, все, что бы ни случилось, и что все больше и больше убеждается: к освобождению ведет только одна дорога, «та, которую выбрали мы...».

«НАС НЕ СЛОМИТЬ!»

Власти Уругвая продолжают преследование представителей прогрессивных сил. Облава в одном из районов Монтевидео (ТАСС).

ются особой смелостью и беззаветностью. На борьбу с диктаторским режимом выступили участницы Демократического движения женщин Уругвая. Женщины отдают тепло своего сердца тем, кто стал жертвой произвола и насилия, они организуют комитеты солидарности с родственниками политических заключенных, собирают продукты питания, деньги им в помощь. Сотни женщин брошены в тюремные застенки, подвергаются пыткам и издевательствам. Страшным издевательствам была подвергнута, например, коммунистка, руководитель профцентра работников здравоохранения Со- ня Гуарнери».

В другом письме, присланном в Международную демократическую федерацию женщин женой генерала Либеру Сереньи, президента Широкого фронта Уругвая, Лили Лерены де Сереньи, рассказывается о бесчинствах диктаторских властей, растоптавших все права и демократические свободы народа:

«...Нашей стране принадлежит позорный рекорд по количеству заключенных. В маленьком Уругвае 36 лагерей для заключенных. Некоторые из этих лагерей не лучше нацистских: колючая проволока, оголенные провода под высоким напряжением... В некоторых из них... находятся женщины с детьми, которые родились уже в лагере. У этих женщин все-таки есть что-то, что поддерживает их в жизни, но я думаю о первых годах этих детей, которые видят, как уводят их матерей на допросы, после которых они возвращаются в ужасном состоянии... Люди, которые занимаются репрессиями, не знают предела жестокости... Домохозяйки, студенты, рабочие, журна-

И снова вернемся к строчкам, написанным одной из старейших деятельниц Коммунистической партии Уругвая, Хулии Аревало: «Народ Уругвая не сломить, он борется против диктаторского режима, потому что понимает: освободить родину от этого жестокого режима, от засилья империалистических монополий можно лишь в результате упорной борьбы. И мы благодарны международной солидарности трудящихся с нашей борьбой. Она большой стимул для нас.

Особую признательность мы испытываем к великому советскому народу. Я знаю, на фабриках, заводах и стройках Советского Союза — повсюду проходят митинги солидарности с уругвайским народом. В них участвуют тысячи советских людей. Я не могу думать и говорить об этом без волнения. Невольно ощущаешь биение горячих братских сердец, их гнев, их боль. Советская печать, радиовещание, телевидение — активные участники международного движения солидарности с патриотами Уругвая. Как взволновала меня и моих товарищей открытая в Москве выставка «Уругвай, родина, вперед!», посвященная борьбе Коммунистической партии Уругвая, борьбе наших трудящихся.

19 июня решением Всемирного Совета Мира был объявлен Днем международной солидарности с Уругваем. В этот день в Советском Союзе и во многих других странах мира прокатилась мозучая волна протеста против террора уругвайских диктаторских властей, громко прозвучало требование немедленного освобождения вождя уругвайских коммунистов Родней Арисменди, генерала Либеру Сереньи и других деятелей прогрессивного и профсоюзного движения Уругвая».

И все говорил еще что-то про ключи старые, которые ставятся негодными для замков новых, но она уже не слушала.

Она взяла сиреневую ветку, забытую на столе. Выбирая перелуки поглуше, потемней, пошла туда, куда ей меньше всего на свете хотелось идти и куда ее заставляло спешить, и тянуло, и звало нечто стоявшее выше ее желаний и нежеланий, ее страха и любви к дочери.

Измученный долгим ожиданием солдат с каким-то остервенением нетерпения вырвал у нее ключ и, забывая обо всех своих прежних предосторожностях, напрямик пошел по открытому мосту и с ходу торопливо ткнул ключом в скважину.

Мария, не зная, что делать, подождала минуту, пошла за ним следом и вдруг увидела, что грузная, приземистая, сводчатая дверь двинулась... приотворилась.

— Ходите... быстро...— повелительно сказал солдат, подталкивая Марию вперед.— Меня... Мне... не будет верить... Скажите этим: надо разный сторона ходить, не надо большой компания вместе!

Он всунул ей в руку коробку спичек и отступил в сторону... потом пошел опять под деревья, в тень.

Темнота в церкви затаенно дышала, молчала — там давно слышали, как кто-то копался у замка, и все чего-то ждали.

Мария чувствовала людей, стоящих совсем близко, рядом с ней.

Она совсем не приготовилась к тому, что надо будет делать дальше. Кажется, она думала: вот откроют дверь, и люди, освободенные, бросятся бежать.

А они дышали, таились, молчали и ждали. Тогда она чиркнула спичку и подняла ее так, чтоб осветить свое лицо. Пускай они сами увидят ее и поймут, кто к ним вошел.

Из глубины мрака вокруг нее проступило несколько неподвижных, как маски, бледных лиц. Возникли и жили, пока синий колеблющийся огонек полз от головки до обжигающего пальца кончика по тоненькой спичечной палочке, и утонули в черноте, как только он потух.

— Люди,— неуверенно сказала Мария в темноту, обращаясь к тем, кто стоял с ней рядом.— Вы можете уходить. Дверь открыта. Уходите, не теряйте времени. У вас нет надежды. Только уходите!.. Вы мне не верите? — Она чиркнула спичку, опять осветила себе лицо, чтоб всем было видно, но так как никто не двинулся, умоляюще продолжала: — Если вы останетесь здесь — у вас нет надежды, никакой надежды нет, а тут рядом начинается лес, вы можете уйти. В разные стороны надо уходить!

Никто не шевелился, она чиркала спичку за спичкой и говорила женщинам, что крестьяне примут и укроют их детей, что мужчины могут уйти далеко и их не догонят...

Они слушали и молчали, не двигаясь с места. В отдаленном углу вдруг затлел, замигал и разгорелся огонек свечи в высоком подсвечнике. Темнота вокруг неясно посерела, и Мария увидела, как встают лежавшие или сидевшие на полу. Лиц, обращенных к ней, делалось все больше, но никто не двигался с места.

Мария повторяла им одно и то же, что у них нет надежды, с отчаянием, почти с ненавистью чувствуя, что их удерживает, приковывает, парализует, лишает воли именно надежда. Лишенная смысла, нерассуждающая, тупая, безвольная надежда, что за их безропотное повиновение их где-то в конце концов помилуют, отпустят, может быть, не всех добьют, хотя они уже видели и знали, что добивают именно всех. Всех, но ведь пока что не их!.. И они стояли, не смея толкнуться в эту непреодолимую стену, которая существовала только в их сознании: несокрушимую каменную стену, которую можно проткнуть пальцем, как мокрую бумагу, если перестать в нее верить.

Очень тихий, со злорадной какой-то хитрецей голос проговорил:

— Это они решили с нами покончить при попытке к бегству! Мария обернулась на голос. Ее всю трясло от злого бесилия:

— Ну так ты сиди тут и не выходи! Оставайся и дожидайся здесь. Сиди, умник!.. Да неужто среди вас нет ни одного разумного человека, кто соображает способен! Вам дверь открыли! Дверь открыта, сумасшедшие вы! И вы боитесь уйти! На что вы надеетесь? У вас же нет надежды! Никакой!..— Горло у нее сдавило рыданием отчаяния, обиды и бессилия.— Идиоты несчастные, вы тут сохнуть хотите от трусости!.. Ну и черт с вами, пропадайте, раз никого нет, кто...

— Есть... есть... есть...— торопливо повторял громким шепотом на ходу, быстро приближаясь, женский голос.— Где ты? Зажи!

Мария опять подняла дрожавшую в руке зажженную спичку. Молодая женщина, тесно прижимая к груди кулечек со спящим ребенком, торопливо протолкалась вперед и бегло глянула ей в лицо в миг, когда спичка, догорая, уже обжигала пальцы. Мария отворила дверь совсем настежь, и в стрельчатом про-

еме открылась залитая лунным светом трава, редкие березы на опушке рощи. Мирно квакали лягушки, ночная птица настойчиво, однообразно высветывала, повторяя все одно и то же.

— Туда иди, туда, к деревьям!.. Уходи все вдоль канавы, потом начнется лес... Туда они боятся!..

Женщина вошла в освещенный проем двери, как в картину, перешагнула через порог и, не оглядываясь, пошла мимо вросших в землю серых плит рыцарских надгробий. Пересекла полосу укоротившейся, лежавшей теперь косо тени от церкви, прошла светлую лунную лужайку, мелькнула раз, другой в тени деревьев и исчезла, пропала в тишине, а люди все стояли, смотрели ей вслед и не шевелились в таком оцепенении, что не сразу заметили, что еще трое идут по пути, как бы проложенному женщиной, спеша ей вдогонку. Длинноногая девочка в мятом платьишке, выглядывавшем из-под короткой черной куртки, вела, то и дело подергивая за руки, двух ребятшек, поторапливая, чтобы топтали живее: старшая сестра, привыкшая пасти и подгонять малышей на прогулке.

Люди смотрели на открывшуюся им в проеме двери картину: лунный свет на траве, на деревьях, ясное небо над ними, вольный ночной воздух, девочка, уводящая детей. И тут, в какой-то один момент, оцепенение беззвучно рухнуло.

Марию вдруг толкнули в плечо, снова толкнули так, что чуть не повернули кругом, ее толкали со всех сторон, она не могла удержаться на месте — людской поток понес и вытолкнул ее в дверь.

Очень тихие, но властные оклики удерживали спешащих. Люди шли бесшумно, ни один ребенок не заплакал. Едва слышные голоса окликались, отзывались на имена: литовские, польские, латышские.

Опомнилась Мария, заметив, что ее никто уже не подталкивает. Вокруг белели в тени стволы березок, мимо нее взвробот скользили молчаливые тени уходящих людей. Теперь у них опять была надежда. Новая надежда, которая звала их бежать, двигаться, делать что-то, может быть, сопротивляться. Живая надежда живых. Многие погибли, наверное, а многие спасутся наверняка.

Людвиг все время бродил неподалеку, не находил себе места от беспокойства, то уходил далеко, то подбирался поближе, убедиться, что там происходит у двери.

Он зашел в трактир, выпил стаканчик, как будто болотной воды хлебнул, и понял, что сегодня его никакой шнапс не возьмет.

Опять против воли его понесло все-таки к церкви: взглянуть.

Дверь стояла настежь распахнутая, зияла своей черной дырой, кричала о бегстве, взломе, тревоге, которую поднимет первый же патруль, первый прохожий солдат.

И он в третий раз, как будто в реку шагнул, преодолевая сопротивление встречного течения, двинулся напрямик к двери, когда ему больше всего хотелось уйти подальше. Благополучно по этому тяжелому броду добрался он до того берега.

Ветка белой сирени лежала на серой надгробной плите. Он ее подобрал — уж очень не место тут было этой тяжелой от цветов, свежей ветке. Нашупал ключ, быстро, на ощупь вставил его в скважину с внутренней стороны — так никто не догадается, что отпирали снаружи! Осторожно толкнул дверь — она пошла и стала на место, в глубине ниши.

С облегчением он повернулся и почувствовал, что на него смотрят.

Старый знакомый из его взвода. Сосед по комнате. С которым они друг другу никогда слова не сказали, не считая обычной казарменной, панибратской болтовни и ругани.

Шел, значит, следом от самого трактира. Зачем-то шел. Следил. И выследил.

За два метра от него несло сивухой, но он был в полном разуме, внимательно смотрел, поджидал, не торопясь.

Он подхватил Людвигу под руку и повел куда-то. Тот шел, не сопротивляясь, не думая, просто чувствуя: вот чего я боялся, то и случилось. Вот оно уже и случилось.

Наверное, могло показаться: прогуливаются два бравых, подвыпивших солдата, два приятеля. А через десять минут один поставит другого перед фельдфебелем и доложит, что тот преступно способствовал...

И очень может быть, всего два года назад все так и было бы: он его привел бы. Может, сочувствуя, нехотя, с тяжелым сердцем, но исполнил бы свой воинский долг перед фюрером. Ведь война еще не кончилась.

Но битвы войны и даже судьбы государства бывают невидимо и неслышно безнадежно проиграны в сознании, в душах солдат задолго до последнего сражения.

Он вытащил из кармана флягу, отвинтил пробку и сунул прямо в рот Людвигу. Тот покорно хлебнул.

— Еще! И еще один раз!.. И еще раз!.. Я тоже пьян, но я-то знаю, что пьян, значит, все в порядке! А ты же не понимаешь, что пьян, тебе надо освежиться! Мы с тобой пара вдребезги, без памяти, до потери сознания налившихся парней! Запеваем!.. Чтоб нас издали приветствовали в трактире наши братья по оружию и бляхам на пузе!..

А среди ночи пошел дождь... Проливной дождь хлынул и не утихал до утра, да и с утра все моросил, заладил что-то надолго, чуть не на всю неделю.

Глаза женщины на веранде смотрели сквозь деревья, сквозь паруса, сквозь дальний другой берег реки, куда-то в даль времени.

— Я ночью услышала, как рушится ливень, и почему-то подумала: слава богу, он все смоеет и заглушит, нет, не потому, что смоеет, а просто хорошо, что ливень,— и под его шум опять заснула.

Гость с прилежным вниманием человека, который нетвердо знает язык и про себя с некоторым опозданием все переводит на родной немецкий, не сразу, но очень решительно воскликнул:

— Это очень удивительно. Я тоже помню этот дождь. И я почему-то тоже чувствовал: это хорошо, что дождит!

— А потом, уже зимой, я помню снег, снег, и наконец пришла новая весна, и та уже была последняя.

— Да, так это идет на свете: еще немножко раз пошел дождик, и немножко раз снег пошел, совсем немножко побольше как двадцать раз. И вот та заметка появилась в газете у нас в ГДР... И я получил любезное приглашение, и вот мы сидим тут, так приятно и наблюдаем, как маленькая Маниа играет мячик и ее маленький сын почти такой старый... столько имеет годов, как Маниа имела то время... когда мы с вами, фрау Мария, кругом бегали с эта бестолковый ключик. А?.. Я и вы: две такие маленькие... как это в песок?.. Песчинки! Вы что так смотрите?

— Я смотрю и понемногу, кажется, начинаю вас узнавать. Ведь я вас тогда почти не видела.

— Вот теперь вы видите: такой старый человек и много такие... канавки на лице. А вас, фрау Мария, я узнал сразу, как увидел...

Все, что он говорил, звучало грустновато, особенно потому, что он, видимо, старался прикрывать извиняющейся усмешкой так медленно и неуверенно подбираемые слова.

Они помолчали, следя за тем, как под ними, внизу на лужайке, мама, так похожая на мальчика-лажа в коротком плащике, носилась, поддавая мяч своему неуклюжему малышу.

Легким, изящным движением ноги она подкатывает мяч сыну. Он то замахивается слишком рано, то слишком поздно, наконец, падает так, что легкий мяч отлетает на несколько шагов, и малыш победоносно гикает, но, тут же вспомнив про собаку и совсем отвлечшись от игры, подбегает дружелюбно пошлепать ее ладошкой по толстой шее.

Тогда его мама, не забывая, что в доме гость, подбежала к террасе и, встряхнув головой, чтоб откинуть за спину спутанные в бегом светлые волосы, оживленно окликнула сидевших наверху:

— Ну, как?.. Уже начали понемногу узнавать друг друга?.. Ты меня предупредила, что это не сразу, да?

— Да, о-о, да!..— весьма вежливо согласился гость. Он встал со своего места, подошел и облокотился о перила, прямо над ней.— А вы, фрау Маниа, не вспомнили, как вы прежде любили меня называть?

Она тихонько рассмеялась, высоко запрокидывая голову:

— Ну знаю, знаю... То есть, конечно, нет, мне мама рассказывала. Проклятый фриц, да? Теперь-то вы не обижаетесь?

— О, за что? Ведь я и был проклятый фриц, не правда ли? Он вдруг оживился, еще ниже перегнулся к ней через деревянные перильца терраски.

— Вот послушайте, что это такое?

Он качнул два раза головой, приготовляясь, и без слов, с закрытым ртом, запел плавную мелодию: ля-ля-ля-ля, бум-бум...

Он напевал, а она вслушивалась, удивленно подняв брови, потом кивнула, узнавая — не узнавая, с веселой гримаской наклоняя голову то к одному плечу, то к другому. Последний такт она уже пропела вместе с ним.

— Это танго такое! Что, неправда? Танго. Старинное какое-то. Знаю. По радио, наверное, слышала, помню. Хорошие были танго, правда? Вам тоже нравятся?

— О-о, это далекое воспоминание об одной прекрасной даме!

— Ага, я так и думала.

— Нет, ничего она не помнит,— сказала Мария гостю.

— Нет, много что помню!.. Это, наверное, вы были, да? Кто же еще мог? Кто-то мне давал такие конфеты. Леденцы. Они были длинные, как карандаш, завернуты в пеструю бумажку и бахрому на кончиках. Кисло-сладкие, даже язык щипало... как

будто витые из разноцветных жилок: красных и желтых... Все помню... Ага, это вы забыли, а я помню!

На лужайке малыш, обеими руками прижимая к себе мяч, неуверенно шагая, пробирался поближе к матери, оступаясь, не видя дороги, которую ему загоразживал мяч.

— Он похож на маленького гнома, которому доверили нести земной шар! — с насмешливой над собственными словами торжественностью произнес гость, когда мама уже бежала к нему, пригнувшись, раскрыв руки, чтоб подхватить мяч.

Гость возвратился на свое место и снова закурил, отгоняя ладонью дым в сторону от Марии.

— Скажите, Людвиг, я все хотела спросить: а тот, другой, который вас отвел в трактир и напоил сивухой до беспамятства, чтоб вас никто не заподозрил? Что с ним?

— Совсем не знаю. Давно не знаю... Мы с ним только немножко разговаривали потом... Мы печально разговаривали. Немножко такой философии для нижних чинов... — Он опять усмехнулся над тем, что собирался сказать.— Самые возвышенные категории... эта, как ее... совесть? Да, правильно... Она у тебя, как... Ну, печень?.. — Он переспросил по-немецки, правильно ли сказал, и поблагодарил, когда Мария подтвердила, что правильно — печень.— Ты живешь прекрасно и совсем не знаешь, есть она у тебя или нет. Она сидит на своем месте и молчит. Так же в человеке совесть. Ты ее не чувствуешь: «Приказ есть приказ» — это ты здорово чувствуешь, и сам Гитлер тебе объявляет: «Я ваша совесть!», и вот два солдата говорят, говорят и понимают наконец: это глупо. Так же глупо сказать: «Я ваша печень». Нет, она у меня своя, и я не могу немножко одолжить ее другому!.. И ты замечашь, что твоя совесть что-то говорит. Тебе так не хочется слушать этих разговоров, но ты уже не можешь ее остановить, начинаешь без отдыха думать о каких-нибудь запертых женщинах и детях... ты ужасно не хочешь о них думать, ты просто ненавидишь их, что они не дают тебе спокойно спать, ты их проклинаешь и идешь просить ключ у женщины, которой сам немножко боишься, а женщина тебя очень сильно боится, но идет и приносит тебе ключ, и ты берешь его у нее из руки, совсем мокрой от страха...

Сигарета догорела до самых пальцев, он поздно это заметил, поспешно потянулся к пепельнице, которая стояла справа от его тарелки. Наконец с силой воткнул ее в глиняное расписное блюдечко и яростно разогнал всплывшее, едва видимое облачко молочно-прозрачного дыма и, стараясь придать голосу оживление, эдакое чуть ли не бодрое легкомыслие, сказал:

— И потом вот она угощает тебя кофе, а ты сидишь на террасе, кругом моргают зеленые листики, а у милой женщины от твоих нелепых признаний — мокрые глаза. Простите меня, фрау Мария, не надо обращать на меня много внимания, не стесняйтесь, вы же видите, я сам не лучше вас...

Мама на лужайке, танцует, снова подкатывала под ноги малыша мячик, он азартно замахивался и пинал, вскрикивая и ликуя при удаче, а она, смеясь и пританцовывая, перебежала с места на место, напевая услышанную мелодию: ла-ла-ла-ла-ла..., а от людей она... бум-бум... бум-бум слыха-ала... Молодец, вот так его! Еще раз ножкой!.. Мартышка там-та-та, слаба глазами ста-а-ала! Там-там, бум-бум...

Она взад и вперед носилась по траве, бездумно, весело, машинально напевая, но сама совершенно не слыша ни одного слова, не замечая даже вообще, что поет... Слова пелись сами собой, помимо ее воли, сознания, всплывая из темных глубин детской памяти, незамеченные и неслышанные, рассеивались в весеннем воздухе.

Шота РОКВА

Коза съела лозу

Очень занят Томаз:
Только что во дворе
«Коза съела лозу»
Он прочел в букваре.
Первый раз — по складам,
Но, привыкнуть успев,
«Коза съела лозу»
Стал читать нараспев.
А пока он читал,
Важно щуря глаза,
В виноградник и впрямя
Завернула коза.

«Коза съела лозу», —
Вновь читает Томаз,
Коза ела лозу
В это время как раз.
Ох, наелась коза,
А была голодна!..
«Да, ты верно читаешь», —
Кивает она.

Перевел с грузинского
Евг. Ильин.

МАТЬ КОРАБЛЯ

У корабелов давно бытует ритуал: перед спуском корабля на воду разбивают о форштевень бутылку шампанского, чтоб и волны и беды, подстерегающие корабль в плавании, разбивались о него, как эта бутылка с шипучим вином. На Николаев-

ском судостроительном заводе имени 61 коммунара право разбить бутылку предоставляют «почетной матери» — лучшей производственнице, чья фамилия потом навечно останется в судовых документах, а фото — на самом видном месте в каюткомпании.

Океанский рефрижератор «Берингов пролив» — один из самых больших кораблей, созданных когда-либо на Николаевском судостроительном заводе. Длина его — 172 метра, ширина — 23 метра. Он может перевезти сразу почти восемь тысяч тонн рыбы, около семисот тонн рыбной муки. «Почетной матерью» этого гиганта стала Зинаида Гайдук. Она участвовала в создании рефрижератора. Вместе с другими крановщицами Зинаида «переносила» по частям весь корабль на стапель, где к работе приступали сборщики.

Зина Гайдук пришла на завод вскоре после окончания школы. Она ударник коммунистического труда, учится на втором курсе Николаевского кораблестроительного института.

А. МЕДУЩЕНКО

783 миллиона взрослых жителей Земли еще не умеют читать. И это в наше время великолепного расцвета науки и техники. Массовая неграмотность — одно из тяжелейших последствий колониализма, с которым столкнулись молодые, развивающиеся государства сразу же после завоевания национальной независимости. Правительства, общественность стараются преодолеть неграмотность, развивать образование детей, молодежи и взрослого населения, но многие препятствия встают перед ними: бедность национальной экономики, острая нехватка школ, педагогических кадров, учебников и учебных пособий.

Советский Союз по-братски помогает просвещению народов, сбросивших иностранное иго. Помогает строить учебные заведения, помогает готовить квалифицированные кадры — многие тысячи молодых людей учатся в советских вузах, техникумах, училищах; оказывает помощь через международные организации.

В целях всемерного стимулирования работы по ликвидации неграмотности Советский Союз учредил в 1970 году в рамках Международной организации по вопросам образования, науки и

культуры при ООН — ЮНЕСКО премию и дипломы имени Н. К. Крупской, которыми отмечаются учреждения, организации и лица, внесшие исключительный вклад в это важное дело.

При ЮНЕСКО создано международное жюри из представителей разных государств, которое ежегодно рассматривает кандидатуры на премии, представленные правительствами государств или международными общественными организациями, работающими в области просвещения. Ежегодно 8 сентября, в день, объявленный ЮНЕСКО Международным днем распространения грамотности, называются лауреаты премии и почетных дипломов имени Н. К. Крупской.

Премии и дипломов удостоены организации по борьбе с неграмотностью Замбии и Кувейта, Союз суданских женщин, председатель Национального союза Италии по борьбе с неграмотностью Анна Лоренцетти, малийская газета «Киберу», Национальная федерация индийских женщин, «Управление грамотности» в районе Западных озер (Танзания) и другие.

Н. КАНАЕВ,
эксперт Комиссии СССР
по делам ЮНЕСКО

Бисквит на конвейере

Приятно купить свежий торт. Сегодня даже придирчивые хозяйки предпочитают не тратить время у кухонной плиты, они вполне доверяют умелым рукам кондитеров, их вкусу, фантазии. Но иногда, особенно перед праздниками, приходится покупать торт заранее, за два-три дня. Как же сохранить торт свеженьким?

Этими вопросами занимается Всесоюзный научно-исследовательский институт кондитерской промышленности. Руководит им заслуженный изобретатель РСФСР Мария Михайловна Истомина. Она имеет 26 авторских свидетельств, три ее изобретения запатентованы за рубежом. Непосредственно с ее участием создаются точно-механизированные линии производства тортов и пирожных, «сочиняются» новые виды кондитерских изделий.

Недавно на московской фабрике «Большевик» пущена в эксплуатацию опытная линия производства нового вида тортов — «Бисквит с начинкой». Все технологические процессы, начиная с загрузки сырья и кончая упаковкой готовой продукции, механизированы. Тесто на этой линии замешивается непрерывно. В него под высоким давлением подается воздух, что и придает бисквиту нежность поистине воздушную. Затем автоматиче-

ские дозаторы разливают тесто по алюминиевым формам. В них торты и выпекаются и охлаждаются и все в тех же формах поступают на отделочные аппараты. Механические руки с успехом выполняют кропотливую работу художественной отделки и начинки тортов. Когда торт готов, его закупоривают особой крышечкой из фольги. В таком виде бисквит может храниться две недели, а не 36 часов, как было раньше. Экономический эффект от новой линии бисквитных тортов — 120 тысяч рублей в год.

С. ЕМЕЛЬЯНОВ,
инструктор Центрального
совета ВОИР

Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

ГОСТИ ИЗ БАНГЛАДЕШ

По приглашению Комитета советских женщин в нашей стране находилась делегация женщин Республики Бангладеш, в состав которой входили представительницы четырех крупнейших женских организаций страны: Манорама Басу, вице-президент организации Махила Паришад (Совет женщин Бангладеш); Нуреш Максуд, председатель оргкомитета организации Махила Самити (Женская ассоциация); Хосни Ара Ислам, секретарь женской секции Национальной народной партии, и Махмуда Чоудри, секретарь женской секции ЦК Народной лиги (правлящая политическая партия Бангладеш).

Делегация побывала в Москве и Одессе, посетила промышленные предприятия, детские сады, пионерские лагеря, встречалась с работницами, государственными и общественными деятельницами, представительницами творческой интеллигенции. Особый интерес члены делегации проявили к работе женсоветов, с деятельностью которых они ознакомились в Одессе.

Члены делегации посетили и редакцию журнала «Работница».

Манорама Басу, ветеран национально-освободительного движения, хорошо известная в Индии, Пакистане и Бангладеш, сказала во время одной из встреч с советскими женщинами: «Мне уже 77 лет, я прожила долгую и трудную жизнь, жизнь, полную лишений и испытаний. Моей самой заветной мечтой было приехать в Советский Союз, в страну Ленина. И вот теперь я здесь и своими глазами

вижу то, о чем читала в книгах: как живут советские люди, равноправные и свободные граждане своей страны. Успехи, которых достигли женщины при социализме, огромны. Но мы знаем, что путь их и этим успехам был долгим и нелегким. Республика Бангладеш — молодая страна, и у нас есть немало трудностей. Но пример Советского Союза, пример советских женщин вдохновляет нас, и хотелось бы надеяться, что придет день, когда и в нашей стране здоровые и счастливые дети будут ходить в детские сады и ясли, отдыхать в прекрасных санаториях и пионерских лагерях, когда и наши женщины займут достойное и равное место в обществе. Мы знаем, что Советский Союз — наш большой друг, оказавший нам помощь в самое трудное для нашей страны время. И мы верим, что дружба между народами Бангладеш и Советского Союза будет расти и крепнуть».

Н. ВОРОНИНА

В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ...

Недавно в Москве, на Новодевичьем кладбище, состоялось открытие памятника Ольге Афанасьевне Варенцовой, члену Коммунистической партии с 1893 года. Восемнадцатилетней девушкой вступила она на путь борьбы за лучшую долю трудящихся и почти 70 лет своей жизни беззаветно служила революции, ленинской партии. Организатор первых марксистских кружков, создатель Северного рабочего союза, неутомимый пропагандист, член боевой тройки в Москве в октябрьские дни семнадцатого, секретарь Иваново-Вознесенского губкома партии — замечательные вехи на жизненном пути славной большевички.

Ольгу Афанасьевну Варенцову знают и помнят трудящиеся Иваново, Владимира, Ярославля, Москвы, она живет и сегодня в названии

улиц, школ и предприятий, носящих ее имя. На ярком примере жизни О. А. Варенцовой воспитывается сегодня наша молодежь.

Фото А. ВОЛОДИНА.

ИНСТИТУТ КРАСОТЫ НА ФАБРИКЕ

Обслуживание с доставкой стало хорошей традицией на Московской кондитерской фабрике имени Бабаева. После смены или в перерыв приходят в цех закройщицы ателье, приемщицы химчистки. Теперь к списку услуг добавилась еще одна — к бабавцам приехали квалифицированные специалисты Московской лечебно-косметической лечебницы.

Всем женщинам хочется лучше выглядеть, дольше сохранить свежесть. Но когда еще соберешься на прием к косметологу: есть дела более неотложные, да и попасть в Институт красоты нелегко. А тут — прием прямо на фабрике. Опытный врач Л. Гордина с большим вниманием выслушивает женщин и после тщательного осмотра дает совет, если нужно, оказывает необходимую помощь. Тут же выписываются рецепты на мази, про-

тирания и прочие косметические средства. Помогает врачу медсестра Т. Игнатова. Побывав на таком приеме (истати, он бесплатный — все расходы фабрика взяла на себя), некоторые работницы становятся пациентами лечебницы.

Впервые косметологи обслуживали пациентов прямо на фабрике. Новая форма работы вводится в широкомую практику.

А. ЧЕРНЫШЕВА

Фото Н. МАТОРИНА.

СТАЛИ СПЕЦИАЛИСТАМИ

Учиться на стипендии Комитета советских женщин — такая честь выпадает не каждой девушке. Пять лет тому назад приехали в нашу страну из Африки Беатрис Маатей, Марианн Малм, Мирха Амах Бомбодоссу, Перата Флора Клу (Того), Нена Наферна (Гвинея-Бисау), Жанн Брижит Нгале (Камерун) и Эдит Ада Томас (Сьерра-Леоне). Освоив за год русский язык, они начали изучать азы своей будущей профессии в Москов-

ском медицинском училище № 18. Теоретические занятия, практика в больницах и роддомах Москвы... И вот настал долгожданный день: молодым африканкам вручены дипломы фельдшеро-акушеров.

Перед отъездом на родину все они посетили Комитет советских женщин. Выпускницы поблагодарили комитет за предоставленную им возможность получить образование. Жанн Брижит Нгале, в частности, сказала: «Мы приобрели самую благородную, самую уважаемую на земле профессию. Лечить людей, помогать появлению на свет ребенка — что может быть прекраснее? В африканских странах медики очень нужны, и мы постараемся все знания, все умение отдать на службу своему народу».

В прошлом году в вузах и техникумах нашей страны учились 252 девушки — стипендиатки КСЖ почти из сорока стран Азии, Африки и Латинской Америки. А нынче прибавится еще 100 новых студенток.

Л. МАКСИМОВА

Фото В. ГРЕВЦОВА.

Показывает Мстёра

Во Владимирской области есть поселок Мстёра, который с давних времен славится своими умельцами. Известна и мстёрская художественная вышивка. Самобытное искусство, унаследованное от предков, в наше время не забылось, не пропало. Немало опытных мастериц работает на строчевышивальной фабрике имени Н. К. Крупской, которая стала своеобразным центром возрождения старинного народного искусства. Мстёрские изделия не раз отмечались наградами на союзных и международных выставках.

Свое умение и творческую фантазию мастера художественной вышивки демонстрировали на выставке в столичном музее народного искусства. Сотни москвичей и гостей столицы познакомились с их удивительно красивыми и своеобразными работами. В книге отзывов посетители образно назвали выставку праздником мстёрского искусства. И это так! Можно долго любоваться

красочными занавесами В. Носковой «Расцветай, земля колхозная!» и «Весна», накидкой Т. Дмитриевой-Шульпиной «Стрекоза и муравей», панно Н. Катковой «Чаепитие». Тут же — вышитые полотенца, дорожки, скатерти... Самобытное искусство народных умельцев приносит людям радость.

А. НИКОЛАЕВ

«Россияночка» и другие

Имя этому клубу женщин — «Россияночка».

Год рождения — 1970-й. Место рождения — Дворец культуры Рязанского нефтеперерабатывающего завода имени 50-летия СССР.

Хоть лет клубу немного, он пользуется большой популярностью в Рязани. Чем же заинтересовала «Россияночка» женщин?

В клубе работают четыре факультета: культура и быт, здоровье, иностранные языки, эстетика одежды. У каж-

дого факультета своя программа. Так, на факультете эстетики одежды женщины занимаются моделированием и шитьем, вязанием и плетением, художественной вышивкой. По субботам и воскресеньям они демонстрируют свои работы. Зрителей бывает столько, что иной раз демонстрацию приходится повторять: вместить всех желающих одновременно невозможно.

Раз в месяц клуб для слушателей всех факультетов

устраивает беседы, встречи с интересными людьми.

Не так давно у «Россияночки» во Дворце культуры профсоюзов появилась младшая сестра — клуб «Рязаночка», а у «Рязаночки», в свою очередь, завелась «Подружка», которая поселилась в общежитии строителей... Выходит, нужны подобные клубы женщинам.

Н. ФИЛИН

Фото И. БУРАЧЕВСКОГО.

г. Рязань.

На снимке: начинается демонстрация мод...

СПРОСИ С СЕБЯ

Она спала и слышала тяжелые шаги, щелкнул выключатель, зажегся верхний свет, резанул глаза. «Маша пришла». Марина затаилась под одеялом, хотела сбечь сон. Хотя наверняка знала, что ничего из этого не выйдет. Она не сможет заснуть не только из-за света, шагов, звона кастрюль, но и потому, что такая вот ночь не первая и не последняя, когда Маша приходит шумная, бесцеремонная, не считается с тем, что другой человек спит, что другому нужно рано вставать на работу. И закипает возмущение, которое бесполезно высказывать.

Маша подходит к Марининой кровати, начинает трясти ее: «Вставай, у меня еще много силы осталось!..» «Опять пьяная»,— догадывается Марина, ей трудно сдерживать себя, но глаз она не открывает, ждет, чтобы Маша легла, затихла. «Зачем она живет так? С кого она пример-то взяла? Что ей в такой жизни нравится? Хорошо еще магнитофон не включила. Почему я терплю все это? Сама я себе противна! Как завтра выдержу — и работа и занятия. Нет, одной с ней не справиться. Пусть за нее совет общезнания возьмется! С другой стороны,— размышляла Марина,— совет советом, но прежде всего сам человек должен сознавать, что он человек, и сам за себя отвечать, не перекладывая на других».

Никто не скажет, что у нее, Марины, жизнь легкая. Двадцать два года ей. Мама умерла от родов. Отец женился на другой. Марину отдали в дом ребенка, потом она росла в детдоме. Отец совершил растрату, его посадили в тюрьму. И тогда она, тринадцатилетняя, вернулась домой, к братьям, занялась хозяйством. Когда подросла, повзрослела, завербовалась на стройку железной дороги.

Теперь перебралась сюда, в Липецк. Поближе к родному дому. Четыре года не была она в этом доме. А все же свой дом. Хотя и стоит он забытый. Крепкий дом. Отец лесничим работал, и семья их жила в лесу. Строили — думали жить в нем долго. А вон как получилось. Зайцы, наверное, весь сад обглодали. Поехать бы надо, решить как-нибудь с домом, он ведь на нее записан, да что-то все удерживает от этой поездки. Внешне вроде бы работа, учеба, некогда все, а на самом деле держит что-то внутри...

Здесь, в Липецке, койка, общежитие. А там целый дом, сад, лес. В лесу водились волки. Когда Марину на время брали из детдома в семью, то братья ее, совсем еще маленькую, учили стрелять из ружья — у нее и силы-то было мало, не сразу сумела курок спустить. А они говорили: «Учись, а то останешься одна на дворе да волки придут — что без ружья делать будешь!..» И она палила вовсю, случалось и по воробьям. Жалости не было, главное — попасть. И сейчас она в заводских соревнованиях участвует, из малокалиберной стреляет. Но это спорт.

Почему осталась Марина на деревообрабатывающем? Пожалуй, понравился ей древесный, такой родной, запах. И работа неплохая. Теперь она, Марина Матюшина, пресовщица. Девиз в цехе «Дрова — на дела!». Из всякого-разного перемолотого дерева прессует она двери, подоконники... Дрова — на дела!

Говорят, работа эта мужская. А ее все время на такую выносит. Несколько раз хотела заняться делом, которое больше для женщины подходит. Окончила вечернюю школу парикмахеров, но почувствовала: не по ней профессия. Прочла как-то объявление о школе бухгалтеров-экономистов. Послушала консультации перед экзаменами, как бы примерилась, уверена была, что поступит, но поступать не стала. Пошла на машинописные курсы. Еще в детдоме научилась на машинке стучать и на курсах сразу же удивила преподавательницу скоростью. «Девушка — золотой», — сказала преподавательница, — но в тексте гора ошибок».

Да, с грамотностью плохо, хотя и есть аттестат об окончании вечерней школы. Она училась в ней, когда работала на железной дороге. Занятия были беспорядочными. Это и от работы зависело, связанной с переездами, а больше от нее, Марины, — не очень она тогда понимала, как нужны ей потом будут в жизни те знания, которые дает десятилетка. Очень не хватает ей сейчас хорошего образования.

Когда она это почувствовала? Приехала Марина в Липецк, устроилась на деревообрабатывающий завод, дали ей направление в общежитие. После железнодорожного, которое было в Бугльме, общежитие показалось ей раем. Девушки в комнатах

живут по трое, а то и по двое. При каждой комнате кухня, санузел. Есть в общежитии душевые, прачечная, сушилка. Есть и красный уголок, и библиотека, и телевизор.

Но внешние условия — еще не все. Надо, чтоб сам человек сумел воспользоваться этими условиями, захотел изменить свою жизнь к лучшему.

Не сразу пришла Марина к таким мыслям. И трудно определить точно, когда они появились. Может быть, основы были заложены еще в ее детдомовские школьные годы, когда она, как орешки, щелкала задачки по арифметике, когда учили их воспитатели и рисовать, и фотографировать, и в шахматы играть, и многому-многому другому, и было видно, что девочка она способная. На ПМК решили провести шахматный турнир. Очень удивился его организатор, когда выяснилось, что Марина в шахматы играет, да еще и мат ему поставила. Потом они часто играли, и Марина была достойным противником.

Марина вспоминала об этом и о других похожих эпизодах своей молодой жизни с явным удовольствием, так как в этих ситуациях она была не хуже, а даже лучше других. И ей нужно было сейчас вспомнить об этом, потому что в ее теперешней жизни в общежитии дело поворачивалось так, что она вроде бы хуже других. И, как сделала бы почти каждая девушка, Марина начала сравнение с внешнего вида. Лицо-то у нее, пожалуй, симпатичное. А вот одеты девочки из общежития лучше, чем она, — туфли лакированные, плащи светлые, платья нарядные. Кремы всякие для лица покупают, за волосами умеют ухаживать, и за руками следят, и ходят плавно, и говорят мягко. Получалось сравнение не в ее пользу.

Видела она, как разумно девушки распределяют свою зарплату, чтобы на все хватило. У заведующей камерой хранения Марии Ивановны есть «сейф» — картонная коробка. В этой коробке конверты с деньгами. Суммы не такие уж большие, чтобы идти с ними в сберкасса. Девушки знают, что Мария Ивановна поможет им сбечь деньги для какой-нибудь нужной покупки, поможет им лучше контролировать самих себя в расходах. Завела такой конвертик и Марина.

Но по-настоящему беспокоило Марину другое. Девушки в общежитии живут вроде бы одинаково: работа, у многих еще и учеба, танцы, кино, с ребятами встречаются... Вроде бы одинаково, а ведь по-разному. Даже по тому, как кто с работы возвращается, это видно.

Юленька Колобова, например, торопится. Сейчас поест, чуть отдохнет и поспешит на занятия в строительный техникум. Позже других приходит с работы Валя Бударина. У нее и после смены на заводе много дел, она член комитета комсомола на своем железобетонном, получила грамоту ЦК ВЛКСМ за комсомольскую работу, недавно стала кандидатом в члены партии.

Ее подружка Нина Мелехова возвращается озабоченная, несет прозрачную сумочку с книжками. Работает она тоже на железобетонном. Выбрали ее депутатом в районный Совет. Совсем молодая, а уже доверили заботиться о других.

Лора из 86-й комнаты... Она работает машинисткой, красивая девушка, только злая какая-то, ни с кем не здороваются, живет очень уж сама по себе.

Не спеша приближается к общежитию Валя Иванова. Никаких особенных дел у нее на сегодня больше не предвидится. Будет она кое-как коротать вечер. Если с парнем сегодня не встречается, на танцы или в кино не идет, то проведет время в пустых разговорах. Вроде бы добрая она, но скучная какая-то. Больше всего в жизни замуж хочет выйти. Конечно, ничего в этом желании зазорного нет, каждая девушка хочет выйти замуж за хорошего человека и по любви. Да только, кроме этой, никакая другая стоящая мысль Валину голову не занимает.

А уж про Машу Попову с ее пьянками-гулянками нечего и говорить. Пустая у нее жизнь.

Марина не просто знакомилась с девушками, а приглядывалась — будто пропускала их через себя. Примеривалась. Соотносила со своими способностями и возможностями. Выходило, что многие образованнее, чем она, и профессии у них сложнее, требуют специальных знаний. А Марина хоть и ловкая и способная, да работа-то у нее малоквалифицированная. Девочки в ком-

нате заводят разговор о вещах, ей непонятных,— о составе бетона, о марках цемента. Марина делает вид, что поглощена книжкой, а сама ревниво прислушивается, о чем они говорят.

Наконец, и у нее появилось занятие, которое увлекло по-настоящему. «Прибилась» она к автошколе, можно сказать, нечаянно. Решила туда пойти учиться не она — подруга. Когда от правилась узнавать о правилах приема, то позвала с собой Мари-ну, так просто, прогуляться.

Поступили они в автошколу обе, но уже на первых теоретических занятиях стало ясно, что подруга тут не удержится. Сколько Марина ни билась с нею, на авторучке объясняла устройство поршневого двигателя, но только, несмотря на всю наглядность объяснения, не понимала та ничего.

Раньше с автомашинами Марине дела иметь не приходилось, но мотоцикл у братьев был. Она и ездить на мотоцикле умела. Теперь на тумбочке у нее появилась стопка книг: «Автомобиль», «Безопасность движения автомобильного транспорта», «Пособие для подготовки водителя автомобиля». Она раскрывала «Правила дорожного движения» с рисунками: человечки, машины, дороги, светофоры,— для непосвященного это путаница, а для нее уже стройная система. Подошла как-то Люба, заглянула через плечо: «Как это ты понимаешь что к чему?» — и похвалила: «Молодец, Маринка, учишься. А я вот жалею, что техникум бросила. Один раз пропустила занятия, обрадовалась — как хорошо, целый вечер свободный, другой раз не пошла... А сейчас бы уже заканчивала...»

Занятия в автошколе шли успешно. Началась и практика, де-журства в ГАИ. Весь Маринин день был расписан по минутам. И тут у нее появился враг.

Раньше она воспринимала образ жизни таких, как Маша, довольно спокойно. Не симпатизировала им, нет, но и не протестовала. Ну, выпила та, ну, надоедает бессвязными разговорами, ставит низкопробные записи на магнитофон — пусть, взрослая, сама должна разбираться, что хорошо, что плохо.

Но когда у Марины каждая минута стала на счету, когда ей пришлось и ночным сном больше дорожить, чтобы хватило сил не только для трудового дня на заводе, а еще и на занятия в автошколе, то Маша стала врагом ее времени, всей ее теперешней жизни. Она почувствовала в Маше ту злую силу, которая тянет людей вниз, ниже их способностей, ниже их возможностей, заставляя забыть, зачем они рождены на свет и как должны прожить единственную свою жизнь.

Марина решила: окончит автошколу, будет работать водителем, и следующая ее ступень — вуз. Опять будет трудно. Но она вспоминает женщину, о которой как-то услышала в телередаче. Ей, участнице Великой Отечественной, было трудно наверстать упущенное за годы войны, особенно не давался английский язык. И совсем уже она отчаялась, да увидела как-то в цирке — медведь по проволоке ходит. И подумала: уж если медведь научили ходить по проволоке, то она английский должна одолеть. И действительно, овладела-таки языком. Шутка шуткой, но эта передача запомнилась Марине.

Многому ее научили люди. Многому ее научили книги. Но разве от нее самой не зависит, что она берет в свою жизнь?

Жизнь дает примеры ежедневно, ежечасно. Вот Марина заходит к своей знакомой в другой цех. Как ни зайдет — все та с кем-нибудь скандалит. И причин-то особых нет, и работница она неплохая, просто избрала для себя такой стиль поведения. А хорошо ли это для девушки? Нет, совсем ей это не идет, и Марина решает, что будет за собой построже следить, никогда не срываться на грубость.

Или другое... Выдался у Марины трудный день. Получила она от младшей сестры письмо: «Срочно пришли тридцать рублей, а то повешусь...» Об этом «ультиматуме» она сурово поговорила с сестрой позже, но непосредственной реакцией тогда было стремление скорее достать деньги. Первым знакомым человеком, кого Марина встретила в тот день, была Мария Михайловна, женщина, которую Марина очень уважала, старая работница, персональная пенсионерка, награжденная орденами за свой труд. Мария Михайловна знала тогда Марину совсем мало, но, услышав, какое письмо та получила, немедленно протянула Марине деньги: «Отдашь, когда сможешь». Это был урок доброты.

Конечно, важно, что и кто вокруг тебя. Но ведь условия для учебы, для твоего развития есть у нас повсюду. В основе — желание самого человека расти, ориентироваться в жизни на лучшее, его способность преодолевать препятствия, преодолевать самого себя.

Можно сказать: «Один раз живем!» — и пустить все по воле волн, делать то, что не требует усилий, довольствоваться сиюминутными благами. А можно из этих же слов сделать совсем другой вывод: живи так, чтобы проявить все лучшее, что есть в тебе, используй все возможности, которые предоставляет тебе твоя страна, чувствуй ответственность за свою жизнь.

М. ТУЗОВА

Помощница.

Фото Б. Романова.

«ТА ЛИ ЭТО АЛЕКСЕЕВА?»

«Конкурс СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА»

Вы завели разговор о воспитании молодого поколения, и я не могу остаться в стороне. Жила я в г. Ленинск-Кузнецком, Кемеровской области, и работала в торговом училище № 36 мастером производственного обучения группы продавцов, 16—17-летних девочек. По совести говоря, вначале боялась я этой работы и в то же время интересно было: какие они, девочки? В группе 31 человек, и за каждого из них я в ответе. Не успела познакомиться с документами, как со всех сторон слышу: «Группа трудная, одна Алексеева чего стоит!» Знакомлюсь с группой, девочки мне тоже говорят: «Не доверяйте Алексеевой, не выполнит, обманет». А вот и сама Гаяля Алексеева. Высокая, стройная и, можно сказать, красивая девушка. Она мне сразу понравилась, и начала я с Галей, как говорят педагоги, работать индивидуально. Внимания ей уделяла побольше, чем остальным. То билеты в кино на всю группу пошло купить, то газету оформить. Смотрю, моя Гаяля с таким удовольствием все выполняет! Были, конечно, и срывы, не без этого, но я ее не наказывала, не выговаривала ей перед всей группой, знала: Гаяля девочка легкоранимая. Скажи ей грубое слово, она начнет делать все назло. А за все хорошее я Галю отмечала у всех на виду, хотя это не всегда нравилось, ведь Галю привыкли считать хуже всех!

Много мне пришлось с ней говорить. Познакомилась с родителями. Отец — шахтер, честный труженик, мать работает в

столовой, тоже не на последнем счету. Думаю: «Не может быть, чтобы у таких людей выросла дочь плохая».

И вот первое родительское собрание. Я сразу заговорила о Гале (она и по списку первая). Сказала, что девочка живая, ласковая, внимательная, учится не хуже других. Но вдруг поднимается Галин отец и спрашивает: «А у вас что, две Алексеевы в группе?» «Нет,— говорю,— я про вашу дочь рассказываю». И что вы думаете? Отец сидел и плакал, он при- вык о Гале слышать только дурное.

Экзамены за второй курс Гаяля сдала вместе со всеми, хотя и была до этого у нее задолженность по двум предметам. Вот и вся история.

Иду как-то мимо вечерней школы, а из двери выскочила Алексеева и кинулась ко мне. Спрашиваю: «Ты что тут делаешь?» «Учусь,— говорит,— в 10-м классе «А». Была я и на работе у Гали, в магазине № 1. Там она практику проходила, там и работать ее оставили. Заведующая о Гале отзывалась хорошо.

Думаю, что главное в воспитании молодежи — не грубостью брать, а добрым словом, тогда даже «трудные» нас поймут. Чтобы быть воспитателем, надо любить детей, какими бы они ни были. Хочу посоветовать тем, кто работает по необходимости учителем или воспитателем: «Уходите, не портите детей, если вы их не сможете полюбить!»

М. СОЛЮЯНОВА
г. Новосибирск.

Женсоветы... А зачем они? — Нет-нет, и зададут мне такой вопрос. — Достаточно разных комиссий и советов. Стоит ли выделять среди них специально женские? Когда-то, возможно, это имело смысл: нужно было повышать активность женщин, приобщать их к общественной жизни. А сейчас? Не устарела ли эта форма работы?»

Нет, не устарела. И думаю, никогда не устарееет.

Сам характер нашего строя, его демократичность обуславливают то, что в решение важнейших государственных вопросов вовлекаются самые широкие слои населения. Наши женщины не хотят да уже, пожалуй, и не могут жить только интересами семьи, всем тем, что входит в понятие «личная жизнь». В своей профессии и общественной деятельности они имеют возможность проявить себя как личность, найти применение своим способностям, интересам, организаторскому дару.

К тому же работа в женсоветах отвечает самой природе женщины. Ведь каждая из нас, кем бы она ни была, еще и хозяйка, которая ведет дом, заботится о своих близких и, как хозяйка, не может равнодушно пройти мимо беспорядка, нерадивости, неустроенности, будь то в ее собственном доме или на заводе, на улице, в магазине, в поликлинике... Кто-то гасит в себе это активное чувство — мол, пусть беспокоятся те, кому положено. А другие не могут, им до всего дело — не по службе, а по совести. Такие и приходят в женсоветы, становятся хозяйками большого дома, где мы все живем и за который отвечаем не меньше, чем за свою квартиру и свое рабочее место.

У нас в области почти полторы тысячи женсоветов. Они организованы на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, по месту жительства, в городах и районах. Направляет их деятельность внештатный отдел при обкоме партии. Это отнюдь не формальный признак — «отдел при обкоме». Не только кабинет в здании обкома, служебный телефон и приемные часы. Это — высокое общественное признание нашей работы, дающее право считать ее важным партийным делом, поднимающее авторитет и дееспособность женской общественности.

В отделе у нас 9 человек, люди разных профессий: партийный работник, педагог, инженер, председатель завкома, журналист... Некоторые уже на пенсии, но мы себя «бывшими» не считаем, потому что работаем, хоть и на общественных началах, но используя весь накопленный опыт, жизненный и профессиональный.

Если из множества проблем, которыми занимаются женсоветы, выделить самую важную — это, конечно, забота о работающей женщине, улучшение условий ее труда и отдыха.

Не так давно бюро Одесского обкома партии слушало вопрос «О состоянии производственно-бытовых условий на предприятиях легкой и пищевой промышленности области». Было проанализировано положение дел на 44 крупнейших предприятиях, вскрыты недостатки и недоработки. В решении, принятом бюро обкома, намечены конкретные меры, улучшающие труд и быт работниц. Именно конкретные: с именами исполнителей, сроками, учетом возможностей и резервов. Контроль за осуществлением этих решений поручен нашему отделу.

Надо сказать, что это не было для нас разовым заданием. Мы постоянно следим за тем, в каких условиях работают женщины. Например, проверяли активистки условия труда и быта на 20 предприятиях Одес-

сы. На заводе прессов и автоматов все оказалось в норме: хорошая столовая, благоустроенные раздевалки, душевые, всегда есть горячая вода. А вот на опытно-экспериментальном консервном заводе имени Ленина придирические наши контролеры отметили, что отлично оборудованные душевые и умывальные убираются неряшливо. На территории завода — мусор. На станкостроительном заводе все неплохо, если бы не винный ларек у самой проходной, где подолгу «застревали» выходящие со смены мужчины. Закрыли ларек сразу же после вмешательства общественниц. Удивил нас механический завод — мужские бытовки оборудованы прекрасно, а в женских беспорядок: душевые работают нерегулярно, комната гигиены лишь числится — в нее не подвели воду. Так было. А недавно мы снова прошли по старым адресам: придаться не к чему. Помог

на Измаильском консервном комбинате.

Женский совет на заводе «Стройгидравлика» взял в свои руки контроль за питанием рабочих. Столовая открывается в 11 часов, а в 9 часов разносят по цехам подносы с кофе, булочками — вдруг не все дома позавтракали. Молодые рабочие, пришедшие из ПТУ, по настоянию женсовета первый месяц, до большой зарплаты, получают обед бесплатно, за счет предприятия.

Таких примеров можно привести много. Отделу нашему все они дороги, все важно: ведь за каждым «сделано», «исправлено», «оборудовано» — труд, время, волнение наших активисток.

Мы, общественницы, стараемся сделать все, чтобы сбереечь женщине время для отдыха, образования, воспитания детей. Вернее, делают работники службы быта, а женсоветы помогают им.

В городе Измаиле долгое время не ла-

А. ВОРОБЬЕВА,
заведующая внештатным
отделом по работе среди
женщин Одесского
обкома КП Украины

НАШ БОЛЬШОЙ ДОМ

первый секретарь Ильичевского райкома партии А. Н. Поперняк — вместе с директорами и парторганами предприятий решали, как исправить положение. И исправили.

Провели мы рейд и в Одесском трамвайно-троллейбусном управлении. Там работают две с половиной тысячи женщин, многие живут в общежитиях. С них-то активистки и начали. Недостатков обнаружили немало: в одном общежитии холодно, в другом не оборудованы кухни. В обеденный перерыв на конечных остановках водителям и кондукторам негде умыться, поесть (в главном депо — хорошая столовая, а о филиалах не заботились). По итогам нашего рейда собрали в обкоме партии совещание, пригласили представителей завкома, парткома, заместителя начальника управления по быту. Разговор получился резкий, крутой. Потом в клубе устроили общее собрание работниц управления — администрация ответ держала перед женщинами. Сейчас многое изменилось у транспортников. Общежития благоустроены. На конечных станциях оборудованы 13 комнат отдыха, 17 комнат для еды, душевые, умывальные с горячей водой. Освобождены от тяжелого труда 150 женщин — все они переведены на более легкую работу.

С помощью женсоветов улучшились условия труда и на заводе кожгалантереи и

дилось с прачечными. Были жалобы, что плохо стирают, рвут белье, в срок не выполняют заказы. И на работу парикмахерских были нарекания: чтобы причесаться, приходилось в очереди потратить не один час, да и от сделанной прически радости получали мало. Пришлось вмешаться гордскому женсовету. Провели рейды по всем парикмахерским, баням, прачечным. Итоги, как водится, обсудили с руководством бытового комбината. Прошло время — проверили, что сделано. Сейчас в Измаиле стирают хорошо, а причесывают не хуже, чем в Москве.

Плохо выстиранное белье или однообразное меню в столовой — это, как говорится, факты, против них не поспоришь. А попробуй докажи, что та или иная официантка грубит и не торопится обслуживать «невыгодных» клиентов — тех, кто вместо водки заказывает лимонад. Или две продавщицы болтают друг с другом, не замечая, как у прилавка растёт очередь. Трудно подвергнуть учету испорченное настроение, потерянный аппетит, разочарование покупатель. Активистки женских советов никогда не остаются равнодушными к недостаткам. Как и все, они делают покупки в магазинах, обедают в столовых и кафе, сдают вещи в химчистку. Только замечают больше, чем многие другие, а заметили плохое —

ГЛАВНЫЙ ДОКУМЕНТ ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ

не оставят без внимания. Обязательно пойдут в рабочий коллектив и поговорят там начистоту. И помогает, даже иной раз больше, чем служебный выговор. Так, не без помощи женщин-активисток заметно выросла культура обслуживания в кафе и столовых Белгорода-Днестровского, в диетической столовой и центральном гастрономе Одессы.

Очень много внимания уделяют общественники детским дошкольным учреждениям, строго следят за их строительством. В последние годы построено много новых комбинатов, расширяются старые. Но как живет там ребятишкам, вкусно ли их кормят — за этим женсоветы следят неустанно. По итогам проверки женской общественностью детских дошкольных учреждений Ширяевского района принято решение бюро обкома партии. Критический материал, собранный в Ивановском районе, обсуждался на совещании председателей и секретарей парторганизаций колхозов области. Результатом еще одного рейда (изучалась потребность детских учреждений в мебели, инвентаре, игрушках, посуде) было поручение обкома партии одесским предприятиям изготовить комплекты специальной детской мебели, посуды и другого инвентаря для садиков и яслей. И поручение выполнено.

Город наш южный, жарко, море рядом. Многие школьники проводят летние каникулы дома. А у работающих матерей душа неспокойна — как они там, поели ли вовремя, не отправились ли одни, без взрослых, купаться, не случилось ли чего...

Вместе с комсомолом женские советы в каждом районе оборудовали детские оздоровительные площадки, городские пионерские лагеря с играми, спортивными сооружениями. Располагаются они в парках, скверах, зеленых школьных дворах. На площадках и в лагерях дежурят общественники. Они же ведут занятия в кружках и секциях — бесплатно, разумеется. Питаются дети в ближайших диетических столовых. Нынешним летом в Одессе действовали 350 городских лагерей, за лето в них отдохнуло более 35 тысяч ребятишек. Отказа в путевках не было никому.

Я могла бы еще много рассказывать о нашей работе. Женские клубы, встречи на «огоньке», интернациональные связи, внедрение новых обрядов, семинары активисток, альбомы-эстафеты, рассказывающие об опыте лучших женсоветов, — вот лишь скупой перечень дел, которыми заполнена жизнь нашего отдела. И все-таки иногда думаешь: не слишком ли мы ограничили круг деятельности женсоветов традиционными проблемами? Споры нет, и быт, и дети, и отдых — это очень важно, мы и впредь будем заниматься подобными вопросами. Но в наших планах на будущее есть и другие — например, участие в борьбе за качество товаров народного потребления. Мы, женщины, можем сделать много, чтобы на прилавки магазинов не попадали некрасивые, немодные изделия. Ведь мы сами участвуем в производстве этих товаров, мы, женщины, как правило, ими торгуем, и покупаем чаще тоже мы.

Женщины могут оказаться неоценимыми помощниками и в таких делах, как укрепление производственной дисциплины, борьба с прогулами, пьянкой, недобросовестным отношением к труду. Как это нам удастся — покажет время. Но уже сейчас мы ищем новые формы и методы работы, которые помогли бы расширить рамки нашей деятельности. Ведь отставать от времени и его требований никак нельзя.

А главную свою обязанность видим мы в том, чтобы привлечь к решению этих задач как можно больше женщин.

«Дорогая редакция! В Ленинграде я живу с 1932 года, с молодых лет пошла трудиться. В годы войны — все блокадное время — была воином Ленинградского фронта. В 1944 году, после лечения в госпитале, демобилизовалась и снова стала работать на восстановлении города. А в 1948 году поступила на кузнечно-механический завод печатницей.

25 лет простояла у одного станка. Работала добросовестно, всегда перевыполняла норму. За все двадцать пять лет ни одного взыскания, ни одного замечания. А поощрений было много. Не один раз мой портрет вывешивали на Доске почета. Моя фамилия записана в заводской «Книге почета».

В 1965 году исполнилось мне 55 лет. Однако я продолжала трудиться еще восемь лет. Но, как говорят, пора и честь знать, в конце прошлого года пошла на отдых. Провожали в цехе добрыми словами: желали здоровья, благодарили за труд. И вдруг неожиданное огорчение. Выдали мне трудовую книжку — не моя, говорю. Оформлена она небрежно: отчетство написали «Александровна», зачеркнули, где-то сбоку исправили: «Алексеевна», но оговорки «исправленному верить» не сделали. Добрую половину поощрений не вписали. Работала я на заводе с 1948 года, а в книжке написано — с 1956-го. Спрашиваю в отделе кадров: «Куда же потеряли 8 лет?» Говорят — тогда цех не входил в систему завода. Но я-то в одном и том же цехе работаю 25 лет! И очень мне показалось обидным, когда в отделе кадров сказали: «Да на что теперь тебе трудовая книжечка? Отдыхай!»

Если представится возможность, проверьте факты и предупредите оформителей таких важных документов, что так небрежно поступать нельзя.

М. ГРЕБЕННИКОВА.
Ленинград.

Возможность проверить письмо представилась. Можно было бы сказать коротко: факты подтвердились. Правда, виновников установить трудно. Столько за эти годы людей сменилось в отделе кадров, узнай, кто допустил небрежность!

— Послала вам письмо и пожалела, — признается Мария Алексеевна Гребенникова. — Вдруг обидятся наши.

Чувствуется, любит она завод, цех. По-прежнему говорят: «наш завод, у нас в цехе». Но мы понимаем: не только личная обидя руководила Марией Алексеевной. Хотя не трудно представить ее возмущение, когда в отдел соцобеспечения пришлось нести не трудовую книжку, а справки, которые сберегла. Не признали ее книжку документом при назначении пенсии. Начала Гребенникова хлопотать в райисполкоме об улучшении жилищных условий. Инспектор

спросил, где и сколько лет она работала, та показала трудовую книжку. «Ваша? — переспросил инспектор. — До чего небрежно оформлена!.. Вы говорите одно, а в документе другое!» Так небрежность к оформлению главного документа трудовой биографии человека обернулась неуважением к самому труду его, к вкладу в общее дело.

Вспоминается, как недавно в редакцию пришла преподавательница музыки и хорошего пения. С ней произошла такая история: врачи запретили ей петь из-за болезни голосовых связок. Конечно, преподавать пение и не петь довольно сложно. И преподавательница подала заявление с просьбой освободить ее от работы по собственному желанию. В трудовой же книжке записано: «Уволена по статье 33, пункт 2», то есть по состоянию здоровья. Сначала женщина не обратила внимания на эту запись. Но когда побывала в двух-трех местах в поисках работы, позволяющей шадить связки, работу ей предоставлять не торопились. Она уходила, недоумевая, почему ее так сочувственно расспрашивают о здоровье. А дело, оказывается, было в злополучном пункте.

Пункт, конечно, изменили. Задним числом внесли в книжку поощрения, накопившиеся за 7 лет безупречной работы. Все, как говорится, встало на свои места. Но сколько неприятных минут доставила небрежность эта.

Вот что сказано в Кодексе законов о труде:

«...Записи о причинах увольнения в трудовую книжку должны производиться в точном соответствии с формулировками действующего законодательства и со ссылкой на соответствующую статью, пункт закона...» И дальше: «В трудовую книжку вносятся сведения о работнике, о выполняемой им работе, а также о поощрениях и награждениях за успехи в работе на предприятии, в учреждении, организации. Взыскания в трудовую книжку не записываются...»

Контроль за правильным и своевременным заполнением трудовых книжек, хранением их и выдачей возлагается на профсоюзные организации. Они обязаны периодически проверять состояние трудовых книжек, добиваться устранения всех неточностей.

К сожалению, такой заботы не обнаружила я на том заводе, где работала М. А. Гребенникова. Председатель завкома Нина Дмитриевна Быстрова по поводу письма М. А. Гребенниковой удивленно сказала:

— Такая скромная, хорошая работница, с завода не хотелось ее отпускать. И вдруг написала жалобу. С чего бы это?

Тут, как говорится, комментарии излишни.

А. СТОЯКИНА

В роли Анны Георгиевны — Людмила Гурченко (фильм «Старые стены»).

Ия Саввина и Валерий Золотухин в фильме «Каждый день доктора Калининской».

Валентина ИВАНОВА

ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА

Двое немолодых людей постепенно выделяются для нас из курортной толпы. Мы увидим их за завтраком и ужином в столовой, заметим среди танцующих... Проследим, как медленно отделяются они от санаторного веселья и пойдут берегом моря, сопровождаемые не очень поощрительными взглядами соседей по столу и палате. Не девушка уже и не парень. Вполне солидные люди, хотя женщина, подтянутая и элегантная, отдохнувшая здесь от житейских забот, выглядит много моложе своего возраста. Он же — напротив, мужчина в летах, сутуловатый и не очень ловкий, явно подстраивающийся под общий легкий, курортный стиль, что ему, по правде говоря, совсем не удается.

Остался, кажется, один день, а позади почти месяц, в который они так и не решились подойти друг к другу, заговорить. Они садятся на край лодки.

О чем же говорить теперь? Обещать друг другу встретиться в Москве? Но долго ли помнятся курортные обещания...

Конечно, весьма увлекательно для зрителя узнать, как продолжалась эта история. Но фильм «Старые стены» не про то. Совсем не про то. Даже трудно поверить поначалу, что авторы его не бояются так резко увести действие от захватывающей истории курортного знакомства. И вот мы уже видим нашу обаятельную незнакомку, таную только что мягкую, даже не защищенную, входящей в служебный кабинет весьма внушительных размеров. На ней строгий, черный костюм, так же строгий и непререкаемые реплики, которые она бросает секретарше и мастеру цеха по селектору. Теперь это совсем другая женщина, а вместе с ней и мы, зрители, будем погружены в будни одной старой ткацкой фабрики — отсюда и название фильма. Мы узнаем,

как складывается жизнь деловой женщины — директора фабрики Анны Георгиевны, которая безраздельно посвятила себя «старым стенам».

Посвятила без остатка, оттого и не вышла вторично замуж, не успела, не смогла, была занята по горло, да и думала больше всего о дочери, которой не так-то легко угодить с «отчимом». А у дочери тоже совсем не складывается семейная жизнь. Дочка выросла эгоисткой — как, впрочем, бывает нередко с дочками, ради которых матери жертвуют всем.

Да и на фабрике не все в порядке. Казалось бы, директор пропадает в цехах дни и ночи, как говорится, света белого не видит. А так ли уж все здесь хорошо? Нет, недовольны старые работники. Недовольны, что до сих пор живут в бог знает когда построенных домах, а квартиры в первую очередь дают молодым специалистам, только что приехавшим, которых надо «удержать», «закрепить», «заинтересовать». Как нинто другой, понимает Анна Георгиевна старых работников. Ведь они срослись с этой фабрикой: пришли сюда молодыми девчонками и вынесли, выдюжили многое — и войну, и послевоенные карточки, а работали, как звери, — и не было тогда ни автоматизации, ни прочих благ научно-технического прогресса.

И вот вечером, после утомительного дня заходит Анна Георгиевна к своему новому главному инженеру — совсем желторотому парню, на которого столько в свое время возлагала надежд. Оказывается, и он недоволен. Получил квартиру, но весь еще в сомнениях — стоит ли ему, человеку, воспитанному и обученному по самому последнему слову современной науки, приехавшему из столичных весей, возиться с этой фабрикой, которую ему хочется разрушить сверху донизу. Ну, а как же поступит Анна Георгиевна? Что предпримет? Фильм в общем-то не дает ответа на этот вопрос, он лишь стремится показать жизнь такой, какая она есть, приблизить нас к реальным проблемам, заставить задуматься о них.

И пусть не все в фильме удалось — недостаточно обоснован производственный конфликт — судьба героини, ее характер, поступки на редкость достоверны.

...Однажды утром директор пораньше придет на фабрику, чтобы пока не начался телефонный перезвон и ее не накрыли с головой заботы. Заняться английским языком. Но тут и ней в кабинет ворвется разгневанная работница требовать уплаты на мужа — через фабком, партком и прочие инстанции. А в какие инстанции обратиться ей самой, директору? Ей, этой строгой женщине, которая почему-то вообще запретила себе личную жизнь как таковую. И так ли уж она права в этом, милая Анна Георгиевна?..

В фильме «Старые стены» перед нами в совершенно неожиданном качестве предстала популярная антриса Людмила Гурченко. Да, та самая, поющая и танцующая, вонгур имени которой когда-то было сжато столько копий — талантливая ли она или просто «кассовая», снимать ее или не снимать? А она потихоньку, когда после бурного восхождения на Олимп пришли годы забвения, работала — трудно и беспокойно, сминалась в почти эпизодических ролях, стремясь обрести какое-то новое лицо. И вот наконец — Анна Георгиевна, роль, которую антриса, бесспорно, заслужила.

Роли и только роли воспитывают актера, воспитывает драматургия. Когда существовали девушки с гитарой и прочие

увлекательные и легко проносящиеся мимо сознания зрителя экранные особы, то была одна сумма требований, представляемых актрисе. Теперь — совсем другая. На смену растерянным девчонкам, не попавшим в вуз (вспомните «Первый троллейбус», «Утренние поезда», «Человек родился»), пришла деловая женщина, находящаяся сегодня в центре самого пристального общественного внимания, которая идет работать даже тогда, когда в семье, назалось бы, достаток и можно бы посидеть дома. Женщина эта переходит с одной работы на другую, теряя в деньгах, но стремясь приобрести что-то серьезное в смысле собственного роста и общественной значимости. Таких женщин мы встречаем на заводе, в учреждении, в лаборатории, в институте, о них пишут в газетах, им посвящают повести и романы.

Не случайная жизнь ломает и наши привычные представления о кинематографической героине. Поясно это еще одним примером. Наверное, многие из читателей помнят фильм «Неоконченная повесть», где в роли участкового врача впервые снялась Элина Быстрицкая. Помнят этот милый, склоненный над детской кроваткой профиль, убаюкивающий голос, когда она ходит по комнате с больным ребенком на руках, легкую походку, как будто и не было до того бесконечных лестниц. Антриса обволакивала зрителя какой-то удивительной мягкостью, тонким лиризмом, и благодарные сердца раскрывались ей навстречу.

А как относиться и героине фильма «Каждый день доктора Калининской», женщине с отрешенным лицом, высоким, открытым лбом и волосами, плотно убранными под белую шапочку? Она возникает перед нами на экране — вся воплощение современной медицины. Не той, что уговаривает, улыбается и сочувствует, а той, что трезво анализирует. Сколько непререкаемой твердости в ее интонациях — ведь она сейчас отказывает матери больной девушки в помощи, пытается воздействовать на нее аргументами логики — огромная очередь, запись на годы вперед, а дочь, в сущности, вполне может жить и с таким дефектом: это не смертельно. Но разве существует логика для материнского сердца? Разве существуют для нее другие дочери? А для врача? Что делать врачу в подобной ситуации? Умом можно понять позицию Калининской, но как трудно принять ее бескомпромиссность.

Итак, два фильма — «Неоконченная повесть» и «Каждый день доктора Калининской». Их разделяет чуть не два десятилетия жизни нашего кинематографа. Картина о докторе Калининской вышла на экран совсем недавно. Главную роль в ней играет Ия Саввина. Так, может быть, все дело в том, что перед нами две актерские манеры, два стиля исполнения? Да, наверное, но не только в этом. Фильмы отличаются разными подходами его авторов к жизни, к герою. Мы понимаем: человек, стоящий в центре произведения искусства, может быть и странным, даже нелепым, как, например, героиня Инны Чуриковой. С ним можно спорить, его можно не принимать, в какие-то моменты он может даже отталкивать. Ведь и люди, с которыми мы повседневно встречаемся в жизни, далеко не всегда поворачиваются к нам сразу нашими-то лучшими своими сторонами. Иной раз нужны годы, чтобы распознать во внешне колючем и жестком человеке истинную его сущность.

Ия Саввина (пожалуй, нет у нас в кино более мягкой и жен-

РЕМОНТНАЯ БРИГАДА.

ДЕВУШКА
ИЗ ДЕРЕВНИ ХАЙ-ТИН.

МИРНЫЕ БУДНИ

По Демократической Республике Вьетнам
Зарисовки художника Л. ДУРАСОВА.

ГОРОД КАО-БАНГ.
ОБРАБОТКА БАМБУКА.

РАБОТНИЦА
С БАМБУКОВОЙ ФАБРИКИ.

Г. ХАНДЖЯН. СУМЕРКИ.

Всадник

А. ДЗАНТИЕВ

— Что тебе прежде всего следует запомнить в этой истории,— наставлял меня дядя, опустив на мое плечо тяжелую, точно свинцом налитую ладонь.— Будь в тот осенний день в доме на сельской улочке какое-нибудь веселье, свадьба там или праздник, всадник мог и не придержать коня, мог и не остановиться. Не то, чтобы он наверняка не остановился, возможно, что, услышав звуки гармонки и увидев толпу перед домом, он спешил бы, возможно, даже не отказался бы осушить за счастье молодых или там за новорожденного чашу густого и темного осетинского пива, но скорее всего веселая толпа перед домом только бы насторожила всадника. Ведь не для того же он в конце концов сел на коня, чтобы проехаться в свое удовольствие, должно быть, была у него какая-то цель; не будь ее, он и коня бы, пожалуй, не оседлал. Если же он взгромоздился на коня, да еще подгонял его, хлестал нагайкой, значит, несмотря это, было у человека дело, не терпящее промедления, а раз так, веселая толпа на пути могла послужить только задержкой, а то и вовсе помешать выполнению неотложного дела. Поэтому, прищурив всадник коня и пронесись он мимо, никто бы ему и слова упрека вдогонку не бросил. Мало ли какие дела могут быть у человека в позднюю осеннюю пору, мало ли куда он может спешить, может, ему и не до развлечения вовсе!

Но люди в тот осенний день собрались на сельской улочке не для веселья,— продолжал дядя.— Всаднику это, должно быть, еще издали стало ясно, веселье от печали даже на расстоянии отличить нетрудно. И что же, может, всадник прищипорил коня, чтобы без помех продолжать свой путь, может, свернул в сторону, чтобы объехать объятый печалью и горем дом, или, может, повернул обратно? Как бы не так. Ему и в голову не пришло ничего такого, он даже на мгновение не задумался ни о каком выборе, да у него, можно сказать, и не было такого выбора, потому что еще раньше, чем показался этот объятый горем дом на его пути, еще раньше, чем он оседлал коня и выехал по своему неотложному делу, раньше, чем он, возможно, даже повзрослел, он уже знал, как ему быть, знал, как поступить, доведись ему повстречать человека в горе. Поэтому ему и думать, можно сказать, не надо было, когда остановив коня еще за квартал от того дома, он спешил, переложив в левую руку нагайку. Да и когда он, потупив голову, остановился перед старшими, а потом с рыдани-

ями вошел в настезь распахнутые ворота, им и тогда руководил не трезвый расчет, а чувство сострадания к потерпевшему, чувство непостижимой вины перед ним за то, что судьба обрушила свой удар не на него — всадника,— а на этого самого человека, словно тот, с конем, мог распорядиться судьбой, мог повелевать ею,— говорил дядя и, казалось, без всякой видимой причины повышал голос, умудряясь не выпускать при этом дымящей трубки изо рта.

— Выйдя из дому и поочередно пожимая руки собравшимся,— продолжал рассказывать дядя,— спешивший всадник говорит, и сам слышит в ответ: «Цинты цаеут»¹,— а потом вдруг поражает кого-то, казалось бы, совсем нелепым вопросом: кто умер? Вопрос этот в устах человека, только что проливающего горькие слезы, и в самом деле звучал бы нелепо, будь спешивший всадник другом умершему родственнику или хотя бы знакомым. Тогда и в истории этой не было бы ничего примечательного, друг там или родственник примчался на своем скакуне, прослышав горестную весть, что тут удивительного? Но в том-то все и дело,— подняв кверху пожелтевший от табака указательный палец, подчеркивал дядя,— что всадник этот не знал покойника, никогда не встречался с ним, не был ему ни другом, ни братом, ни соседом да и в этом селе оказался по чистой случайности, избери он с самого начала иной путь, он, может, никогда и не узнал бы, что в таком-то селе не стало такого-то человека, мало ли где кто умирает, по старости ли, по болезни, из-за несчастного ли случая. Но если так, что заставило всадника, прервав путь, скорбеть по незнакомому человеку,— спрашивал дядя,— что заставило его склонить голову перед чужим горем?— И, прищурив глаза, дядя придирчивым взглядом окидывал меня с головы до ног, словно соизмеряя свой вопрос с моим ростом.

— А то,— выдержав паузу, отвечал дядя на свой же вопрос,— что не бывает чужого горя, вот во что твердо должен был верить всадник еще до того, как он решил остановиться у незнакомом доме. Будь в том доме веселье, свадьба там или праздник, всадник мог и натягивать поводья, мог и не останавливаться, веселье, оно как бы по желанию, а горе, оно по долгу, вот этот долг, человеческий долг, и повелел всадни-

¹ Цинты цаеут (осет.) — радости вам, до-словно — «ходите по радости» — обращение, которым при встрече обмениваются на похоронах.

ку остановиться. В твоём возрасте тебе может показаться, что в поведении того всадника не было ничего особенного,— продолжал дядя,— ну, ехал человек по своим делам, ну, встретил охваченных горем незнакомых людей, слез с коня, выразил им соболезнование, отправился дальше — чего уж проще! Но позже ты поймешь, что поведение всадника не такое простое, возможно, другой на его месте и не подумал бы остановиться, а подумав, не удержался бы от соблазна промчаться мимо, ведь под ним разгоряченный конь и у него есть оправдание: неотложное дело.

Пройдет время, жизнь и от тебя, возможно, потребует выбора — останавливать коня или без оглядки скакать мимо, так не забывай тогда, что горе других — это и твое горе. Чужим весельем ты еще можешь пренебречь, чужим горем — никогда! Вот о чем тебе не следует забывать. Так помни же,— заключил дядя,— нет чужого горя. И прежде чем прищипорить коня и ветром пронестись мимо, повтори это про себя еще раз: нет чужого горя...

Так не раз говорил, так наставлял меня дядя. Рассказывая, он то ковырял проволокой в черенке обгорелой вересковой трубки, то набивал ее табаком, то вырезал свисток на конце длинной ореховой палки, служившей мне и посохом и копьём, то вытаскивал из улья тяжелые прямоугольные рамки, облепленные пчелами, и не обращая внимания на пчел, которые садились ему на лицо и руки (дядя предпочитал работать с пчелами без дымара и сетки, укусов он не боялся, а дым, по его мнению, только без надобности раздражал пчел), то сидя в низком кресле у открытого окна и долгим немигающим взглядом глядя на горы, будто там, на их склонах были написаны строки рассказываемой им истории, и вновь набивая свою обгорелую вересковую трубку золотистыми волокнами табака.

Вот она, эта трубка, у меня в руках. От нее и сейчас еще исходит аромат душистого дядиного табака, только не клубится, как прежде, над трубкой дым. Трубка осталась, хозяина давно уж нет. Прошел и срок, о котором говорил дядя. Теперь, словно разбитую вазу, собирая в памяти в единое целое дядин рассказ, растянувшийся на долгие годы, и размышляя над ним, я все чаще прихожу к мысли, что всадником, решительно остановившим коня в тот мрачный осенний день перед воротами незнакомом дома, был дядя. В справедливости этой мысли я лишней раз убеждаюсь, вспоминая, сколько людей собралось на дядины похороны. И наш дом, и двор, и улица были заполнены людьми, настоящее людское море, охваченное скорбью. Порой же на ум мне приходит какая-то несурзаца, заведомая бессмыслица, будто бы всадником, о котором мне с детства, не переставая, твердил дядя, был я сам. Тогда в ушах у меня, как когда-то, раздаётся твердый дядин голос: «Нет чужого горя»,— и я успешно останавливаю коня.

Нет чужого горя... и останавливаю коня.
Нет чужого горя... и останавливаю коня.

ственной актрисы, это ведь она вошла в наше сознание вместе с «Дамой с собачкой» и «Кроткой» резко и решительно меняет набор красок, чтобы познакомить нас с таким незаурядным и истинно современным нашим человеком, как доктор Калининкова, которой нужно не просто сочувствовать, как мы сочувствовали героине Быстрицкой, ее нужно постигать.

Калининкова стоит во главе большой клиники. Клиника эта ведет серьезные исследования

в области травматологии, и по ее методу производятся операции, на которые другие не решаются. Возвращаются в строй обреченные, казалось бы, уже вычеркнутые из жизни люди. Что это — чудо? Нет, это прежде всего наука, это поиск, эксперименты, неудачи (да, пока куда больше неудач, чем открытий) и снова поиск.

Известно, что в основу фильма «Каждый день доктора Калининковой» легли реальные факты медицинской практики. Есть реальный прототип и у

героини Ии Саввиной. Серьезная жизненная достоверность, на которой базируется картина, и дитует актрисе жесткую, графическую линию игры — мы почти забываем, что перед нами актерская работа. Такая Калининкова вполне могла бы быть героиней и документального очерка.

Сегодняшние киногероини делают сложнейшие операции, руководят производством, ездят в трясинах грузовичках по горным дорогам, исследуя маршруты будущих трасс.

...Да, очень разные картины. «Старые стены», «Каждый день доктора Калининковой»... Разные актрисы. Разные характеры. Разная степень приближения к жизни — большая, меньшая. Но зритель настойчиво призывает нас задуматься — не только поплакать, поулыбаться, развлечься, но задуматься. Задуматься над теми вопросами, которые волнуют нас и в самой жизни. И в частности, о месте, которое заняла в современной жизни наша женщина — знающая, энергичная, деловая.

Кисточка — за тридцать земель

Среди таджикских текстильщиц часто слышны разговоры о каких-то кисточках. Кисточки то да кисточки се...

Непосвященному в таинства текстильных процессов может показаться, будто бы создатели пряжи сплошь увлекаются живописью. Посвященный же сразу документает до сути. Хотя прядильщица и не рисует, но каждая должна быть вооружена кисточкой обязательно!

По количеству потребляемых кисточек маринисты и пейзажисты ни в какое сравнение не идут с прядильщицами. Сколько истрачено кистей для создания популярной картины «Утро в сосновом бору» (в просторечии — «Медведи на лесозаготовках»), мне в точности неизвестно. История искусств об этом умалчивает. Но, думаю, не шестнадцать же тысяч. А вот именно столько кисточек необходимо в год Душанбинскому производственному объединению хлопчатобумажной промышленности, чтобы работницы могли тщательно и быстро обмахивать веретена прядильных машин от пуха.

Отчего же пустынная вещь — тонкая палочка с пучком щетины — доставляет столько неприятностей и хлопот работникам отдела снабжения Душанбинского объединения?

Краткий экскурс в историю. В недалеком прошлом сей многотрудной проблемы просто не существовало. Ибо все технические щетки и кисточки делало предприятие общества слепых в родном Таджикистане. И все были довольны.

Потом вдруг властно вмешался великий научно-технический прогресс. Надо сказать, мы целиком и полностью за этот прогресс. И даже за все его величия. Кроме таких, как в нашем случае. Тут величия носили

несколько странный характер. Мол, местные кисточки совсем не таковы, как требуют ГОСТы и стандарты. Величия подхватили кисточки, вернее, их изготовление, и забросили далеко-далеко — аж на Московскую фабрику щетино-щеточных изделий Росглавфурнитуры Минлеглапрома РСФСР.

И с тех пор уж года три только и слышно: кисточки то да кисточки се. Почтовые вагоны, самолеты и телеграфные провода несут информацию по маршруту Душанбе — Москва, Москва — Душанбе. Информация посвящена палочке с волосинками.

И в редакцию прислали для наглядности две кисточки. Одна — та, которую очень бы хотелось получить, да не делают теперь в Таджикистане. Другая — московская, такую делают, но иметь ее прядильщицы не хотят. Столичная росточком поменьше, и щетинная шевелюра у нее не в пример сестре пожние и покороче. Эксплуатируется она примерно так: махнет прядильщица несколько раз своим орудием — и оно уже лысое...

Солидные учреждения с длинными — на одном дыхании не вымолвишь — названиями всячески опекают текстильщиков. Всезнающие специалисты, конечно, все ведают и о кисточках.

С этими бодрими мыслями я поступила в дверь Союзгосплана (или Главного управления по поставкам сырья для легкой промышленности СССР). Точнее, в отдел кожевенного сырья и дубильных материалов (в этом отделе имеется группа по кистецеточным изделиям). Мелькнуло в голове: вот изложу суть дела и услышу: «Ах, непорядок! Ах, недогляд! Сегодня же примем экстренные меры!»

Но почему-то волнения мое сообщение у товарища Шоворова, заместителя начальника отдела, не вызвало. Он вынул из стола прейскурант толщиной с «Войну и мир», а также разные кисточки. И стал объяснять: прейскуранты, артикулы, цены... Цены, артикулы, прейскуранты...

Из этого объяснения я кое-что поняла про кисточковую эпопею.

Самое ближайшее к Душанбе предприятие, способное осилить кисточ-

ну, в Москве. Хотя фабрика, мягко говоря, полустарая и даже не в состоянии делать колодки для щеток и ручки к кисточкам. Это у нее давальческое (уж, седой старинной пахнуло от этого словечка!). То есть дают сами текстильные предприятия, добывая их, где душе угодно. В заключение мой собеседник сказал, что ему неведомо, насколько таджикских текстильщиц устраивает поставляемая кисточка, поскольку он не в курсе, какое у них оборудование.

Обдумывая не лишенный туманности ответ, я понял: да, в каждой отрасли пруд пруди хитроумных специфических сложностей. Однако, если кисточка катастрофически лысает на глазах, вряд ли это радостно при любых машинах.

И еще я узнал. Например, ивановские текстильные фабрики удовлетворяет кисточками тамошнее предприятие общества слепых. То есть такое же, какое вырабатывало кисточки в Таджикистане до вмешательства этих самых величий...

Позвонив на Московскую щеточную фабрику, я услышал, что не так давно сюда приехал замдиректора Душанбинского объединения. Ясное дело, за кисточками! Оказалось, действительно в Таджикистан фабрика посылала не то, что там нужно. Произошло маленькое недоразумение, но по вине... заказчиков. Они просили кисточку с металлической обоймой, а ее уже не делают. Но в прейскуранте она случайно еще затесалась. Гонец из Душанбе согласился взять на пробу тысячу штук с пластмассовой ручкой.

А нужно, напомню, шестнадцать тысяч кисточек в год. И, кстати, пока никто не знает, сгодятся ли эти кисточки таджикским текстильщикам.

Есть старинная поговорка: «За морем телушка полушка, да рубль перевоз». Кисточки не телушка. Но перевоз их стоит не один рубль. Так я и не понял: зачем понадобилось тратить немалые рубли и возить за тридевять земель кисточки, которые с успехом изготовлялись на месте.

Эр. ЭДЕЛЬ

ПЕРСОЛЬ

Рисунки О. КОРНЕВА

Шутка «Гиганта»

Включившись в месячный пожарной безопасности, налужское объединение «Гигант» начало выпускать спички в виде ровных белых палочек без намека на то место, которое называется спичечной головкой. Оценив по достоинству эту ГИГАНТскую шутку, читательница Г. Быстрова из г. Дедовска, Московской области, и другие покупатели с нетерпением ждут, когда же будут подведены итоги этому головоулетству.

Химическая тайна

Задумав обновить к летнему сезону свой синий купальник, жительница города Новокузнецка Л. С. Головина купила пакетик «Анилинового красителя для домашнего крашения» со штампом «Васильковский» и, согласно инструкции, оунула синий купальник в синий краситель. Результат был ошеломляющ: купальник получился буро-коричнево-грязного колера. Автор таких химических превращений пока в тени, хотя на пакете с краской остался кое-какой след: «Т.V.MГ VХII-ОШ-132-58». Интересно, куда ведут эти следы?

ПЕРСОФИЛЬМ

По кругу

1. На кирпичном заводе в городе Малгобене Анна Сергеевна Гадиева проработала много лет и в начале текущего года подала заявление с просьбой оформить пенсию — подошло ее время. Директор завода тов. Картоев наложил свою резолюцию и передал заявление главному бухгалтеру тов. Мержоеву.

2. Тот, в свою очередь, поручил это дело экономисту тов. Батижеву.

3. Экономист — человек занятый и поэтому, продержав у себя документы три месяца, передал их секретарю тов. Алиевой.

4. Та, конечно, человек менее ответственный и поэтому держала их только два месяца.

5. Получила, наконец, Анна Сергеевна свое «дело» и помчалась в горсобес. Там выяснилось, что документы оформлены неправильно, что предприятие их обязано само представить в органы собеса.

6. Так и ходит Анна Сергеевна по кругу, ждет-пождет, когда же ее поздравят и проведут, как у людей положено, на заслуженный отдых.

Михаил Михайлович Шкроб, директор Саранского треста общественного питания, обиделся на письмо, которое я положила перед ним: — Слишком недоброежелательный тон. Вы не считаете? Вот и подписи: вроде бы их много, а все неразборчивы. Злопыхатель писал!

Безусловно, разборчивая подпись лучше неразборчивой: вежливей она как-то, для дела полезней. Но не будем углубляться в эпистолярную этику, а сосредоточимся на сути письма, которое получила редакция из Саранска.

Это была не обычная жалоба на «Общепит» — мол, негде поесть, везде очереди, не умеют готовить. Авторы как раз писали, что в Саранске есть хорошие заводские столовые, да и в городских можно пообедать неплохо. А вот кафе... Тут-то и был выдан в письме длинный ряд обидных для «Общепита» наречий: «невкусно, однообразно, неуютно, порой просто грязно», словом, низкая культура обслуживания. Определен был и сам исток такой оценки: «Все возрастающие запросы населения и требования сегодняшнего дня».

Действительно, из вчерашнего Саранска, пожалуй, не пришло бы подобное письмо. Лет десять — пятнадцать назад город был маленьким, тихим. Чуть свернешь от центра — хоть влево, хоть вправо — забарабанишь по деревянным тротуарам, проконопаченным тополиным пухом. Это сейчас в городе выкорчевывают тополя за плебейство, заменяя липами-аристократками, а тогда они буйствовали на всех центральных улицах, где редкие четырехэтажные дома возвышались над серым деревянным одноэтажьем. Город, где все было близко — пединститут, педучилище, несколько промышленных предприятий, все больше местного значения... И никаких тебе кафе, вроде и нужды в них особой не было.

Сейчас Саранск — университетский, промышленный город. Центр светотехники, со Всесоюзным научно-исследовательским институтом источников света.

Тот, кто давно не был в городе, приехав, должен знакомиться с ним заново. Лирически настроенная душа, может, и пожалует о былом: все новое, памяти не за что зацепиться. Но город — живой организм — растет, развивается. Сколько у нас сейчас таких старых новых городов! Застраиваются они по всем современным требованиям градостроительства. В новых жилых районах обязательно предусмотрены и детские сады, и магазины, и кафе.

Кафе... Уже само это слово звучит как обещание приятной обстановки, отдыха. Выдалось среди дневной беготни минут

ЗА ВЫВЕСКОЙ КАФЕ

Т. АЛЕКСАНДРОВА

пятнадцать свободных — зайди, выпей чая с пирожным. Вечером здесь можно встретиться с подругой за чашкой кофе, посидеть, поговорить. Попал в обеденный час — закажи чего-нибудь поосновательней. Если есть в городе такой вот «кофейный» уют, то жизнь без него уже просто не мыслится.

В Саранске немало вывесок кафе — «Весна», «Театральное», «Солнечное», «Лесное», «Чудесница». Но что за ними?

Шла я тенистым старым парком к кафе «Ландыш». Звенела детская площадка. В тихих аллеях не было ни одной свободной скамьи, сидели, обложившись книгами, студенты и студентки: не придумаешь удобней места для занятий в жаркий день. И как хорошо, что в парке с утра до вечера открыто кафе. Зайдем и мы.

В зале «Ландыша» тесно — очередь к кассе, очередь к раздаче, а большая веранда, которую обслуживает буфет, почти пустует. На «почему?» может ответить буфетная витрина: нечищенные кильки, кое-как накромсаные огурцы, холодная котлета, лимонад. Пожалуй, лучше постоять в очереди и выбрать что-нибудь из меню. Щи, биточки, гуляш, мясо тушеное, яичница — вполне достаточно по количеству. Да, но кафе должно отличаться от столовой не просто названием, но и меню. В кафе может быть всего два-три блюда, только каких? На первое, как рекомендует справочник руководящего работника общественного питания, бульон с пирожком или блинчиками. На второе... второе завяжет от специализации кафе. Но лучше что-нибудь нестандартное и, конечно, вкусное.

В московском «Русском чае», например, предлагают мясо в горшочке, а в ленинградской «Лакомке» беф-строганов в миниаюрной кастрюльке. Выбор невелик, но вполне устраивает даже тех, кто обедает тут каждый день: приготовлено хорошо.

В «Ландыше» все неаппетитно на вид, невкусно. В меню

нет ни чая, ни кофе, ни какао. А если вернуться к упомянутому справочнику, то там особый акцент сделан на всевозможных горячих напитках.

— Чай мы в меню не пишем, — объяснила мне заведующая, — но он есть. — И, приподняв крышку жестяного чайника, где закипали остатки заварки, добавила: — Чай спросом не пользуется. Мороженое? — Кажется, я задала неприличный вопрос. — Мороженое в Саранске только на уличных лотках.

«Ландыш» в городе не на лучшем счету, вот «Театральное» кафе — совсем другое дело, говорили мне в тресте.

В «Театральном» надписи на окнах обещают и кофе, и мороженое, и коктейли — молочные, винные, какие желаешь. Меню здесь не лишено выдумки — оно уговаривает и соблазняет: каждый раздел начинается доброжелательными словами «Давайте закусим», «Всегда кстати», «Вкусно, питательно», «Утолите жажду», «Тебе, лакомка». Но, уговорив закусить, предложат яйцо вкрутую (без майонеза), мясо вареное (без гарнира), консервы рыбные, бутерброд с сыром... Ну, а что же «вкусно и питательно»? Рассольник, молочный суп — и утром, и днем, и вечером. Лакомке подадут не какой-нибудь специально приготовленный десерт, а конфету «Василек».

Что касается черного кофе, коктейлей, то их года два тут не видели. Была когда-то венгерская кофеварка, но с ней не умели обращаться и быстро списали (как, впрочем, и остальные семь, которыми владел саранский «Общепит»), о других же способах варки кофе почему-то не вспомнили.

Можно больше не рассказывать, чем и как кормят в саранских кафе. Кормят по надоевшему шаблону — и в «Весне», и в «Лесном», и в «Солнечном». Каждый день в меню яичница из трех яиц. Как будто не ведают кулинары, что из трех яиц почти с той же затратой сил можно сделать омлет с зеленым луком, с сыром, с

зеленым горошком, омлет французский с петрушкой, омлет би-сквитный — сто разных омлетов и яичниц.

Обстановка во всех кафе соответствует меню. Вестибюли, заставленные ящиками с пустыми бутылками, выщербленный пол из мрачного пластика, полиэтиленовые клеенки на столах, хотя скатерти есть и стирка налажена. В «Театральном» во время обеда через весь зал грузчик в грязном халате может возить продукты на громающей тележке... Такую «деловую» манеру обслуживания воспринимаешь как напоминание: «Съел обед — нечего расслаживаться, тут люди работают».

При кафе два буфета. Один — просто неприглядная забегаловка с соответствующим посетителем, которому надо выпить сто граммов без закуски. В другом буфете красивая, я бы сказала, респектабельная стойка. Около нее когда-то стояли мягкие круглые стулья. Здесь-то и можно было получить коктейль, чашку кофе. Все эти «излишества» ликвидированы, зато ускорен темп выпивки: набулкать полстакана вина или водки быстрее, чем сделать коктейль. Не приведешь сюда жену или любимую девушку: чисто мужское заведение. Понимаю, почему часто слышала в Саранске: «Раньше наше «Театральное» было популярным кафе, молодежь собиралась по вечерам. Сейчас немногие ходят». А ведь кафе должны быть местом приятного досуга — и дневного и вечернего.

Побывав в таком кафе, можно подумать, что в Саранском тресте нет хороших специалистов. Есть они. И с высшим образованием и со средним специальным. Ежегодно приходит пополнение из Саранского кооперативного техникума — технологи общественного питания, экономисты; из кулинарного училища — кондитеры, повара. Руководители предприятий считают, что выпускники училища хорошо обучены кулинарному мастерству. Я имела возможность в этом убедиться, когда присутствовала на экзамене будущих кондитеров в столовой «Мордовия», где они проходили практику.

Какое это было кондитерское великолепие! В центре стола большая корзина с розами — и корзина и розы из хрустящего хвороста, рядом лежали всевозможные пирожные, булочки, печенье «Неженка», которое таяло во рту, большой сладкий пирог — по джемовому озеру плыл смешной утенок, а над ним вилась затейливая бабочка. Тринадцать учениц сдавали экзамен, комиссия поставила двенадцать пятерок, одну четверку.

Заведующая кондитерским цехом «Мордовия» заслуженной работницей торговли Клавдия Николаевна Бобкина сказа-

ла, что у молодых даже опытному кондитеру есть что перебрать. Хорошо, если выпускница попадет под начало такого вот человека, как Клавдия Николаевна, ответственного, творческого, рядом с которым интересно работать. Но ведь может попасть и к такому бригадиру, как в кафе «Ландыш». Видела я там на кухне молоденькую практикантку, стоявшую в растерянности у электрической сковороды со странным месивом, именуемым печеню по-строгановски. И печенка, кое-как нарезанная, и лук, и мука — все сразу было свалено в сковороду вопреки технологии. А бригадир — опытная повариха! — подбадривала ученицу: «Ничего, ничего, сейчас колер получится — и порядок!» Та бригадирша, как я позже узнала, ушла на пенсию. Но только дело не в ней одной, а в принципах, которые она проповедовала: главное — хлопот поменьше, а посетитель, что хочешь съест. Как в таком случае применить повару знания, полученные в училище?..

А выпускницы мечтают о творческой работе: недаром же рядом со словом «кулинария» часто ставят другое — «искусство». И в самом саранском «Общепите» есть великолепный пример настоящего творчества — ресторан «Национальный». Не спешите с возражением: «Так то ресторан!» — посмотрим сам подход к делу, стиль обслуживания.

Мария Ивановна Рузайкина, заместитель директора треста, и Нина Афанасьевна Бобина, директор «Национального», рассказывали, что, когда создавался ресторан, технологи, повара провели целый этнографический поиск. Никаких старинных мордовских кулинарных книг, естественно, нет, так что пришлось расспрашивать пожилых мордочков, что готовили в их домах, и доводить рецепты до совершенства.

Располагается ресторан в подвале жилого дома, но интерьер его очень удачен: в деревенских мотивах — простота, уют. Столы с толстыми столешницами, лавки. На столах

салфетки с красной каймой и мордовской вышивкой. Посуда здесь глиняная, кустарная.

Что же подают на столы с красивыми салфетками? Селянку в горшочке из мясных субпродуктов, суп молочный с крахмальной лапшой, нежнейший крахмальный лапшевник, запеченный в глиняном блюде, блины пшеничные, пышные, воздушные, с кислым молоком, которое квасят в ресторане по особому деревенскому рецепту, «медвежий лапу» — особую котлету из мяса и печенки, жаренную в хлебных кубиках... Эти блюда (кстати, недорогие и несложные в исполнении) вполне могли бы украсить и меню любого кафе. Ходят сюда люди самые разные: служащие — вокруг много учреждений, студенты, пенсионеры, командированные. Заглядывают иногда пожилые колхозники, приехавшие из села по делам в столицу: «Говорят, тут у вас все наше, мордовское», — остаются очень довольны.

«Национальный» — единственное место в Саранске, где можно не просто съездать обед, но и отдохнуть, спокойно посидеть (потому что здесь приятно сидеть!), заказав стакан молока или сока. Что ж, посидим и мы, подумаем о взаимоотношениях «Общепита» и тех, кого он обслуживает, тех, кто недоволен, кто оставляет автографы в книге жалоб и пишет письма в редакцию.

Мне говорили, что саранский житель требует только обычного обеда, оригинальничанья не приемлет, оттого, мол, меню в кафе стандартное. Почему же тогда в «Национальном» многие с удовольствием ходят каждый день, хоть и нет тут традиционных шей с гуляшом?

Еще говорили, что в Саранске не принято семьями ходить в кафе. Но вот я вижу, как за соседним столиком молодой отец кормит двух маленьких дочек. Работает, видно, во вторую смену, а жена — в первую. Нина Афанасьевна Бобина рассказывала, что здесь часто обедают семьями, особенно в выходные дни. Было бы везде так уютно, так вкусно, как

в «Национальном», многие хозяйки с удовольствием бы бросили свои воскресные кухонные дела.

По мнению общепитовских работников, в Саранске чая почти не спрашивают и толка в черном кофе не понимают. Но устроили, например, в университетской столовой, которой руководит Лидия Алексеевна Кирьянова, чайный стол — на белой скатерти самовары, чайники, варенье в вазочках, булочки, пирожки, — так студенты не нарадуются чаю, а столовая — неожиданно большой выручке.

Если говорить о кофе, то настоящего кофе — только что смолотого, по всем правилам сваренного — «Общепит» никогда посетителю и не предлагал.

Так когда же бывает доволен требовательный посетитель? На этот вопрос ответили в книге отзывов артисты «Ленконцерта», посетившие «Национальный»: «Ваш ресторан безусловно украшает город Саранск! Уютно. Чисто. Гостеприимно. Внимательно. И, наконец, вкусно!» Вот они, все слагаемые эстетики, этики обслуживания, которых так не хватает кафе города Саранска.

* * *

Я не могу сказать таких обидных слов в адрес руководителей треста общественного питания, какие были в том письме: «Спокойны, халатны, им лишь бы план выполнить...» Мы, потребители, нередко начинаем свои претензии с легкомысленного «им лишь бы план», как будто не догадываемся, что план — дело государственной важности. И к чести Саранского треста надо отметить, что он выполняет план из месяца в месяц, хотя в его работе и немало трудностей.

Но сегодня уже нельзя ставить перед собой задачу просто кормить, не заботясь о культуре питания, культуре обслуживания. Об этом-то как раз и напомнил возникший конфликт. А ведь есть возможности у саранского «Общепита» для работы на более высоком современном уровне, возможности, которые он пока не использует.

Арбузы долгое время считались лакомством в общем-то бесполезным. И действительно: калорийности в них практически нет. Витамина С крайне мало, минеральных солей и органических кислот тоже немного. Вода да сахар — и то если уродился арбуз сладким, а так случается далеко не всегда.

Но ученые-медики давно знают: не бывает в природе «пустых», «бесполезных» плодов. Каждый обладает своим, особым даром, надо только его распознать, научиться использовать на благо людям.

Так случилось и с арбузами. Когда ученым удалось разгадать арбузный секрет, выяснилось, что арбузы не знают в растительном мире себе равных по содержанию ценного витамина — фолиевой кислоты. Физиологическая роль этого вещества в нашей жизни пока недостаточно изучена. Однако установлено, что фолиевая кислота активно участвует в процессах кроветворения и влияет на сохранение тонкого равновесия химических процессов, происходящих в живом организме. Фолиевая кислота содержится не только в арбузах, ее обнаружили и в картофеле, зеленом горошке, цветной капусте. Но ведь эти овощи в отличие от арбузов мы не едим сырыми, а фолиевая кислота очень нестойка и при кулинарной обработке почти полностью свои свойства теряет. Вот и вышел арбуз в чемпионы по витаминам — его усиленно рекомендуют врачи тем, кто страдает заболеваниями сердечно-сосудистой системы, печени, почек, а также при малокровии.

Дыня — на втором месте после арбуза. Фолиевой кислоты в ней меньше, зато она богата еще одним редким и пока малоизученным веществом — инозитом, которое оказывает благоприятное воздействие на нервно-трофические процессы, регулирует работу желудка и кишечника. Есть в дыне витамин С, РР и каротин.

Мелкие дикие арбузы и поныне растут в пустынях Южной Африки, Индии, Малой Азии. В Европе, в том числе и в нашей стране, появились они сравнительно недавно. Вплоть до конца XVII века «заморское лакомство» привозили в Россию из-за границы. При чем сырыми не ели. Если верить старинным книгам, наши предки готовили из арбузов странное и на нынешний вкус

Наведен порядок

Дважды приходилось выступать нашему журналу по поводу беспорядков на Белебеевском молочном заводе («Письмо не опубликовано, но...», № 12, 1973 г., и «Заржавели педали», № 5, 1974 г.). Недавно редакция получила ответ из Министерства мясной и молочной промышленности СССР.

Как сообщает начальник Главного управления молочной промышленности Л. С. Косов, «в настоящее время план организационно-технических мероприятий по техническому перевооружению и механизации трудоемких работ на заводе в основном выполнен. Отремонтирован флягопропариватель, работает флягомоечная машина. Меха-

низирован участок мойки и пропарки автомолцистерн». Линию розлива молока в бутылки, как говорится в ответе, выделят в четвертом квартале этого года. Директор завода Н. И. Никитенко и главный инженер Б. П. Смагин должны в месячный срок обеспечить ее монтаж и пуск в эксплуатацию. Главмолпром установил контроль «за своевременным окончанием работ по повышению уровня механизации цеха молочной продукции».

Судя по ответу министерства, на заводе наведен порядок, и труд работниц стал легче. Остается непонятным одно: почему не понесли наказания те, кто допустил нарушение законов об охране труда женщин?

АРБУЗ С СЕКРЕТОМ

вряд ли приемлемое лакомство: изрезав на очень тонкие дольки, долго вымачивали в специальном растворе, а затем варили из вымоченных долек паутку с перцем и острыми пряностями.

Первые арбузы были посажены на юге России по царскому указу от 11 ноября 1660 г., причем предписывалось, как только диковинные овощи поспеют, немедленно доставить их в Москву. При Петре I арбузы уже перестали ввозить из-за границы. Их часто подавали во время дворцовых ассамблей, но опять-таки не свежими, а вымоченными в сахарном сиропе.

Лишь в XIX веке перешел арбуз из дворцов в крестьянские дома. И крепко прижился там, став излюбленным народным лакомством, дешевым и изобильным.

Дыня, как растение более теплолюбивое, нежное, такой популярности не завоевала. Ее история уходит в глубь веков. Арабы утверждают, что дыня — плод райских садов и доставил ее на землю один из жителей рая, совершив, таким образом, страшное преступление перед богом. В России дыни долго выращивались в парниках, потом они получили широкое распространение в республиках Средней Азии, на Украине, в Закавказье. Уже в наше время советский биолог С. П. Лебедева разработала метод прививки дыни на тыкву — и нежная дыня переселилась в среднюю полосу России.

Мы теперь не сдобриваем арбузы и дыни пряностями — предпочитаем есть сырыми, в натуральном виде. Однако не все знают, что из корок, которые обычно выбрасывают, можно приготовить изысканные лакомства. Заготавливать арбузы и дыни на зиму тоже не все умеют. Поэтому мы предлагаем читательницам «Работницы» несколько несложных рецептов.

ВАРЕНЬЕ ИЗ АРБУЗНЫХ КОРОК

Вымойте корки, очистите от мякоти и верхнего слоя зеленой кожицы, нарежьте небольшими (длиною 5—8 сантиметров) кусочками, проколите каждый вилкой.

В станане горячей воды растворите питьевую соду и смешайте с пятью стаканами холодной воды. Подготовленные корки положите в этот раствор, закройте крышкой и оставьте на четыре часа. Половину сахара всыпьте в другую кастрюлю, залейте тремя стаканами воды, поставьте на огонь и дай-

те покипеть 10—15 минут. Тем временем выньте из раствора арбузные корки, несколько раз хорошо промойте в проточной воде, потом опустите их в кипящий сироп, кипятите в течение 15 минут, снимите с огня и оставьте на ночь. Затем засыпьте корки остальным сахаром, снова поставьте на огонь, доведите до кипения и варите три часа. За две минуты до окончания варки всыпьте по вкусу ванилин. Так же варят варенье из корок дыни.

На 1 кг корок: 1,2 кг сахара, полторы чайные ложки питьевой соды, ванилин.

ЦУКАТЫ

Очистите корки (1 кг) от мякоти — кожицу не снимайте! — и разрежьте на небольшие кубики. Варите их в кипящей воде, пока не станут мягкими. Затем опустите в горячий сахарный сироп (1,5 кг сахара на 4 стакана воды), дайте 8—10 часов постоять, затем варите 10 минут, снова дайте постоять — так повторите 3—4 раза, пока корки не станут прозрачными. В самом конце добавьте чайную ложку лимонной кислоты и ва-

нили на кончике ножа. Откиньте горячие корки на сито, дайте стечь сиропу, а затем засыпьте сахарным песком, перемешайте и, встряхивая, удалите излишний сахар. Можно подсушить цукаты в негорячей духовке.

МАРМЕЛАД ИЗ ДЫНИ

Очистите дыню, нарежьте мелкими кусочками и варите на слабом огне, пока не станет мягкой. Воды возьмите немного, чтобы покрывала дыню. Затем откиньте на сито и протрите — получится пюре. В воду, где варились дыни, добавьте сахар (примерно 1 кг на 1 кг дыни) и кипятите, снимая пену. Затем смешайте с дынным пюре и снова варите, пока не загустеет.

ВАРЕНЬЕ ИЗ ДЫНИ С УКСУСОМ

Очистите спелую дыню от семян и корки, нарежьте ломтиками, залейте столовым уксу-

сом (так, чтобы он едва покрыл дыню) и дайте два дня постоять. Затем откиньте на сито, дайте стечь уксусу и варите дыню в сахарном сиропе (на 400 г очищенной дыни — 800 г сахара и стакан воды). Когда дыня станет мягкой, выньте ее, а сироп варите, пока не загустеет. Сложите кусочки дыни в банки и залейте горячим сиропом. Пока не остынет, банки не запечатывайте.

СОЛЕННЫЕ АРБУЗЫ

Солить лучше мелкие арбузы, даже незрелые. Наколите арбузы в нескольких местах, сложите их в промытую, ошпаренную кипятком бочку и залейте рассолом (на ведро холодной воды 400 г соли и 1,2 кг сахара). Рассол должен покрывать арбузы. Сверху положите чистую ткань, кружок и гнет. Через 2—3 дня бочку вынесите на холод. Недели через три арбузы можно есть.

Если хотите, чтобы арбузы были не солено-сладкими, а просто солеными, сделайте рассол без сахара: 600—800 г соли на ведро воды.

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

■ У спелых арбузов корка блестящая; если по ним постучать, — звук чистый, звонкий.

■ Арбузы и дыни хранят в закрытом помещении, разложив на полках в один ряд, хвостиками кверху, так, чтобы они не соприкасались. Температура хранения — плюсовая, но не выше 5 градусов.

■ У хорошей дыни обычно бывает толстый стебель.

■ Чтобы определить зрелость дыни, нажмите на нее с противоположной стороны от стебля: у незрелой дыни корка твердая, у спелой немного поддается при нажиме.

Ж. ОРЛОВА

ЧТОБЫ МЕБЕЛЬ БЛЕСТЕЛА

На прилавках магазинов все чаще появляются новейшие средства для мытья пола и окон, для чистки мебели и одежды. Как ориентироваться во всем многообразии этих средств, как пользоваться ими?

Обставляя квартиру новой мебелью, мы обычно не думаем о том, как лучше сохранить ее. Стараемся лишь разместить вещи покрасивее. Между тем мебель лучше не ставить вблизи от батарей — горячий воздух ей не на пользу. Надо защищать мебель и от прямых солнечных лучей — под их действием краска портится. Ну, а если все же придется поставить стол или шкаф в солнечный уголок, то периодически смазывайте их одним из таких средств, как «Искорка», «Лоск»,

«Освежитель мебели», которые образуют на поверхности невидимую защитную пленку.

Обеденный полированный стол не хочется закрывать клеенкой или скатертью — обработанная древесина хороша сама по себе. Но тем тщательнее надо беречь ее зеркальную поверхность — горячий чайник, теплая кастрюля, неосторожно поставленный на стол утюг, капли спирта или бензина могут оставить на столе пятна, шрамы. Полированная, а также покрытая лаком мебель не переносит влажную уборку, протирать ее следует сухой байковой тряпочкой, которую время от времени тщательно вытряхивают.

Если же поверхность загрязнилась — а на светлой мебели особенно заметны пятна, — протирайте ее составами «Полироль-2» и «Полироль-3». Они

удаляют пятна от жира, сладостей, чая, чернил, и на мебели меньше оседает пыли. Эти же средства освежают старую мебель из неполированного дерева, детскую и кухонную мебель, покрытую пластиком. Пластик хорошо очищается раствором моющего средства «Жемчуг». Грязь и пятна с мягкой обивки снимаются пятновыводителем или составом «Золушка».

Есть и еще средства для постоянного ухода за мебелью. «Лак мебельный» используется для лакировки деревянных поверхностей, придает им блеск.

«Лучистый» («Спидумс»), «Лучистый-1» («Ожюлас») очищают мебель от пыли, жира.

А. ЕВДОКИМЕНКО,
старший научный сотрудник
МосВНИИхимпроекта

Если делать по науке

«ПРОВОЗВЕСТНИК ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ»

Провожая взволнованных первоклассников в длинную дорогу, ведущую в страну Знания, мы кладем в их ранцы бунварь, первую книгу для чтения. Начинается она с азбуки.

Когда же появилось первое пособие для обучения чтению? Долгое время первой называли азбуку В. Бурцева, выпущенную в Москве в 1634 году. Но исследования последних лет внесли в эти данные существенную поправку.

Двадцать лет назад, в октябре 1954 года, наши центральные газеты напечатали удивительное сообщение о неизвестной до той поры книге первопечатника Ивана Федорова. Ею и оказалась «Азбука». У нас в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина есть лишь ее фотокопия, точно воспроизводящая каждую страницу бунваря. Сама же «Азбука» хранится в библиотеке Гарвардского университета США.

Небольшого формата учебник объемом в 78 страниц, хорошо отпечатанный, украшенный художественными заставками и концовками, с характерным типографским знаком Ивана Федорова. Учебник предназначался для обучения русской азбуке, содержал различные упражнения для первоначального чтения и сообщал свод грамматических правил.

Книга вышла во Львове в 1574 году. Из послесловия к ней следовало, что составителем и редактором «Азбуки» был сам Иван Федоров, что книга составлена ради скорого младенческого научения и что он испытывает страстное желание и впрямь трудиться на поприще детского просвещения.

В том, что это не просто красивые слова, нам, далеким потомкам первопечатника, пришлось убедиться самым неожиданным образом. В 1968 году Академия наук Германской Демократической Республики полностью воспроизвела издание еще одной «Азбуки» Ивана Федорова. Немецкий славист доктор Гельмут Клаус обнаружил ее в библиотеке города Готы в ГДР.

Это учебное пособие помечено 1578 годом, издано оно в Остроге. Исследовательница старопечатной книги А. С. Зернова назвала книгу «вторым изданием Бунваря Ивана Федорова». В этом она права: этот набор «Азбуки» повторяет львовскую предшественницу.

Итак, одна сенсационная находка дополнилась другой!

До сих пор считалось, что вся печатная продукция, выходящая из рук Ивана Федорова, была религиозной литературой. Он начал с нее в Москве, где по распоряжению Ивана Грозного в 1563 году было закончено строительство печатного двора и где через год появилась первая русская книга — «Апостол», отпечатанная механическими, типографским способом стараниями мастеров Ивана Федорова и Петра Мстиславца.

Не встретив полной поддержки в столице, столкнувшись с происаиями недоброжелателей и людей, суевенно настроенных, первые типографские мастера перенесли свою деятельность в литовско-русские земли, где поначалу нашли приют в имении гетмана Ходкевича. Здесь пути их разошлись. Петр Мстиславец перебрался в Вильно, завел свою типографию, и дальнейшая судьба его нам неизвестна. А Иван Федоров, к 1573 году тоже покинувший имение Ходкевича, перебрался во Львов, где через год, с большими трудами наладив дело, выпустил первую печатную книгу на украинской земле. Как и в московской типографии, это был «Апостол».

О том, что в этот же период Иван Федоров с увлечением занимался составлением и выпуском первой своей «Азбуки», мы узнали почти четыреста лет спустя. Исследуя характер нравоучительных притчей, подобранных первопечатником в качестве назидания родителям и учителям, академик М. Тихомирнов назвал составителя «Азбуки» «провозвестником гуманной педагогики».

...Подымаясь по проспекту Маркса к площади Дзержинского, москвичи и гости столицы проходят мимо бронзового первопечатника. Он внимательно рассматривает сделанный оттиск, придерживая рукой печатную доску. В свободной одежде, с ножным ремешком на длинных волосах, такой далекий и такой современный, потому что для каждого из нас дорога в мир образованности начинается с азбуки.

И. ЖЕРНЕВСКАЯ

ЧТОБЫ НЕ БЫЛО МАСТИТА

Возбудитель мастита — широко распространенный в природе стафилококк. Молочная железа состоит из 15—20 отдельных долек, имеющих свой выводной проток. Каждая долька, в свою очередь, подразделяется на множество пузырьков — альвеол, в которых и образуется молоко. Кожа, покрывающая сосок и околососковый кружок, отличается особой нежностью и ранимостью. Во время кормления ребенка на ней легко возникают ссадины, трещины, они и служат «входными воротами» для инфекции.

Всякая ссадина — это загрязненная микробами ранка, скорость заживления которой зависит от характера микробов и возможности организма сопротивляться им. Микробы, способные вызывать воспалительный процесс, можно встретить и на здоровой коже. Но там им «неуютно», и количество их с каждым днем уменьшается. Если же кожа повреждена, клетки вокруг ранки омертвели — условия для существования микробов весьма благоприятны, они очень быстро размножаются, вызывая воспаление.

Вот почему так важно женщине уже с первых месяцев беременности закалять грудь, стараться сделать кожу соска более выносливой, чтобы ее не мог травмировать жадный ротик ребенка. Это вовсе не трудно, если быть терпеливой и аккуратной, не пропускать ни дня без такой тренировки. Первое, что необходимо, — воздушные ванны. 10—15 минут в день, а еще лучше — два раза в день полежать обнаженной до пояса. Затем обмыть грудь прохладной водой и сильно растереть жестким полотенцем. После родов не надо спешить отказываться от воздушных ванн и обмываний. Но мыть грудь следует уже с мылом, воду брать теплее, а полотенце — помягче.

Нормальный сосок — плотный, упругий — выступает над поверхностью молочной железы. Ребенку его удобно захватывать. Но есть женщины, которых природа не очень «жадовала» — у них плоские, втянутые, раздвоенные или вообще недоразвитые соски. Чтобы добыть из них пиццу, малышу приходится затрачивать очень много усилий, сосать долго, а это невольно ведет к повреждению нежной кожи соска и даже к трещинам. Но и этот недостаток при хорошем терпении исправим: в течение нескольких месяцев по несколько раз в день хорошо вымытыми руками осторожно вытягивать соски, и они непременно станут выпуклыми, нормальными. И малышу и маме будет гораздо легче.

Глубоко заблуждаются те, кто считает грудницу простудным заболеванием и, стараясь от нее уберечься, тщательно завязывает грудь теплым платком, шарфом. Молочные железы «простудить» нельзя, сквозняков они не боятся. Укутывание только способствует развитию мастита. Под действием влажного тепла сопротивляемость кожи снижается и создаются превосходные условия для размножения микробов.

Иногда на сосках образуются корочки. Нельзя срывать их, лучше на несколько часов приложить кусочек марли, смазанной стерильным вазелиновым маслом. Корочки размягчаются и сами отходят.

Состояние груди беременной и кормящей женщины очень во многом зависит от того, правильно ли подобран у нее бюстгальтер. Трудно сказать, что более вредно: когда

грудь отвисает или, наоборот, туго стянута. Молоко может застаиваться, а это ведет к маститу. Правильно скроенный лифчик поддерживает грудь, но ни в коем случае ее не сдавливает.

Не рекомендуется носить во время беременности и кормления ребенка шелковые и тем более капроновые лифчики, лучше простые, из ситца, сатина. Менять их ежедневно, обязательно кипятить, гладить очень горячим утюгом, чтобы основательно обеззараживать.

Молодая мать должна хорошо усвоить «азбуку» кормления, несложные правила ухода за малышом: перед тем, как кормить, вымыть с мылом руки и грудь, кормить только сидя (а не лежа) — так меньше травмируется сосок; вкладывать в ротик ребенка не только сосок, но и околососковый кружок; держать у груди не более 20 минут (а крепких сосунов еще меньше — до 15 минут); не выдергивать резко изо рта малыша сосок, а добиваться, чтобы он сам выскользнул — для этого слегка сжать малышу нос или пощекотать его.

Сцеживать остаток молока надо очень осторожно, а главное, чистыми руками. При этом не спешить, но и не затягивать процедуру — не более 15 минут, и только в часы кормлений, не чаще.

Трещины обычно возникают в первые недели после родов. Молодая мать должна быть очень осторожной, не оставлять без внимания даже пустячную ссадину. Если их не лечить, инфекция проникает в глубину, воспалительный процесс захватывает все более обширную территорию, и справиться с ним уже очень трудно, иногда даже приходится прибегнуть к операции.

Иногда воспалительный процесс в железе начинается и при отсутствии трещин. Женщина чувствует боль, покалывание в груди, повышается температура. Тут нельзя медлить — сразу же к врачу! Именно к нему, а не к «опытным» женщинам, которые сами когда-то перенесли мастит. Их добрые советы, идущие от желания помочь, а не от медицинских знаний, порой затягивают выздоровление, а нередко навсегда лишают малыша материнского молока. Интересные данные приводит по этому поводу ленинградский врач Л. И. Гранат: при лечении маститов «домашними средствами» нагноение встречалось в четыре раза чаще, чем у женщин, обратившихся к врачу в первый же день заболевания.

До прихода врача надо лечь в постель, больную грудь приподнять косыночкой, лифчиком или широким бинтом и продолжать кормить из нее малыша, как бы ни было больно. На трещины можно положить синтомициновую эмульсию, оксикорт, примочку с раствором грамицидина (перед кормлением их, разумеется, смывают). Чтобы уменьшалось образование молока, применяют слабительное (лучше глауберову соль) и стараются как можно меньше пить. На больную грудь (через лифчик или прокладку) после каждого кормления на 15—20 минут кладут пузырь со льдом или грелку с холодной водой. Холодом можно оборвать или задержать развитие воспалительного процесса.

С. ПОЛЧАНОВА,
кандидат медицинских наук

**Предлагают
болгарские
художники-
модельеры**

Фото Йордана Йорданова.

ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ

В доме московской губернаторши В. Ф. Перфильевой поэт Яков Петрович Полонский увидел портрет, который сразу же привлек его внимание. Судя по костюму, позе и даже выражению лица женщины, изображенной на нем, писался он в XVIII веке. Но краски не потускнели, не выгорели, завораживали переливами мягких, нежных тонов. Такой же нежной, словно тающей, была и красота женщины с задумчивым взглядом. В этом взгляде были и печаль, и тайное сожаление, и робкая надежда, и мечтательная отрешенность.

Перфильева рассказала Якову Петровичу, что на портрете кисти Боровиковского изображена ее родственница Мария Ивановна Лопухина, в девичестве Толстая, родная сестра того самого Толстого-Американца, которого знал Пушкин и которому Грибоедов посвятил несколько строчек своей комедии «Горе от ума». В замужестве она была несчастна и умерла в молодости от чахотки...

И как-то сами собой у Полонского сложились строки:

Она давно прошла, и нет уже
тех глаз,
И той улыбки нет, что молча
выражали
Страданье — тень любви,
и мысли — тень печали,
Но красоту ее Боровиковский
спас.
Так часть души ее от нас
не улетела.
И будет этот взгляд и эта
прелесть тела
К ней равнодушное потомство
привлекать,
Уча его любить, страдать,
прощать, молчать.

Владимир Лунич Боровиковский родился в 1757 году на Украине, в провинциальном Миргороде. Отец его, Луна Боровик, отличался от прочих миргородских обывателей тем, что занимался иконописью и приучал к этому ремеслу своих детей. Кто знает, может быть, так же прожил бы жизнь и его сын Владимир, если бы не случилась.

В 1787 году, во время путешествия Екатерины II в Крым, по дороге ее следования воздвигались путевые дворцы. Один из них поручили расписать Владимиру Боровиковскому. Сама ли императрица заметила его роспись, или кто-то из приближенных обратил ее внимание на талант безвестного художника — мы точно не знаем. Однако известно, что по ее велению Боровиковский был направлен в Петербург, где начал работать под руководством художника Левицкого.

Поселился он в доме поэта и архитектора Н. А. Львова, который проявил к нему участие. В доме Львова собирались поэты и писатели — Капнист, Дмитриев, Карамзин... В своих сатирах и шуточных посланиях они высмеивали все напыщенное и ходульное, почитая во всем естественность — и в поэтическом языке, близком и разговорному, и в образе жизни. Способность к размышлению, созерцанию, меланхолии провозглашалась отличительной чертой людей избранных — с возвышенной душой и чувствительным сердцем.

Боровиковский был, по-видимому, человеком высокой художественной чуткости. Он проникся этими новыми веяниями, выражая их в живописи. Не случайно, говоря о русском сентиментализме, исследователи обычно рядом с Карамзиным ставят имя Боровиковского.

Сентиментализм явился своего рода реакцией на официальное анаemicкое искусство, идеалом которого были холодный рационализм, помпезность,

отвлеченность, условность. Не случайно он обратился к чувствам человека: его занимали их оттенки, изменчивость, сложность. И вместе с тем сентиментализму, более чем какому-либо другому течению, была свойственна идеализация жизни. Потому лишь немногие его создания способны сегодня заинтересовать, по-настоящему взволновать нас, как волнуют и радуют полотна Боровиковского.

Уже в 1790 году, через три года после приезда в Петербург, он пишет портрет О. К. Филипповой (ныне этот портрет находится в Русском музее), жены своего друга-архитектора, портрет, по манере исполнения не похожий ни на одну из работ Рокотова или Левицкого, а также иностранных художников, работавших в России.

Что заставило Боровиковского изобразить моделью молодую женщину с милым, усталым лицом и небрежными волосами, в белой свободной одежде, похожей на ночную блузу?.. Кажется, кто заказывает портрет, трудно отказаться от желания предстать перед потомками достойно — в лучшем наряде, с фамильными драгоценностями, с причешкой, которой отдано немало времени и труда. А здесь простота граничит с небрежностью... Портрет Филипповой писался не на заказ, а по желанию самого художника. Такой он видел эту женщину в домашней обстановке, такой и захотел изобразить. Она представлялась ему существом чистым, добрым, близким и недоступным, как мечта.

Испытывал ли художник какое-либо чувство к Филипповой, и какой характер оно носило, неизвестно. Никаких упоминаний на этот счет в его переписке не найти. Всю свою жизнь Боровиковский прожил замкнутой, сосредоточенной, аскетической, одинокой жизнью.

Не завел ни жены, ни детей. Но отныне и почти на целое десятилетие все женщины, которых он пишет (исключения единичны), неуловимо похожи на Филиппову — тот же миндалевидный разрез глаз, короткий нос, припухлые губы и то же впечатление чистоты, кротости и недоступности.

Талант Боровиковского был талантом лирическим. Ему важно было запечатлеть не только характер, душевный строй пиризирующих ему людей, но и свое впечатление от встреч с ними. Поэтому его настоящую биографию, его настоящую жизнь мы узнаем из его произведений.

В 1797 году он получает заказ на портрет Марии Ивановны Лопухиной, тогда еще незамужней, восемнадцатилетней девушки, дочери отставного генерала И. А. Толстого. Мы не знаем, как писал он этот портрет, сколько времени и при каких условиях, остались ли довольны им заказчики. Но мы знаем, что все то время, пока художник его создавал, он жил жизнью напряженной, испытывая величайший прилив сил и наслаждение, согретое истинным увлечением. «Я занят трудами моими, — пишет он. — Мне потерять час в моих обязанностях производит расстройку».

Стоит оглядеть стену одного из залов Третьяковской галереи с развешанными по ней в несколько рядов портретами Боровиковского, и взгляд невольно отыскивает именно этот портрет. Он притягивает сиянием красок, каким-то особым светом, который излучает это полотно.

Кажется, те же, что и на других портретах, приглушенные полутона: пепельный, голубой, сиреневый. Но нет, они совсем иные. Такая светлая зелень бывает только ранней весной, когда молодая листва высветляется солнцем. Такие оттенки голубого (а их на полотне более

восьми) можно подглядывать только в ту переходную от зимы пору, когда небо представляется необъятно высоким и близким одновременно. Нежные краски платка, накинутого на руку, кажется, источают аромат сирени... И сама юная девушка представлялась художнику как бы олицетворением весны. Трогательная голубая ямка на шее, по-детски припухлый рот и взгляд «бархатных» печальных глаз.

Эта грусть передается и нам, стоит повнимательнее взглянуть в портрет Лопухиной. Художник будто предчувствовал ее печальную судьбу и, предчувствуя это, сам прошался с весной и собственной любовью.

Действительно, в ее красоте двойное очарование. То она манит нас близостью счастья, желанием любви, готовностью к ней. То, отступив от полотна, рассматривая его под другим углом, мы обращаем внимание на созерцательно-здумчивую позу Лопухиной, ее безвольно опущенные руки, размытый контур ее силуэта, как бы растворяющегося фигуру в дымке фона. И она уже представляется нам самой мечтой — близкой и недоступной.

Художник и стремился к этому сложному впечатлению, он добивался его игрой полутонов, переливами цвета. Ни одному другому мастеру не удалось повторить эту изумительную гамму красок. Они — тайна Боровиковского. Не до конца разгаданной, а потому такой манящей остается и красота самой Лопухиной.

Многое на этом полотне принадежит времени. Историки воссоздают по нему типичный облик русской женщины конца XVIII века. Не одно поколение людей Лопухина учит «любить, страдать, прощать, молчать». И сколько еще будет учить...

Л. ОСИПОВА

На первой странице обложки: Хлеб. Рисунок с картины Г. Бони. В приложении к этому номеру: болгарская вышивка (из журнала «Жената днес») и выкройки женских брюк.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
[зам. главного редактора], А. Г. ХРИП-
КОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:

101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного — 250-11-72; между-
народной жизни — 250-44-80; литера-
туры и искусства — 250-12-30; семья и
быта — 250-11-93; науки и антирели-
гиозной пропаганды — 253-30-76; худо-
жественного оформления — 253-34-79;
писем — 250-57-38; массовой работы —
250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.

Сдано в набор 24/VII 1974 г. А 00833.

Подписано к печ. 15/VIII — 1974 г.

Формат 60×92¹/₂.

Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.

Тираж 12 625 000 экз.

(1-й завод: 1—10 864 800 экз.)

Изд. № 1981. Заказ № 2591.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Т. Н. ЖУРАВЛЕВА.

В. БОРОВИКОВСКИЙ. Портрет М. И. ЛОПУХИНОЙ.

Б
Р
Ю
К
И

На обороте приложения две выкройки брюк: одни, классические, слегка расклешенные от колена, с заглаженными складками, подойдут женщинам всех возрастов (мы даем выкройку 54-го размера). Вторые — модные, расширенные от бедер, без складки, из мягкой, тяжелой ткани — рекомендуются молодым, стройным и высоким (46-й размер).

Размер брюк определяется по окружности бедер: для 54-го размера она 114 см, для 46-го — 95 см. Прежде чем кроить, проверьте, насколько соответствует вашим размерам данная в журнале выкройка. Для этого снимите мерки: окружность талии; верхняя окружность бедер (на 4 см ниже пояса); окружность бедер (на 19—23 см ниже линии талии); окружность верхней части ноги (в самой полной ее части); длина от талии до пола; высота сидения, которую измеряют сидя на стуле, — от линии талии вниз по боковому шву до стула.

Нанесите снятые мерки на выкройку: горизонтальные мерки располагают перпендикулярно к обозначенной на выкройке долевой нити.

Если окружность талии меньше, чем на выкройке, уменьшите все четыре части выкройки равномерно по всем швам. Точно так же увеличивается выкройка, если окружность талии больше, чем на чертеже.

Если верхняя окружность бедер меньше или больше, чем на выкройке, разницу равномерно распределите по всем швам на линии, расположенной на 4 см ниже пояса.

По окружности бедер определяется размер брюк, и эту мерку обычно уточнять не приходится. Если нужны поправки, их делают за счет швов.

Проверяя мерку окружности ноги, помните, что брюки в этой части должны иметь 2—3 см припуска на свободное облегание. Уменьшают или увеличивают выкройку за счет шагового, то есть внутреннего, шва.

Длина брюк регулируется внизу. Припуск на подшивку 4—5 см. Для манжет увеличьте длину на 12 см — ширина манжеты в готовом виде 5 см. Нормальной считается такая длина, когда брюки почти закрывают каблук. Поэтому брюки, которые вы рассчитываете носить с туфлями на платформе или на высоком каблуке, нужно и мерить с этой обувью.

Особенно важно проверить высоту сидения. На выкройке задней половинки брюк по самому широкому месту проведите горизонтальную

линию от среднего шва к боковому (рис. 1). Измерьте длину по боковому шву от талии до этой линии и сравните с высотой сидения, измеренной по своей фигуре. Если потребуется увеличить выкройку, разрежьте ее по горизонтальной линии, подложите под выкройку бумагу и раздвиньте обе части выкройки так, чтобы длина сидения была впору. После этого склейте новую выкройку. Для уменьшения — заложите по этой линии складку.

Выкроив брюки, разутюжьте их задние половинки. Для этого сложите брюки вдвое лицевой стороной внутрь. Начинают утюжить снизу, с линии шага. Утюг ведут дугообразными движениями, одновременно левой рукой эту часть натягивают. Схема показывает места и направления, где требуется оттяжка.

Сметайте брюки и примерьте. Если ягодицы плоские и сзади образуются заломы, заколите излишки в виде складочки. Не раскалывая ее, распорите шов сидения, не доходя до пояса, и верхнюю часть шагового шва. Наметьте место для нового шва так, как показано на рис. 2. Складочку распустите. Если сзади, ниже пояса, ткань будет нависать, излишки ткани срежьте, пояс пришейте ниже. Если ягодицы слишком обтягиваются, укоротите вытачки и перешейте пояс (рис. 3). Если брюки широки, — уберите лишнее в боковые швы. Выдаётся живот — распорите пояс и вытачки, прибавьте сверху столько, сколько потребуется (рис. 4). При сильно выступающих бедрах распустите вытачки и заложите их по фигуре. Можно убавить и в боковых швах (рис. 5). При вогнутой спине на поясице образуются складочки, которые надо собрать в одну горизонтальную складку, сходящую на нет к боковым швам. Сверху, со стороны пояса срежьте столько ткани, сколько ушло в складочку, отчего вытачки станут короче (рис. 6). Заложившую складку распустите.

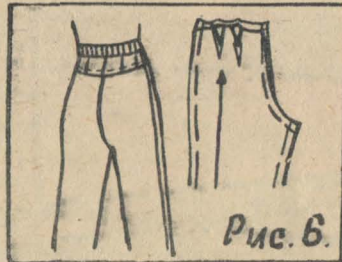
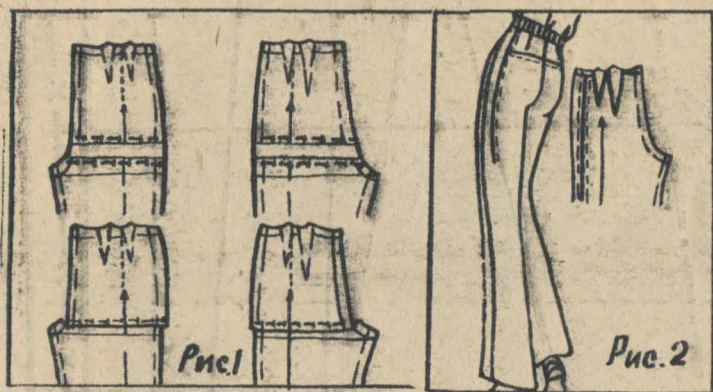
Очень важно соблюдать правильную последовательность при шитье. Сначала застрочите и отутюжьте вытачки, затем боковые швы. К каждой половине брюк пристрочите половину утолщенного, на прокладке, пояса. После этого сшейте шаговые и средние швы.

Застегиваются брюки спереди или сбоку на «молнию». К поясу пришиваются крючки.

Выкройки даны в натуральную величину, без припусков на швы.

Конструктор Т. ЛЕСНОВА.

На обороте приложения узоры для аппликации на детскую одежду.

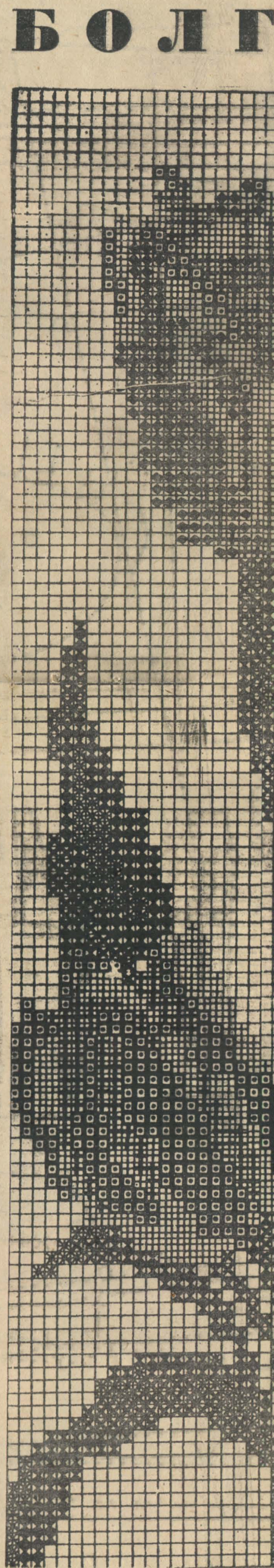
Условные обозначения:

Брюки (размер -54)

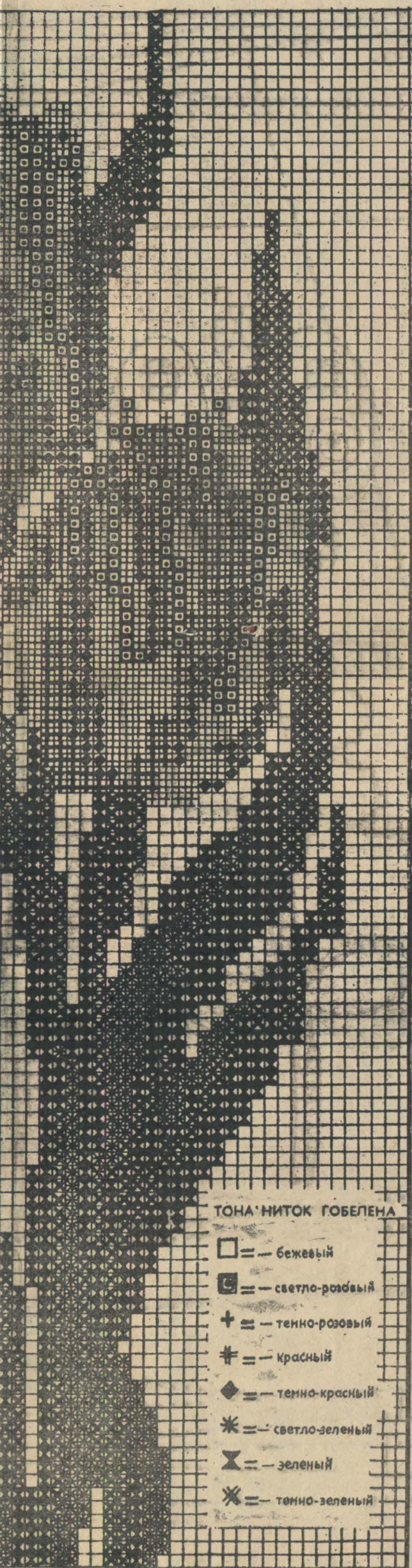
- 1. Задняя половинка-2дет. —————
- 2. Передняя половинка-2дет. - - - - -

Брюки (размер -46)

- 3. Задняя половинка-2дет. — · — · —
- 4. Передняя половинка-2дет. — x — x —

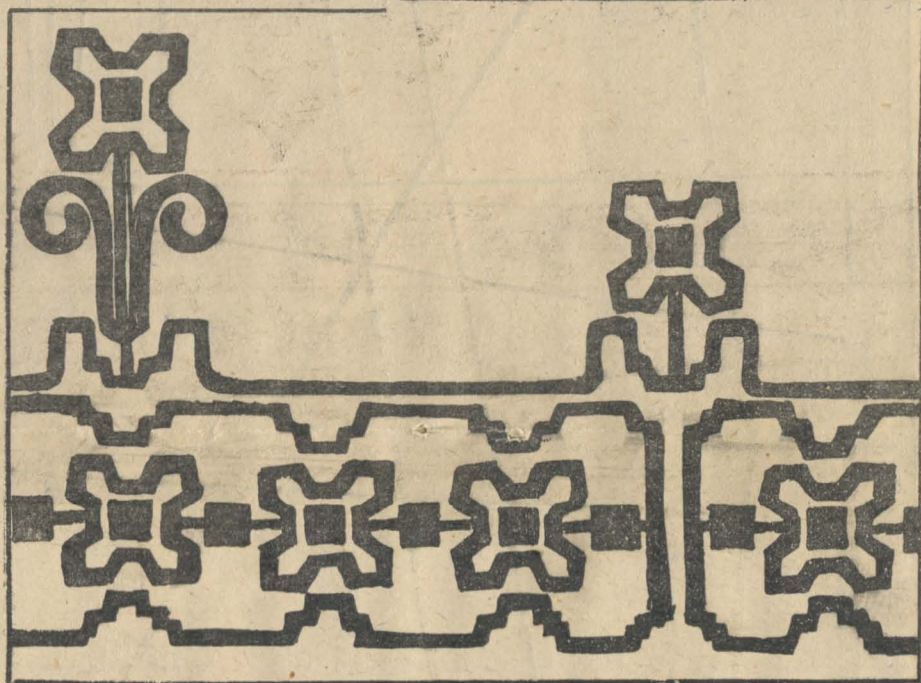
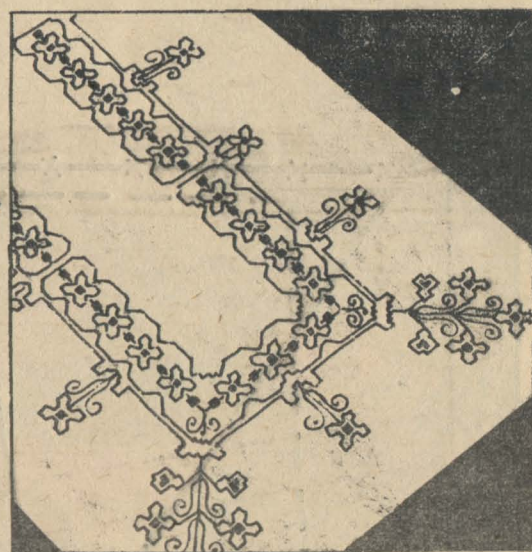
АРСКАЯ ВЫШИВКА

ГОБЕЛЕН «ТЮЛЬПАНЫ» вышивается крестом или полукрестом прямо по ткани или по канве.

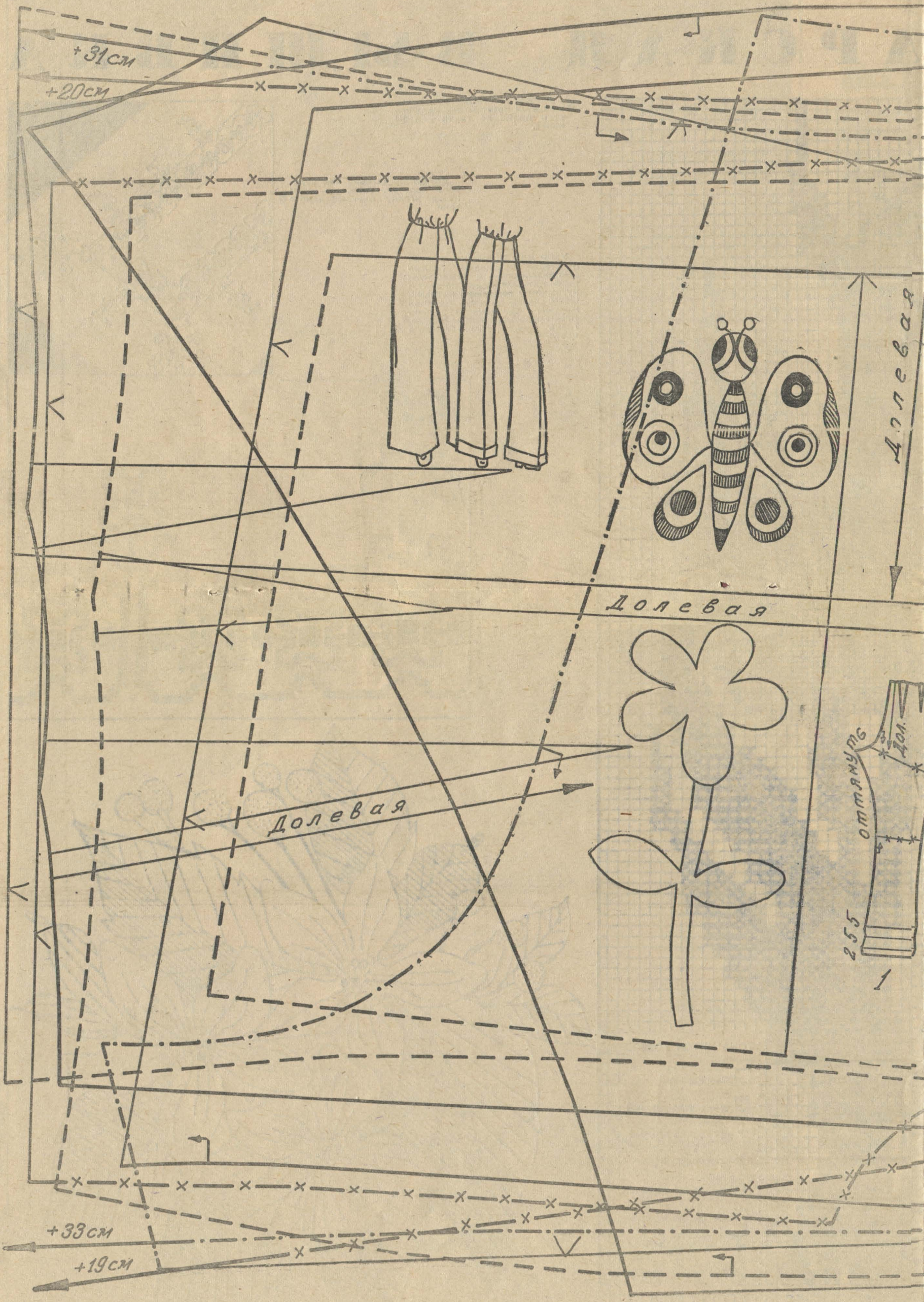
ДОРОЖКА из льна или сурового полотна. Вышивается швом назад иголку нитками одного тона.

УЗОР ДЛЯ ПОДУШКИ. Листья и стебли вышивают гладью светло-зелеными и темно-зелеными нитками. Цветы по контуру вышиты бежевыми нитками, швом назад иголку. Тычинки желтые, вышивка — узелки. Ягоды розовые, вышиты гладью. Ткань лучше темно-бежевого цвета.

ТОНА НИТОК ГОБЕЛЕНА

- — бежевый
- — светло-розовый
- ⊕ — темно-розовый
- ⊞ — красный
- ◆ — темно-красный
- ✱ — светло-зеленый
- ⊗ — зеленый
- ✶ — темно-зеленый

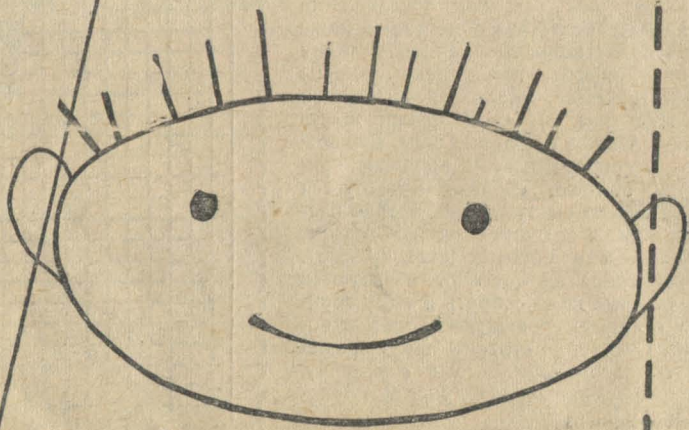

Долевая

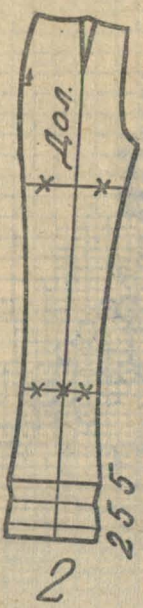
Долевая

Долевая

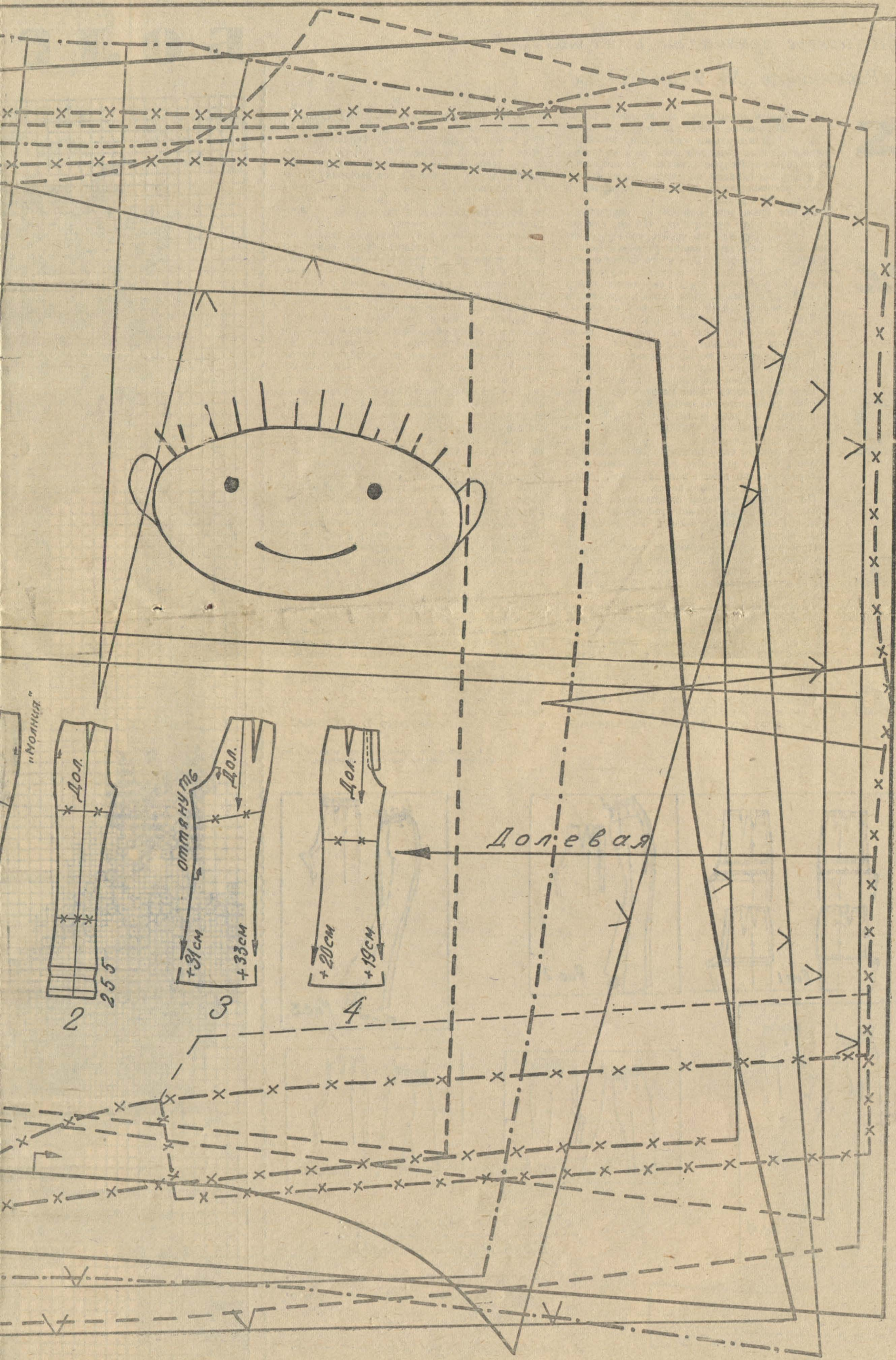
отмашка
Дол.
255

"Молния"

Долевая

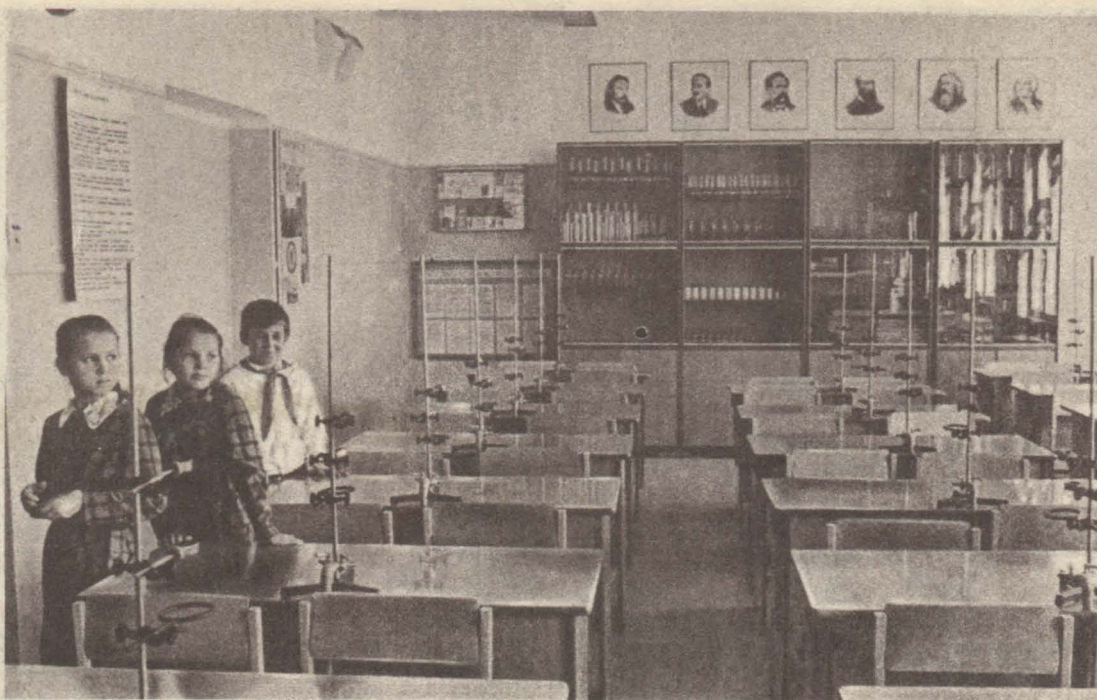
Юные москвичи получили в этом учебном году 21 новую школу. Построены школы по разным типовым проектам. Одна из них — в Вишняках-Владычине — отличается современным архитектурным решением. В школе специальные кабинеты для занятий по предметам: литература, физика, география и т. д. Не забыта и внеклассная работа, есть большие комсомольская и пионерская комнаты.

В новой школе заботливо оборудованы помещения для групп продленного дня. В одной из уютных комнат ребята смогут спокойно готовить уроки, в другой — заняться интересным для себя делом и поиграть, а в третьей комнате для младших школьников устроена просторная, светлая спальня.

Новая школа имеет хорошие слесарные и столярные мастерские, актовый и спортивный залы и большую столовую. Температура во всех помещениях будет поддерживаться кондиционерами.

По всему Советскому Союзу к 1 сентября войдут в строй более 3 500 новых школ, в которых за парты сядут 1 600 тысяч школьников.

На снимке: 352-я школа Бабушкинского района Москвы готова принять учеников.

Сделать урок интереснее, доходчивее, содержательнее поможет кино.

Представьте себе урок географии. После рассказа учителя о флоре и фауне Сибири школьники своими глазами увидят повадки зверей, их подчас скрытую от людей жизнь (фильм «Западная Сибирь»). Надолго запомнятся ребятам чудесные уголки Родины в цветных фильмах «Картины природы в смешанных лесах и тайге», «Природа степей и пустынь» и других. На уроках химии учащиеся — старшенклассники посмотрят четыре фильма, в которых рассказывается о применении химии в производстве.

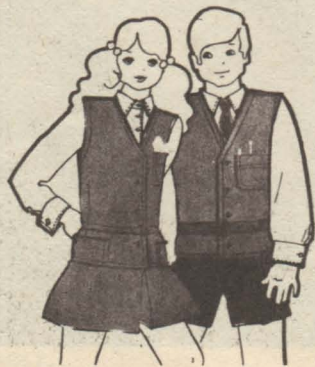
Школы уделяют большое внимание правовому воспитанию. Учащиеся познакомятся с нашими законами по фильмам «Право на труд и обязанность трудиться», «Знать и соблюдать законы нашей Родины».

Словом, школьные фильмотеки заметно пополнятся в этом году.

К НОВОМУ ШКОЛЬНОМУ ГОДУ

Наши читатели, вероятно, уже знают, что во многих наших республиках опробуются новые модели школьной формы. Удачное решение нашли в Эстонии. Художница Таллинского Дома моделей Ирена Кулгверт Труутс предложила мальчикам вместо пиджака жилет из темно-синей ткани, девочкам — юбку или брючи с жилетом.

В прошлом году такую форму старшенклассники шили себе сами на уроках домоводства или же о ней заботились родители. Школьникам новая форма понравилась. Теперь ее изготовлением займутся швейные фабрики.

Учебники с веселыми, яркими картинками радовали до сих пор только школьников первых двух классов. А в этом году новые учебники — с красочными иллюстрациями — по русскому языку, арифметике и чтению пойдут в свои портфели и учащиеся третьих классов.

Издательство «Просвещение» позаботилось о внешнем виде учебных пособий и для старшенклассников. Они изданы на хорошей бумаге, с цветными вклейками — карты, схемы, репродуциции с картин известных художников. Так выглядят учебники «История СССР», «Экономическая география зарубежных стран».

Одно только издательство «Просвещение» выпустило к новому учебному году около 200 миллионов учебников.

На снимке: главный редактор издательства «Просвещение» М. И. Попова с новыми учебниками.

Фото Е. СУСУНИКАШВИЛИ.